Сборник научных статей
по итогам работы
Международного научного форума

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Москва 2026

Коллектив авторов

Сборник научных статей по итогам работы

Международного научного форума

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Москва, 2026

УДК 330

ББК 65

С56

Сборник научных статей по итогам работы Международного научного форума НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА (г. Москва, 26 марта 2026 г.). / Отв. ред. Д. Р. Хисматуллин. — Москва: Издательство Инфинити, 2026. — 200 с.

У67

DOI 10.34660/INF.2026.85.25.152

Сборник материалов включает в себя доклады российских и зарубежных участников, предметом обсуждения которых стали научные тенденции развития, новые научные и прикладные решения в различных областях науки.

Предназначено для научных работников, преподавателей, студентов и аспирантов вузов, государственных и муниципальных служащих.

УДК 330
ББК 65

DOI 10.34660/INF.2026.85.25.152

© Издательство Инфинити, 2026
© Коллектив авторов, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Особенности сингулярно-возмущенных интегральных уравнений типа Вольтерра второго рода, когда правая часть содержит разрывные функции
Амангелдиева Фарида Амангелдиевна, Бегимкулова Марва Шадыбек, Конокбаева Адинай Конокбаевна. *8*

Асимптотика решения слабо нелинейных интегро-дифференциальных уравнений типа Вольтерра, содержащих дельта-функцию Дирака
Акылбекова Ажара Акылбековна, Темирбек кызы Аят, Эльдиярова Элина Эльдияровна. *17*

ХИМИЧЕСКИЕ НАУКИ

К кристаллизация гидроксида магния На стальной поверхности при катодной поляризации стали в модельных растворах, по составу соответствующих морской воде
Нугманов Анас Масхарович, Фирсова Людмила Юрьевна *23*

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

Критерии отбора стоматологического пломбировочного материала
Тумшевиц О. Н, Ящук В. О. *33*

Стоматологическое здоровье пациентов в современных условиях
Алехин Илья Андреевич, Виргильев Павел Сергеевич, Суслин Сергей Александрович *36*

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ

Влияние генетики на каракульскую породу овец
Старцева Дарья Александровна, Шокова Елена Алексеевна, Ларина Ольга Васильевна. *44*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Improvement directions of customs-tariff regulation of foreign trade in the Republic of Armenia
Gyulasaryan Mikayel Rafayel *48*

Роль контента в системе потребительского выбора под влиянием инверсии его стоимости в экономике внимания
Щеглова Александра Станиславовна, Иванова Екатерина Васильевна . . . 56

Ведомства и институты гражданского общества в современной системе нтикоррупционной деятельности
Туркин Игорь Евгеньевич 64

Механизмы информационного взаимодействия МЧС России с заинтересованными ведомствами и институтами гражданского общества в целях повышения эффективности антикоррупционной деятельности
Туркин Игорь Евгеньевич 68

Совершенствование информационного взаимодействия общественных организаций и органов власти по вопросам противодействия коррупции
Туркин Игорь Евгеньевич 71

Роль общественных организаций в противодействии коррупции
Туркин Игорь Евгеньевич 77

Ключевые факторы качества жизни: российский и зарубежный опыт
Лисицына Юлия Александровна 83

Взаимосвязь казначейского контроля и качества финансового менеджмента главных распорядителей бюджетных средств
Пряжников Дмитрий Сергеевич 90

Совершенствование контроля за целевым и эффективным использованием субсидий юридическим лицам на региональном уровне
Пряжников Дмитрий Сергеевич 93

Методические подходы к оценке эффективности управления региональными финансами: российский и международный опыт
Пряжников Дмитрий Сергеевич 96

Аналитика существующих подходов к классификации цифровых технологий управления и ограничения их применения на предприятиях критической информационной инфраструктуры
Кравцов Алексей Яковлевич 100

Роль евро в международных резервах (за 5 последних лет, совокупных мировых и банка России – сравнительный анализ)
Орлов Рафаэль Рустамович. 107

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Влияние санкционной политики США и ЕС на российско-японские экономические отношения (2022–2025)
Ким Анна Ивановна. 119

Кибертерроризм и киберрадикализм: сущность, понятие и современные угрозы национальной безопасности
Тусупов Куаныш Муратханович *128*

Цифровая эпоха и новые формы сепаратизма
Нуржигит Нурболат Сейткулулы *135*

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Криптоактивы как объект социологического анализа: мультипарадигмальный подход
Фурсов Андрей Викторович *141*

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Формирование надпрофессиональных компетенций студентов медицинского вуза: сравнительный анализ медико-профилактического и фармацевтического факультетов
Онбыш Татьяна Евгеньевна, Скалозуб Дмитрий Владимирович, Косянок Дарья Андреевна, Рыбасов Юрий Александрович *146*

Междисциплинарный подход в обучении в высшей школе
Кужевская Елена Борисовна *154*

Иносказательный нарратив в подготовке преподавателя иностранного языка (на материале жанра притчи)
Козлов Григорий Александрович, Косиченко Елена Федоровна, Родин Алексей Борисович *161*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Коренные народы Сахалина: историческая судьба айнов в контексте японской колониальной политики и современных политических дискурсов
Ким Анна Ивановна *174*

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Русский классический балет и хореография Китая. Традиции и новаторство
Сливков Алексей Петрович *185*

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Характеристики космической тематики в российской научно-фантастической иллюстрации 1960-х — 1980-х годов
Ван Вэй *194*

DOI 10.34660/INF.2026.77.37.117

ОСОБЕННОСТИ СИНГУЛЯРНО-ВОЗМУЩЕННЫХ ИНТЕГРАЛЬНЫХ УРАВНЕНИЙ ТИПА ВОЛЬТЕРРА ВТОРОГО РОДА, КОГДА ПРАВАЯ ЧАСТЬ СОДЕРЖИТ РАЗРЫВНЫЕ ФУНКЦИИ

Амангелдиева Фарида Амангелдиевна
магистрант
Кыргызский национальный университет имени Ж.Баласагына
Бегимкулова Марва Шадыбек
магистрант
Кыргызский национальный университет имени Ж.Баласагына
Конокбаева Адинай Конокбаевна
магистрант
Кыргызский национальный университет имени Ж.Баласагына

Аннотация. *Рассматривается асимптотическая теория сингулярно-возмущенных интегральных уравнений типа Вольтерра второго рода, когда правая часть содержит разрывные функции. Сформирована теорема и доказана, что данное уравнение имеет единственное решение при* $\varepsilon \to 0$.

Ключевые слова: Асимптотика, непрерывные функции, функция Хевисайда, дельта-функция Дирака, начальное условие, непрерывно-разрывное решение, вырожденное уравнение.

Рассматривается асимптотическая теория линейного интегрального уравнения типа Вольтерра

$$\varepsilon u(x)+\int_0^x b(t)\,u(t)\,dt = f_1(x) + \theta(P_1)\,f_1(x) \qquad (1)$$

где $0<\varepsilon<1$ $b(x), f_0(x), f_1(x)$ – заданные непрерывные функции, причем $b(x)>0$ $\theta(P_1)=\theta(x-x_1)=\begin{cases}0, & x\le x_1\\ 1, & x>x_1\end{cases}$, $\theta'(x-x_1)=\delta(x-x_1)$ – дельта функция Дирака, $\delta(x-x_1)=\begin{cases}0, & x\neq x_1\\ \infty, & x=x_1\end{cases}$, x_1 – заданная постоянная, $\theta(P_1)$ – функция Хевисайда, $P_1=x-x_1$, $b(x)>0$.

Полагая $\varepsilon = 0$ из (1) получим

$$u(0) = \frac{f_0(0)}{\varepsilon} \qquad (1_0)$$

Продифференцировав (1) получим

$$\varepsilon u'(x) + b(x)u(x) = f_0'(x) + \delta(P_1) f_1(x) + \theta(P_1) f_1'(x) \qquad (1_1)$$

$$u(0) = \frac{f_0(0)}{\varepsilon} \qquad (1_0)$$

Подстановкой $u(x) = u_0(x) + \theta(P_1)u_1(x)$ (1_2)

Уравнение (1_1) приводится к виду

$$\varepsilon u_0'(x) + \varepsilon\delta(P_1)u_1(x_1) + \varepsilon\theta(P_1)u_1'(x) + b(x)\left(u_0(x) + \theta(P_1)\, u_1(x)\right) =$$

$$= f_0'(x) + \delta(P_1) f_1(x) + \theta(P_1) f_1'(x) \qquad (1_3)$$

Приравнивая коэффициенты при $\delta(P_1)$ получим

$$u_1(x_1) = \frac{f_1(x_1)}{\varepsilon} \qquad (1_4)$$

Учитывая свойства функции Хевисайда из(1_3) получим

$$\varepsilon u_0'(x) + b(x)u_0(x) = f_0'(x), \qquad 0 < x \le 1 \qquad (1_5)$$

$$u_0(0) = \frac{f(_0 0)}{\varepsilon}$$

$$\varepsilon u'_1(x) + b(x)u_1(x) = f'_1(x),$$

$$u_1(x_1) = \frac{f_1(x_1)}{\varepsilon} \qquad (1_6)$$

Решение уравнения (1_5) ищем в виде

$$u_0(x) = \frac{\Pi_1\left(\frac{x}{\varepsilon}\right)}{\varepsilon} + v_0(x) + \Pi_0\left(\frac{x}{\varepsilon}\right) + \varepsilon\xi_0(x,\ \varepsilon), \qquad (1_7)$$

Подставив (1_7) в (1_5) получим

$$\frac{\dot{\Pi}_1\left(\frac{x}{\varepsilon}\right)}{\varepsilon} + \varepsilon v_0' + \dot{\Pi}_1\left(\frac{x}{\varepsilon}\right) + \varepsilon^2\ \xi_0' + b(x)\left(\frac{\Pi_{-1}}{\varepsilon} + v_0 + \Pi_0 + \varepsilon\xi_0\right) = f_0'(x),$$

$$\frac{f_0(0)}{\varepsilon} = \frac{\Pi_{-1}(0)}{\varepsilon} + v_0(0) + \Pi_0(0) + \varepsilon\xi_0(0,\ \varepsilon)$$

Определим неизвестные функции $b(x)\, v_0(x) = f_0'(x)$, уравнение (1_7) запишем в виде

$$\frac{\dot{\Pi}_{-1}}{\varepsilon} + \varepsilon v_0' + \dot{\Pi}_0 + \varepsilon^2 \xi_0' + \left(b(0) + b'(0)\varepsilon\tau \right)\left(\frac{\Pi_{-1}(\tau)}{\varepsilon} + \Pi_0(\tau) \right) +$$

$$+ b''(\theta\varepsilon\tau)\frac{\varepsilon^2\tau^2}{2}\left(-\frac{\Pi_{-1}}{\varepsilon} + \Pi_0 \right) + b(x)\varepsilon\xi_0 = 0.$$

Определим неизвестные функции $[\Pi_{-1},\ \Pi_0,\ \xi_0]$ в виде

$$\dot{\Pi}_{-1}(\tau) + b(0)\Pi_{-1}(\tau) = 0, \qquad \tau = \frac{x}{\varepsilon} \tag{1_8}$$

$$\dot{\Pi}_0(\tau) + b(0)\Pi_0(\tau) + b'(0)\tau\, \Pi_{-1}(\tau) = 0, \tag{1_9}$$

$$\varepsilon\xi_0' + b(x)\xi_0 = -v_0'(x) - b''(\theta\varepsilon\tau)\left(\frac{\Pi_{-1}}{\varepsilon} + \Pi_0 \right)\frac{\varepsilon\tau^2}{2} \tag{2}$$

Из (1_7) определим начальные условия

$$\Pi_{-1}(0) = f_0(0), \qquad \Pi_0(0) = -v_0(0), \qquad \xi_0(0,\ \varepsilon) = 0$$

Определим

$$v_0(x) = \frac{f_0'(x)}{b(x)}, \qquad v_0(0) = \frac{f_0'(0)}{b(0)}$$

$$\Pi_{-1}(\tau) = e^{-b(0)\tau} f_0(0), \qquad \Pi_0(\tau) = -e^{-b(0)\tau} v_0(0) - \int_0^\tau e^{-b(0)(\tau - s)} b'(0)\, s e^{-b(0)s} f_1(s)\, ds$$

$$v_0(x) = \frac{f_0'(x)}{b(x)}, \qquad v_0(0) = \frac{f_0'(0)}{b(0)} \tag{2}$$

Введем обозначение: $g_0(x,\ \varepsilon) = -v_0'(x) - b''(\theta_0\varepsilon\tau)(\Pi_{-1} + \Pi_0\varepsilon)\frac{\tau^2}{2}$

имеет место оценка $|g_0(x,\ \varepsilon)| \le C_0 = const$.

Уравнение запишется в виде

$$\varepsilon\xi_0' + b(x)\xi_0 = g_0(x,\ \varepsilon), \qquad \xi_0(0,\ \varepsilon) = 0 \tag{2_0}$$

Решение уравнения (2_0) имеет вид

$$|\xi_0| \le \left| \int_0^x e^{-\int_s^x \frac{b(t)}{\varepsilon} dt} g_0(s,\ \varepsilon)\, ds \right| \le \int_0^x e^{-\frac{2(x-s)}{\varepsilon}} \frac{1}{\varepsilon} C_1 ds \le C_1 = const,$$

$$\max_{0 \le x \le 1} |b(x)| \le 2 = const \qquad (2_1)$$

Аналогично рассмотрим уравнение (1_6), решение (1_6) ищем в виде

$$u_1(x) = \frac{Q_{-1}\dfrac{(x-x_1)}{\varepsilon}}{\varepsilon} + w_1(x) + Q_1\frac{(x-x_1)}{\varepsilon} + \varepsilon\xi_1(x,\varepsilon) \qquad (2_2)$$

Подставив начальное условие (1_6) получим

$\dfrac{f_1(x_1)}{\varepsilon} = \dfrac{Q_{-1}(0)}{\varepsilon} + w_1(x_1) + Q_1(0) + \varepsilon\xi_1(x_1,\varepsilon)$ отсюда определим

$$Q_{-1}(0) = f_1(x_1), \qquad Q_1(0) = -w_1(x_1), \qquad \xi_1(x_1,\ \varepsilon) = 0 \qquad (2_3)$$

Подставив (2_2)в (1_6) получим

$$\frac{\dot{Q}_{-1}(\tau_1)}{\varepsilon} + \varepsilon w_1' + \dot{Q}_{-1}(\tau_1) + \varepsilon^2\xi_1' + b(x)\left(w_1(x) + \frac{Q_{-1}}{\varepsilon} + Q_1 + \varepsilon\xi_1\right) = f_1'(x) \qquad (2_4)$$

где $\tau_1 = \dfrac{(x-x_1)}{\varepsilon}$. Определим неизвестную функцию $w_1(x)$:

$$b(x)w_1(x) = f_1'(x) \qquad (2_5)$$

Уравнение (2_4) запишется в виде

$$\frac{\dot{Q}_{-1}(\tau_1)}{\varepsilon} + \varepsilon w_1' + \dot{Q}_1(\tau_1) + \varepsilon^2\xi_1' + b(x)\left(\frac{Q_{-1}}{\varepsilon} + Q_1\right) + b(x)\varepsilon\xi_1 = 0 \qquad (2_5)$$

Рассмотрим функцию

$$b(x)\left(\frac{Q_{-1}(\tau 1)}{\varepsilon} + Q_1(\tau)_1\right) = b(x_1+\varepsilon\tau_1)\left(\frac{Q_{-1}(\tau_1)}{\varepsilon} + Q_1(\tau_1)\right) =$$

$$= \left(b(x_1) + b'(x_1)\varepsilon\tau + b''\left(x_1 + \theta_0(\varepsilon)\frac{(\varepsilon\ \tau)^2}{2}\right)\left(\frac{Q_{-1}(\tau_1)}{\varepsilon} + Q_1(\tau_1)\right)\right) =$$

$$= b(x_1)\frac{Q_{-1}(\tau_1)}{\varepsilon} + b(x_1)\,Q_1(\tau_1) + b'(x_1)\,\tau Q_{-1} + \left(b'(x_1)\,\tau_1\,\varepsilon + \frac{b''\,\varepsilon\,\tau^2}{2}\right)\varepsilon Q_1 +$$

$$+ b''\left(x_1 + \theta_0(\varepsilon)\frac{\varepsilon\,\tau_1^{\,2}}{2}\right)Q_{-1} \qquad (2_6)$$

Подставив (2_6) в (2_5), а затем определим $[Q_{-1},\ Q_0,\ w_1,\ \xi_1]$в виде

$$\dot{Q}_{-1}'(\tau_1) + b(x_1)\, Q_{-1}(\tau_1) = 0, \qquad (2_7)$$

$$\dot{Q}_1(\tau_1) + b(x_1)\, Q_1(\tau_1) + b'(x_1)\, \tau Q_{-1}(\tau_1) = 0, \qquad (2_8)$$

$$\varepsilon\, \xi_1' + b(x)\, \xi_1 = g_1(x, \varepsilon) \qquad (2_9)$$

Где $g_1(x, \varepsilon) \equiv -w_1' - \left(b'(x_1)\tau_1 + \frac{b''(c_1)\tau_1^2}{2}\varepsilon \right) Q_1(\tau_1) + \frac{b''\,\tau_1^2}{2} Q_{-1}$

имеет место оценка $|g_1(x,\varepsilon) \leq C_1 = \text{const}|$. Решение (2_7), (2_3) имеет вид

$$\left|Q_{-1}(\tau_1)\right| \leq e^{-b(x_1)\tau_1} \left|f_1(x_1)\right|, \qquad \left|Q_1(\tau)\right| \leq e^{-b(x_1)\tau}\, C_1, \qquad C_1 = const > 0.$$

Уравнение (2_9) имеет решение $\xi_1(x,\varepsilon) = \int_{x_1}^{x} e^{-\int_s^x \frac{b_1(t)dt}{\varepsilon}} \frac{1}{\varepsilon} g_1(s, \varepsilon)\, ds$

Имеет оценку $\left|\xi_1\right| \leq C_1 = const.$

Подставив (1_7), (2_2) в (1_2) получим непрерывно-разрывное решение в виде

$$u(x, \varepsilon) = \frac{\Pi_{-1}\frac{x}{\varepsilon}}{\varepsilon} + v_0(x) + \Pi_0 \frac{x}{\varepsilon} + \varepsilon\, \xi_0(x, \varepsilon) + \\ + \theta(P_1) \left(\frac{Q_{-1}(\tau_1)}{\varepsilon} + w_1(x) + Q_0(\tau_1) + \varepsilon\, \xi_1(x, \varepsilon) \right), \qquad (3)$$

причем при $\varepsilon \to 0$ это решение сходится к разрывному решению вырожденного уравнения на сегменте $0 \leq x \leq 1$

$$\lim_{\varepsilon \to 0} u(x, \varepsilon) = v_0(x) + \theta(P_1)\, w_1(x)$$

Этот метод применим к решению следующего интегрального уравнения

$$\varepsilon u(x) + \int_0^x K(x,t)u(t)dt = f_0(x) + \theta(p_1) f_1(x) \qquad (3_0)$$

$$u(0) = \frac{f_0(0)}{\varepsilon}.$$

Дифференцируя уравнение (3_0) получим

$$\varepsilon u' + K(x,x)u(x) + \int_0^x K_x'(x,t)u(t)dt + f_0(x) + \delta(p_1) f_1(x_1) + \theta(p_1) f_1'(x) \qquad (3_1)$$

Введем обозначения $K(x, x) = a(x), K'_{\partial}(x, t) = H(x, t)$ Тогда уравнение (3_1) запишется в виде

$$\varepsilon u' + a(x)u(x) + \int_0^x H(x,t)u(t)dt + f_0(x) + \delta(p_1)f_1(x_1) + \theta(p_1)f_1(x) \qquad (3_2)$$

$$a(x) > 0$$

решение ищем в виде $u(x,\varepsilon) = u_0(x) + \theta(p_1)u_1(x)$ (3_3)

Подставив (3_3) в (3_3) получим

$$\varepsilon u_0' + \varepsilon\delta(p_1)u_1(x_1) + \varepsilon\theta(p_1)u_1' + a(x)(u_0(x) + \theta(p_1)u_1(x)) +$$

$$+\int_0^x H(x,t)(u_0 + \theta(p_1)u_1)dt = f_0(x) + \delta(p_1)f_1(x_1) + \theta(p_1)f_1'(x) \quad (3_4)$$

Приравнивая коэффициенты при $\delta(p_1)$ получим

$$u_1(x_1) = \frac{f_1(x_1)}{\varepsilon} \qquad (3_5)$$

Учитывая свойства функции Хевисайда

$$\varepsilon u_0' + a(x)u_0 + \int_0^x H(x,t)u_0 dt = f_0(x) \qquad (3_6)$$

$$u_0(0) = \frac{f_0(0)}{\varepsilon}$$

$$\varepsilon u_1' + a(x)u_1(x) + \int_{x_1}^x H(x,t)u_1 dt = f_1'(x) \qquad (3_6)$$

$$u_1(x_1) = \frac{f_1(x_1)}{\varepsilon}$$

Рассмотрим линейное интегро-дифференциальное уравнение (3_5). Решение ищем в виде

$$u_0(x,\varepsilon) = \frac{\Pi_{-1}(\frac{x}{\varepsilon})}{\varepsilon} + \Pi_0(\frac{x}{\varepsilon}) + v_0(x) + \varepsilon\xi_0(x,\varepsilon) \qquad (3_7)$$

Определим начальное условие $\frac{\Pi_{-1}(0)}{\varepsilon} + \Pi_0(0) + v_0(0) + \varepsilon\xi_0(0,\varepsilon) = \frac{f_0(0)}{\varepsilon}$

отсюда $\Pi_{-1}(0) = f_0(0), \quad \Pi_0(0) = -v_0(0), \quad \xi_0(0,\varepsilon) = 0$ (3_8)

Подставив (3_7) в (3_5) получим

$$\frac{\dot{\Pi}_{-1}}{\varepsilon} + \dot{\Pi}_0 + \varepsilon v_0' + \varepsilon^2\xi_0' + a(x)\left(\frac{\Pi_{-1}}{\varepsilon} + \Pi_0 + v_0 + \varepsilon\xi_0\right) +$$

$$+\int_0^x H(x,t)\left(\frac{\Pi_{-1}}{\varepsilon} + \Pi_0 + v_0 + \varepsilon\xi_0\right)dt = f_0(x) \qquad (3_9)$$

Рассмотрим функцию

$$a(x)\left(\frac{\Pi_{-1}\frac{x}{\varepsilon}}{\varepsilon}+\Pi_0\frac{x}{\varepsilon}\right)=a(\varepsilon\tau)\left(\frac{\Pi_{-1}(\tau)}{\varepsilon}+\Pi_0(\tau)\right)=$$

$$=(a(0)+a'(0)\varepsilon\tau+\frac{a''(\theta\varepsilon\tau)\varepsilon^2\tau^2}{2})\left(\frac{\Pi_{-1}}{\varepsilon}+\Pi_0\right)=$$

$$=a(0)\frac{\Pi_{-1}}{\varepsilon}+a'(0)\tau\Pi_{-1}+a(0)\Pi_0+a'(0)\varepsilon\tau\Pi_0+$$

$$+\frac{a''(\theta\varepsilon\tau)\varepsilon\tau^2}{2}\left(\Pi_{-1}+a''(\theta_0\varepsilon\tau)\frac{\varepsilon^2\tau^2}{2}\Pi_0(\tau)\right) \qquad (4)$$

$$\int_0^x H(x,t)\left(\frac{\Pi_{-1}(\frac{t}{\varepsilon})}{\varepsilon}+\Pi_0(\frac{t}{\varepsilon})\right)dt=\varepsilon\int_0^\tau H(x,\varepsilon\tau)\left(\frac{\Pi_{-1}(\tau)}{\varepsilon}+\Pi_0(\tau)\right)d\tau=$$

$$=\varepsilon\int_0^\infty H(x,\varepsilon\tau)(\frac{\Pi_{-1}(\tau)}{\varepsilon}+\Pi_0(\tau))d\tau-\varepsilon\int_\tau^\infty H(x,\varepsilon\tau)(\frac{\Pi_{-1}(\tau)}{\varepsilon}+\Pi_0(\tau))d\tau=$$

$$=\varepsilon\int_0^\infty (H(x,0)+H'_\tau(x,\theta\varepsilon\tau)\varepsilon\tau)(\frac{\Pi_{-1}(\tau)}{\varepsilon}+\Pi_0)d\tau-\varepsilon\int_\tau^\infty (H(0,0)+H'_\tau(0,0)\tau\varepsilon)(\frac{\Pi_{-1}}{\varepsilon}+\Pi_0(\tau))d\tau=$$

$$=\int_0^\infty H(x,0)\Pi_{-1}(\tau)d\tau+\varepsilon\int_0^\infty H(x,0)\Pi_0(\tau)d\tau+\int_0^\infty \varepsilon H'_\tau(x,\theta\varepsilon\tau)\tau\Pi_{-1}d\tau+$$

$$+\varepsilon^2 H'_\tau(x,\theta\varepsilon\tau)d\tau-\int_\tau^\infty H(x,0)\Pi_{-1}d\tau-\varepsilon\int_\tau^\infty H(x,0)\Pi_0 d\tau-\int_\tau^\infty \varepsilon H'_\tau(x,\theta\varepsilon\tau)\tau\Pi_{-1}d\tau-$$

$$-\varepsilon^2\left(\frac{1}{\tau}(x,\theta\varepsilon\tau)2\Pi_0\right)d\tau \qquad (4_0)$$

Подставив (4), (4_0) в (3_9) определим

$$\dot\Pi_{-1}(\tau)+a(0)\Pi_{-1}(\tau)=0,\quad \Pi_{-1}(0)=f_0(0) \quad (4.1)$$

$$\dot\Pi_0(\tau)+a(0)\Pi_0(\tau)+a'(0)\tau\Pi_{-1}(\tau)=0,\quad \Pi_0(0)=-v_0(0) \qquad (4_2)$$

$$a(x)v_0(x)+\int_0^x H(x,t)v_0dt+\int_0^\infty H(x,0)\Pi_{-1}(s)ds=f_{0'}(x) \qquad (4_3)$$

$$\varepsilon\xi_0'+a(x)\xi_0+\int_0^x H(x,t)\xi_0 dt=f_{00}(x,\varepsilon),\quad \xi_0(0,\varepsilon)=0 \qquad (4_4)$$

где $f_{00}(x,\ \varepsilon)$ – известная функция. Имеет место оценка $|f_{00}(x,\varepsilon)|\le C_0=const$

Решение уравнения (4_1) и (3_8) имеет вид $\Pi_{-1}(\tau)=e^{-a(0)\tau}f_0(0),\quad \tau=\frac{x}{\varepsilon}.$ (4_5)

Введем обозначение

$$g_0(x,\varepsilon) = f_0(x) - \int_0^\infty H(x,t)\Pi_{-1}(\tau)dt = f_0(x) - \int_0^\infty H(x,t)e^{-\frac{a(x_1)}{\varepsilon}\tau}\Pi_{-1}(0)dt =$$

$$= f_0(x) + \frac{H(x,0)}{a(0)} f_0(0)e^{-a(0)\tau}\Big|_0^\infty = f_0(x) - \frac{H(x,0)}{a(0)} \cdot f(0)$$

Уравнение (4_2) имеет решение

$$v_0(x) = a^{-1}(x)g_0(x,\varepsilon) - \int_0^x R(x,t)a^{-1}(t)g_0(t,\varepsilon)dt \equiv v_{00}(x),$$

где $R(x,t)$ – резольвента ядра $H(x,t)a^{-1}(t)$

Уравнение (4_2) (5_8) имеет решение

$$|\Pi_0(\tau)| \le C_0 e^{-a(0)\tau}, \quad C_0 = const > 0$$

Рассмотрим уравнение (4_4), решение запишем в виде

$$\varepsilon\xi_0(x,\varepsilon) = \int_0^x e^{-\int_s^x \frac{a(t)}{\varepsilon}dt} \frac{1}{\varepsilon}\left[f_{00}(s,\varepsilon) - \int_0^s H(s,t)\xi_0 dt \right] ds =$$

$$= \int_0^x e^{-\frac{2}{\varepsilon}(x-s)} \frac{1}{\varepsilon}\left[f_{00}(s,\varepsilon) - \int_0^s H(s,t)\xi_0 dt \right] ds \qquad (4_6)$$

$$|a(x)| = 2 = const$$

Интегральное уравнение (4_6) имеет единственное решение $\xi_0(x,\varepsilon)$.

Решение (3_6) ищем в виде

$$y_1(x,\varepsilon) = \frac{\Pi_{-1}(\frac{x-x_1}{\varepsilon})}{\varepsilon} + \Pi_1(\frac{x-x_1}{\varepsilon}) + v_1(x) + \varepsilon\xi_1(x,\varepsilon) \qquad (4_7)$$

Сложив эти условия $\frac{f_1(x_1)}{\varepsilon} = \frac{\Pi_{-1}(0)}{\varepsilon} + \Pi_1(0) + v_1(x_1) + \varepsilon\xi_1(x_1,\varepsilon)$ (4_8)

$$\Pi_{-1}(0) = f_1(x_1), \quad \Pi_0(0) = -v_1(x_1), \quad \xi_1(x_1,\varepsilon) = 0$$

Подставив (4_7) в (3_6) определим неизвестные функции $[\Pi_{-1}, v_1, \Pi_1, \xi_1]$ в виде

$$\dot{\Pi}_{-1} + a(x_1)\Pi_{-1} = 0 \qquad (4_9)$$

$$\dot{\Pi}_1 + a(x_1)\Pi_1 = -a'(x_1)\tau_1\Pi_{-1} \qquad (5)$$

$$a(x)v_1 + \int_{x_1}^x H(x,t)v_1 dt = f_1(x) + \int_{x_1}^x H(x,x_1)\Pi_{-1}(\tau)dt \qquad (5_0)$$

$$\varepsilon\xi_1' + a(x)\xi_1 + \int_{x_1}^x H(x,t)\xi_1 dt = g_1(x,\varepsilon) \qquad (5_1)$$

Из уравнения (4_9) - (5_1) определим неизвестные функции

$$\Pi_{-1}(\tau_1) = e^{-a(x_1)\tau_1} f_1(x_1), \quad \tau_1 = \frac{x - x_1}{\varepsilon},$$
$$v_1(\dot{x}) = v_1(x),$$
$$|\Pi_1(\tau_1)| \le C_1 e^{-a(x_1)\tau_1},$$
$$|\xi_1| \le C_1 = const, \quad x_1 \le x \le 1.$$

Нами доказана следующая теорема.

Теорема. Пусть 1) $K(x,t), f_0(x), f_1(x)$ - заданные непрерывные функции, 2) $a(x) > 0$ на сегменте $[0,1]$. Тогда при $0 < \varepsilon \le \varepsilon_0, \varepsilon_0$ — фиксированное число, интегро-дифференциальное уравнение (3_2) имеет единственное решение:

$$u(x,\varepsilon) = \frac{\Pi_{-1}(\frac{x}{\varepsilon})}{\varepsilon} + v_0(x) + \Pi_0(\frac{x}{\varepsilon}) + \varepsilon\xi_0(x,\varepsilon) + \theta(x - x_1)\left(\frac{\Pi_{-1}(\tau_1)}{\varepsilon} + \right.$$
$$\left. + v_1(x) + \Pi_1(\tau_1) + \varepsilon\xi_1(x,\varepsilon)\right), \quad \tau_1 = \frac{x - x_1}{\varepsilon}$$

при $\varepsilon \to 0$ это решение сходится к регулярному решению

$$\lim_{\varepsilon \to 0} u(x,\varepsilon) = v_0(x) + \theta(x - x_1)v_1(x), \quad 0 \le x \le 1.$$

Литература

1. Иманалиев М. Асимптотические методы в теории сингулярно-возмущенных интегро-дифференциальных систем, Фрунзе, Илим 1972 г.

DOI 10.34660/INF.2026.77.85.219

АСИМПТОТИКА РЕШЕНИЯ СЛАБО НЕЛИНЕЙНЫХ ИНТЕГРО-ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ УРАВНЕНИЙ ТИПА ВОЛЬТЕРРА, СОДЕРЖАЩИХ ДЕЛЬТА-ФУНКЦИЮ ДИРАКА

Акылбекова Ажара Акылбековна
магистрант
Кыргызский национальный университет имени Ж.Баласагына
Темирбек кызы Аят
магистрант
Кыргызский национальный университет имени Ж.Баласагына
Эльдиярова Элина Эльдияровна
магистрант
Кыргызский национальный университет имени Ж.Баласагына

Аннотация. *Рассматривается асимптотическая теория слабо нелинейных интегро-дифференциальных уравнений типа Вольтерра, содержащих дельта-функцию Дирака. Получены достаточные условия существования и единственности разрывного решения при* $\varepsilon \to 0$ *на полусегменте* $0 < x \le 1$ *и доказана теорема.*

Ключевые слова: *Асимптотика, разрывная функция, функция Хевисайда, дельта-функция Дирака, начальное условие, последовательное приближение, однородное уравнение.*

Рассмотрим интегро-дифференциальное уравнение вида

$$\varepsilon u' + u = \int_0^x K(x,t)u(t)dt + f_0(x) + \theta(P_1)f_1(x) + \\ + \varepsilon g(x_1 \int_0^x Q(x,t)ydt) + A_1\delta(P_1) \qquad (1)$$

$$u(0) = b \qquad (1_0)$$

Решение уравнения (1), (1_0) ищем в виде

$$u(x,\varepsilon) = u_0(x) + \theta(P_1)u_1(x) \qquad (1_1)$$

Подставив (1_1) в (1) получим

$$\varepsilon u_0' + \varepsilon\delta(P_1)u_1(x_1) + \varepsilon\theta(P_1)u_1' + u_0 + \theta(P_1)u_1 = \int_0^x K(x,t)(u_0 + \theta(P_1)u_1)dt +$$

$$+ f_0(x) + \theta(P_1)f_1 + \varepsilon g(x\int_0^x Q(x,t)(u_0 + \theta(P_1)u_1)dt) + A_1\delta(P_1) \qquad (1_2)$$

Приравнивая коэффициенты при $\delta(P_1)$:

$$u_1(x_1) = \frac{A_1}{\varepsilon} \qquad (1_3)$$

Учитывая свойства функции Хевисайда, получим цепочку систем интегро-дифференциальных уравнений:

$$\varepsilon u_0' + u_0 = \int_0^x K(x,t)u_0 dt + f_0(x) + \varepsilon g(x_1\int_0^x Q(x,t)u_0 dt) \qquad (1_4)$$

Начальное условие:

$$u_0(0) = b \qquad (1_5)$$

$$\varepsilon u_1' + u_1 = \int_{x_1}^x K(x,t)u_1 dt + f_1(x) + \varepsilon\left[g(x,\int_0^{x_1} Q(x_1 t)u_0 dt + \int_{x_1}^x Q(x,t)u_1 dt) - g(x,\int_0^x Q(x,t)u_0 dt)\right]$$

$$u(x_1) = \frac{A_1}{\varepsilon} \qquad (1_6)$$

Решение уравнений (1_4), (1_5) ищем в виде

$$u_0(x) = v_0(x) + \Pi_0(\frac{x}{\varepsilon}) + \varepsilon\xi_0(x,\varepsilon) \qquad (1_7)$$

$$b = v_0(0) + \Pi_0(0) + \varepsilon\xi_0(0,\varepsilon) \qquad (1_8)$$

$$\Pi_0(0) = b - v_0(0), \quad \xi_0(0,\varepsilon) = 0$$

Подставив (1_7) в (1_4) и определим неизвестные $[v_0(x), \Pi_0(\frac{x}{\varepsilon}), \xi_0]$ в виде

$$v_0 = \int_0^x K(x,t)v_0 dt + f_0(x), \quad (1_9)$$

$$\dot{\Pi}_0(\tau) + \Pi_0(\tau) = 0, \quad \Pi_0(0) = b - v_0(0) \qquad (2)$$

$$\varepsilon\xi_0' + \xi_0 = -v_0'(x) + \frac{1}{\varepsilon}\int_0^x K(x,t)\Pi_0 dt +$$

$$+ g(x,\int_0^x Q(x,t)(v_0 + \Pi_0 + \varepsilon\xi_0)dt) +$$

$$+ \int_0^x K(x,t)\xi_0 dt.$$

Уравнение (1_9), (2) имеет решение

$$v_0(x) = f_0(x) + \int_0^x R(x,t) f_0 dt. \qquad (2_0)$$

$$\Pi_0(\tau) = e^{-\tau}(b - v_0(0)), \quad \tau = \frac{x}{\varepsilon}.$$

Введем обозначение

$$g_0(x,\varepsilon) \equiv -v_0'(x) + \frac{1}{\varepsilon}\int_0^x K(x,t)\Pi_0 dt + g(x, \int_0^x Q(x,t)(\Pi_0 + v_0)dt)$$

$$\gamma_0(x,\xi_0,\varepsilon) \equiv g(x, \int_0^x Q(x,t)(v_0 + \Pi_0 + \varepsilon\xi_0)dt) - g(x, \int_0^x Q(x,t)(v_0 + \Pi_0)dt)$$

Имеет место оценки:

$$| g_0(x,\varepsilon) | \le C_0 = const \quad | \gamma_0 | \le C_0 \varepsilon | \xi_0 |$$

Уравнение (2) запишется в виде:

$$\varepsilon\xi_0' + \xi_0 = \int_0^x K(x,t)\xi_0 dt + g_0(x,\varepsilon) + \gamma_0(x,\xi,\varepsilon) \qquad (2_1)$$

Подстановкой

$$\xi_0(x,\varepsilon) = \eta_0(x,\varepsilon) + \int_0^x K(x,t)\xi_0 dt \qquad (2_2)$$

$$\xi_0(x,\varepsilon) = \eta_0(x,\varepsilon) + \int_0^x R_0(x,t)\eta_0 dt \qquad (2_3)$$

Подставив (2_2), (2_3) в (2_1) получим:

$$\varepsilon\eta_0' + \varepsilon R_0(x,x)\eta_0 + \varepsilon\int_0^x R_x'(x,t)\eta_0 dt + \eta_0 + \int_0^x K(x,t)\xi_0 dt =$$

$$= \int_0^x K(x,t)\xi_0 dt + g_0(x,\varepsilon) + \gamma_0(x,\eta_0,\varepsilon)$$

$$\eta_0(0,\varepsilon) = 0$$

$$\varepsilon\eta_0' + \eta_0 = \gamma_{01}(x,\eta_0,\varepsilon) + g_0(x,\varepsilon)$$

$$\gamma_{01}(x,\eta_0,\varepsilon) \equiv \gamma_0(x,\eta_0,\varepsilon) - \varepsilon R(x,x)\eta_0 - \varepsilon\int_0^x R_x'(x,t)\eta_0 dt \qquad (2_4)$$

Имеет место оценка:

$$| \gamma_{01} | \le C_0 \varepsilon | \eta_0 |$$

Переходим из (2_4) к решению уравнения:

$$\eta_0(x,\varepsilon) = \int_0^x e^{-\frac{1}{\varepsilon}(x-s)} \frac{1}{\varepsilon}[\gamma_{01} + g_0(s,\varepsilon)]ds \qquad (2_5)$$

Имеет место оценка:

$$|\eta_0| \le C_0 + C_1\varepsilon\,|\eta_0|,\ 0 < \varepsilon \le \frac{1}{2}C_0$$

$$|\eta_0| \le 2C_0 = const \qquad (2_6)$$

Из (2_5) решается методом последовательных приближений. Решение (1_4) запишется в виде:

$$u_0(x,\varepsilon) = v_0(x) + \Pi_0(\frac{x}{\varepsilon}) + \varepsilon[\eta_0 + \int_0^x R(x,t)\eta_0 dt]$$

$$\text{при } \varepsilon \to 0 \quad \lim_{\varepsilon\to 0} u_0(x,\varepsilon) = v_0(x), \quad 0 < x \le 1$$

Рассмотрим особо нелинейное интегро-дифференциальное уравнение (1_6). Решение ищем в виде:

$$u_1(x,\varepsilon) = \frac{\Pi_{-1}(\frac{x-x_1}{\varepsilon})}{\varepsilon} + v_1(x) + \Pi_1(\frac{x-x_1}{\varepsilon}) + \varepsilon\xi_1(x,\varepsilon) \qquad (2_7)$$

Определим начальные условия:

$$\frac{A_1}{\varepsilon} = \frac{\Pi_{-1}(0)}{\varepsilon} + \gamma_1(x_1) + \Pi_1(0) + \varepsilon\xi_1(x_1,\varepsilon) \qquad (2_8)$$

$$\frac{A_1}{\varepsilon} = \frac{\Pi_{-1}(0)}{\varepsilon} + \gamma_1(x_1) + \Pi_1(0) + \varepsilon\xi_1(x_1,\varepsilon) \qquad (2_9)$$

Подставив (2_7) в (1_6) получим:

$$\frac{\dot\Pi_{-1}}{\varepsilon} + \varepsilon v_1' + \dot\Pi_1 + \varepsilon^2\xi_1' + \frac{\Pi_{-1}}{\varepsilon} + v_1 + \Pi_1 + \varepsilon\xi_1 =$$

$$= \int_{x_1}^x K(x,t)(\frac{\Pi_{-1}}{\varepsilon} + v_1 + \Pi_1 + \varepsilon\xi_1)dt +$$

$$+ f_1(x) + \varepsilon[g(x, \int_0^{x_1} Q(x,t)u_0 dt +$$

$$+ \int_{x_1}^x Q(x,t)(\frac{\Pi_{-1}}{\varepsilon} + v_1 + \Pi_1 + \varepsilon\xi_1)dt) -$$

$$- g(x, \int_0^x Q(x,t)u_0 dt)] \qquad (3)$$

Определим неизвестные функции $[\Pi_{-1}, v_1, \Pi_1, \xi_1]$ в виде:

$$\dot\Pi_{-1} + \Pi_{-1} = 0, \quad \Pi_{-1}(0) = A_1 \qquad (3_0)$$

$$\dot\Pi_0 + \Pi_0 = K(0,0)\Pi_{-1}(\tau), \quad \Pi_1(0) = -v_1(x_1) \qquad (3_0)$$

$$v_1(x) = \int_{x_1}^{x} K(x,t)v_1(t)dt + f_1(x) + K(x,0)\Pi_1(\tau_1) \qquad (3_2)$$

$$\varepsilon\xi_1' + \xi_1 = \int_{x_1}^{x} K(x,t)\xi_1 dt + g_1(x,\varepsilon) + \varepsilon\gamma_1(x,\xi_1,\varepsilon) \qquad (3_3)$$

$$\xi_1(x_1,\varepsilon) = 0$$

где

$$g_1(x,\varepsilon) = -v_1'(x) + \int_{x_1}^{x} K(x,0)\delta\Pi_1 dt + g(x, \int_0^x Q(x,t)u_0 dt) + \int_{x_1}^{x} Q(x,t)(\frac{\Pi_{-1}}{\varepsilon} + v_1 + \Pi_1)dt \qquad (3_4)$$

$$\gamma_1(x,\xi_1,\varepsilon) \equiv g(x, \int_0^x Q(x,t)u_0 dt + \int_{x_1}^{x} Q(x,t)(\frac{\Pi_{-1}}{\varepsilon} + v_1 + \Pi_1 + \varepsilon\xi_1)dt) -$$

$$-g(x, \int_0^{x_1} Q(x,t)u_0 dt + \int_{x_1}^{x} Q(x,t)(\frac{\Pi_{-1}}{\varepsilon} + v_1 + \Pi_1)dt) \qquad (3_5)$$

Однородное дифференциальное уравнение (3_0) имеет решение:

$$\Pi_{-1}(\tau_1) = e^{-\tau_1}A_1, \quad \tau_1 = \frac{x - x_1}{\varepsilon} \qquad (3_6)$$

(3_2) Находим $v_1(x)$:

$$v_1(x) = f_1(x) + K(x,0)\Pi_{-1}(\tau) + \int_{x_1}^{x} R_1(x,t)[f_1 + K(t,0)\Pi_{-1}(\tau)]dt$$

$$|\Pi_0(\tau)| \le C_1 e^{-\tau_1}, \quad C_1 > 0$$

Имеют место оценки:

$$|g_1(x,\varepsilon)| \le C_1 = const, \quad |\gamma_1| \le C_1\varepsilon|\xi_1| \qquad (3_7)$$

Подстановкой:

$$\xi_1 = \eta_1 + \int_{x_1}^{x} K(x,t)\xi_1 dt \qquad (3_8)$$

$$\xi_1 = \eta_1 + \int_{x_1}^{x} R_1(x,t)\eta_1 dt$$

Подставив (3_7), (3_8) в (3_3) получим:

$$\varepsilon\eta_1' + \eta_1 = g_1(x,\varepsilon) + \varepsilon\gamma_{10}(x,\eta_1,\varepsilon) \qquad (3_9)$$

$$\eta_1(x_1,\varepsilon) = 0$$

Уравнение (3_9) имеет решение:

$$\eta_1 = \int_{x_1}^{x} e^{-\frac{1}{\varepsilon}(x-s)} \frac{1}{\varepsilon}[g_1 + \varepsilon\gamma_{10}(s,\eta_1,\varepsilon)]ds \qquad (4)$$

Имеет оценки:

$$|\eta_1| \le C_1 + C_1\varepsilon\,|\eta_1|, \quad 0 < \varepsilon \le \varepsilon_1$$
$$|\eta_1| \le 2C_1$$

Нами доказана **теорема:** Пусть 1) $K(x,t), f_0, f_1$ – заданные функции. Тогда при $0 < \varepsilon \le \varepsilon_0$ (ε_0 — фиксированное число) (1), (1_0) имеет единственное разрывное решение:

$$u = v_0 + \Pi_0 + \varepsilon\xi_0 + \theta(P_1)\left(\frac{\Pi_{-1}}{\varepsilon} + v_1 + \Pi_1 + \varepsilon\xi_1\right),$$

при $\varepsilon \to 0$ это решение сходится к разрывному решению $\lim\limits_{\varepsilon\to 0} u(x,\varepsilon) = v_0(x) + \theta(P_1)v_1(x)$ на полусегменте $0 < x \le 1$

Литература

1. Иманалиев М. Асимптотические методы в теории сингулярно-возмущенных интегро-дифференциальных систем, Фрунзе, Илим 1972 г.

DOI 10.34660/INF.2026.78.25.125

УДК 620.197.5+548.2

К КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ ГИДРОКСИДА МАГНИЯ НА СТАЛЬНОЙ ПОВЕРХНОСТИ ПРИ КАТОДНОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ СТАЛИ В МОДЕЛЬНЫХ РАСТВОРАХ, ПО СОСТАВУ СООТВЕТСТВУЮЩИХ МОРСКОЙ ВОДЕ

Нугманов Анас Масхарович
научный сотрудник
Фирсова Людмила Юрьевна
кандидат химических наук, доцент
Морской государственный университет им. адм. Г. И. Невельского, Владивосток, Россия

Аннотация. *Представлены результаты исследований формирования отложений $Mg(OH)_2$ на катодно поляризуемой стальной поверхности в модельной среде, соответствующей морской воде без кальция. Выявлены закономерности изменения вольтамперных характеристик и количественных показателей (толщины покрытий и удельной скорости их формирования, выхода по току) в зависимости от времени электролиза и плотности катодного тока, предложена модель процесса, основанная на данных по степени превращения.*

Ключевые слова: *коррозия, катодная защита, солевые катодные отложения*

Процесс кристаллизации осадка карбоната кальция $Mg(OH)_2$ при формировании солевых катодных отложений (СКО) на поверхности стали (Ст3кп) в условиях катодной защиты исследовался на модельных растворах, соответствующих морской воде без кальция, с целью выяснить особенности осаждения $Mg(OH)_2$, когда исключена возможность образования карбоната кальция $CaCO_3$. Условия, отвечающие катодной защите стали, обеспечивались ее катодной поляризацией при электролизе модельных растворов с использованием инертного нерастворимого оксидно-рутениевого (Ti/RuO_2) анода. Фиксировались зависимости от плотности катодного тока и продолжительности электролиза удельной скорости формирования и толщины осадка $Mg(OH)_2$, выхода по току и др.

Модельные растворы в экспериментах составлялись растворением в дистиллированной воде солей *NaCl*, $Na2SO_4$, $MgCl_2$ и $NaHCO_3$ и соответствовали морской воде без магния соленостью *SAL* = 30‰: $\left[Mg^{2+}\right]$ = 46,25; $\left[HCO_3^-\right]$ = 2,0; $\left[SO_4^{2-}\right]$ = 24,2; $\left[Cl^-\right]$ = 467 (ммоль/л). Исходя из содержания в растворе магния (46,2 ммоль/л) максимально возможное количество $Mg(OH)_2$, которое возможно осадить, составляет величину порядка 13 г., что на 3–4 порядка превышает массу реально образующегося осадка, т.е. состав раствора в ходе опытов практически не претерпевал изменений.

При электролизе в качестве катодов использовались пластины из стали Ст3кп (по ГОСТ 19903-74) 5 × 8 см толщиной δ = 1,5 мм, анодом служил платинированный титан *Ti* (*Pt*) в виде пластин 2,5 × 16 см, δ = 1,5 мм. Площади электродов (анода и катода) были равны между собой ($S_к = S_a$ = 80 см^2), соответственно было соблюдено равенство плотностей катодного и анодного токов ($i_к = i_a$). Межэлектродное расстояние составляло 6 см, рабочий объем электролизера 5 дм^3. В качестве источника питания использовался блок питания Б5–50 (0÷299 мА, шаг 1 мА). Продолжительность электролиза составляла 4 часа, температура модельных растворов поддерживалась на уровне 25°С. Стальные катодные образцы перед каждым опытом полировались, обрабатывались соляной кислотой (1:3), промывались дистиллированной водой и сушились при 90°С, а затем взвешивались на аналитических весах AW-220 (“Shimadzu”) с точностью ±0,0001 г. По окончании процесса электролиза образцы промывались дистиллированной водой, сушились при 90°С, взвешивались, а затем по разнице с исходной массой определялась масса наработанного осадка гидроксида магния. Потенциал образцов фиксировался относительно хлорсеребряного электрода сравнения ЭВЛ-1М3.1–100 (φ = +201 мВ НВЭ).

В более ранних исследованиях с вращающимся дисковым электродом (ВДЭ) было установлено, что для ВДЭ с ω = 270 об/мин ток начала кристаллизации $Mg(OH)_2$ составляет 5,0 А/м^2 [1÷3], а в случае неподвижного электрода пересчет по формуле Розенфельда [4] приводит к значению 0,3 А/м^2. Практически значимым для исследований является интервал изменений плотности катодного тока, начиная с 0,5 А/м^2. Влияние на процесс кристаллизации осадков продолжительности электролиза изучалось в интервале от 0,05 до 4 часов. Защитные свойства солевых катодных отложений [5] при катодной защите от коррозионного разрушения стали в морской воде во многом определяются кристаллизацией $Mg(OH)_2$, поэтому поиск оптимальных параметров данного процесса имеет принципиальное значение.

Таблица 1
Зависимость параметров процесса формирования Mg(OH)2 от плотности катодного тока
(продолжительность электролиза — 4 часа, температура модельного раствора 25оС) [6]

№	Плотность катодного тока, $i_к$; А/м^2	Толщина покрытия $Mg(OH)_2$, δ; мкм	Удельная скорость формирования, покрытия *vуд;* г/(м^2·ч)	Выход по току; $B_т$, %	Минимальный потенциал катода, $\varphi_{к,max}$; В НВЭ	Предельный потенциал катода, $\varphi_{к,\infty}$; В НВЭ
1	0,5	0,18	0,13	24,3	-0,820	-0,775
2	1,0	0,93	0,70	64,7	-0,887	-0,842
3	2,0	1,72	1,72	79,8	-0,960	-0,924
4	5,0	4,39	4,39	81,0	-1,050	-1,015
5	8,0	5,70	5,69	65,7	-1,063	-1,028
6	10	6,84	6,84	63,2	-1,088	-1,034
7	13	7,27	7,27	51,8	-1,098	-1,055
8	15	7,65	7,65	47,2	-1,124	-1,071
9	20	7,12	7,12	32,9	-1,175	-1,094
10	25	7,32	7,32	27,0	-1,224	-1,153

Изменение плотности катодного тока охватывало значения в интервале от 0,5 до 25,0 А/м^2, продолжительность электролиза составляла 4 часа. Вольтамперные кривые снимались с помощью потенциостата-гальваностата Р-40Х. В таблице 1 представлены данные по параметрам, характеризующим процесс формирования осадка $Mg(OH)_2$ в зависимости от заданных в режиме гальваностатирования значений плотности катодного тока.

При подаче тока на электроды в гальваностатическом режиме потенциал катодно поляризуемой поверхности резко сдвигается в область более отрицательных значений — от потенциала разомкнутой цепи (ПРЦ) до точки φ_{min}, а затем происходит резкий сдвиг в сторону более положительных значений и устанавливается приблизительно постоянное значение φ_∞, которое сохраняется в течение длительного времени (рисунок 1).

Толщина покрытий рассчитывалась по формуле

$$\delta = \frac{m_{Mg(OH)_2}}{S \cdot \rho}, \quad (1)$$

где δ — толщина покрытия, сформировавшегося на катоде при электролизе, см; $m_{Mg(OH)_2}$ — масса осадка, наработанного на катоде при электролизе,

г; S — площадь покрываемой поверхности, см^2; ρ — плотность осадка, г/см^3; для $Mg(OH)_2$ (брусит) = 2,3 г/см^3.

=

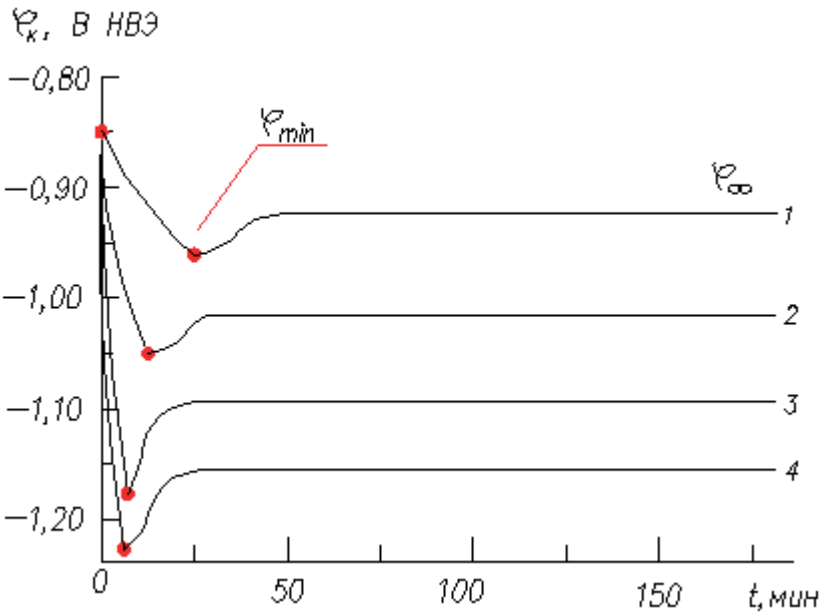

Рисунок 1. Изменение во времени катодных потенциалов при различных плотностях катодного тока: $i_к$ = 2,0 (1); 5,0 (2); 15,0 (3) и 25,0 А/м^2 (4).

Исходя из найденных значений $m_{Mg(OH)_2}$, рассчитывалась удельная скорость формирования солевых катодных отложений $v_{уд}$:

$$v_{уд} = \frac{m_{Mg(OH)_2}}{S \cdot t} \left(\frac{г}{м^2 \cdot час} \right). \quad (2)$$

где $\Delta m_{эксп}$ — масса осадка, наработанного на катоде при электролизе, г

Для определения выхода по току необходимо найти расчетное значение изменения массы образца за счет формирования покрытия при 100%-ном выходе по току.

При прохождении через раствор ***I·t*** кулон электричества генерируется $\frac{I \cdot t}{F}$ молей OH^-:

$$2H_2O + 2e^- \rightarrow H_2 \uparrow + 2OH^-, \quad (3)$$

соответственно, должно осадиться (при выходе по току $BT = 100\,\%$) $\frac{I \cdot t}{2F}$ молей $Mg(OH)_2$, т. е. $\frac{29 \cdot I \cdot t}{F}$ г осадка согласно реакции

$$Mg^{2+} + 2OH^- \rightarrow Mg(OH)_2 \downarrow . \quad (4)$$

Расчетное значение наработки осадка определяется как

$$m_{расч} = \frac{29 \cdot I \cdot t}{F}, \quad (5)$$

где I — ток в цепи, А; t — время электролиза, с; F — константа Фарадея, $\frac{Кл}{моль}$ ($F = 96500\ \frac{Кл}{моль}$).

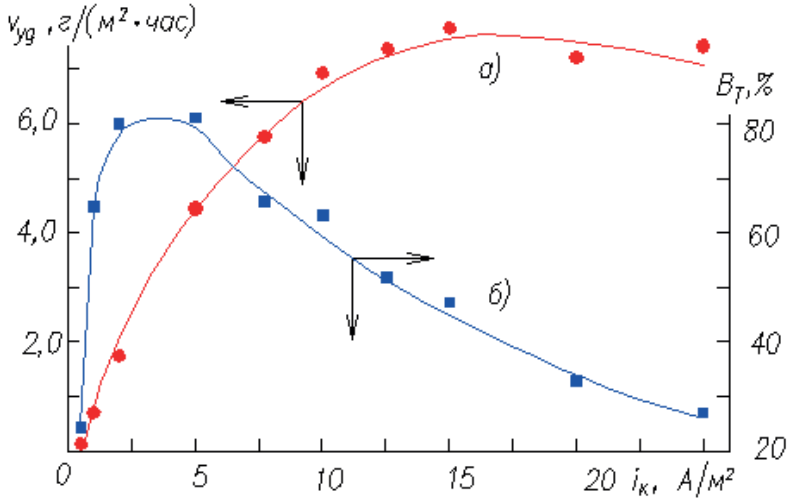

Рисунок 2. Зависимость скорости формирования $Mg(OH)_2$ и выхода по току от плотностикатодного тока в режиме гальваностатирования (продолжительность электролиза — 3 часа)

Отношение экспериментально найденной наработки массы осадка к расчетной величине дает значение выхода по току:

$$B_T = \frac{m_{эксп}}{m_{расч}} \cdot 100 . \quad (6)$$

На рисунке 2 показаны кривые зависимостей от плотности катодного тока выхода по току и удельной скорости формирования покрытия $Mg(OH)_2$. В отличии от осаждения $CaCO_3$ [7], когда имело место полная корреляция зависимостей $B_T = f(i_к)$ и $v_{уд} = f(i_к)$, в случае осаждения $Mg(OH)_2$ этого не наблюдается: первая представляет из себя гладкую кривую параболического типа (рисунок 2*а*), а вторая имеет ярко выраженный максимум при ~3 А/м^2 (рисунок 2*б*).

В то же время имеет место корреляция выхода по току с динамикой роста толщины покрытия по параболической зависимости в области плотностей тока до 15 А/м^2 (рисунок 3).

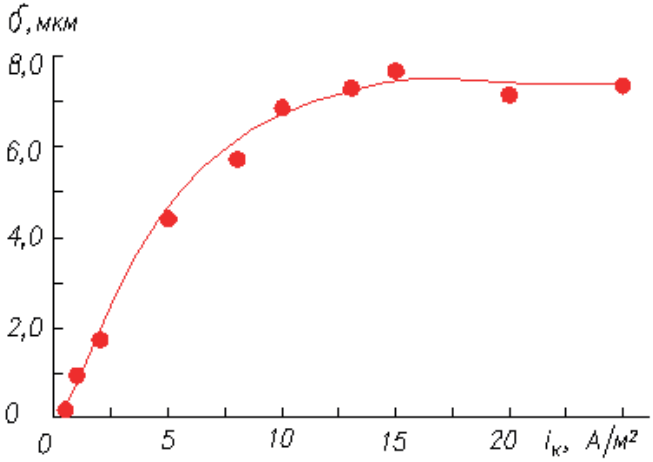

Рисунок 3. Зависимость толщины покрытия от плотности катодного тока в режиме гальваностатирования (продолжительность электролиза — 3 часа)

Методом нелинейного оценивания была найдена зависимость степени превращения при росте покрытия от плотности катодного тока в области до 15 А/м^2 $\alpha = \dfrac{\delta}{\delta_\infty} = f(i_{\text{е}})$, график которой представлен на рисунке 4. В формульном представлении зависимость имеет следующий вид: $\alpha = \dfrac{\delta}{\delta_\infty} = 1 - \exp\left(-0{,}104 \cdot i_{\text{е}}^{1{,}298}\right)$, коэффициент корреляции $R = 0{,}9985$.

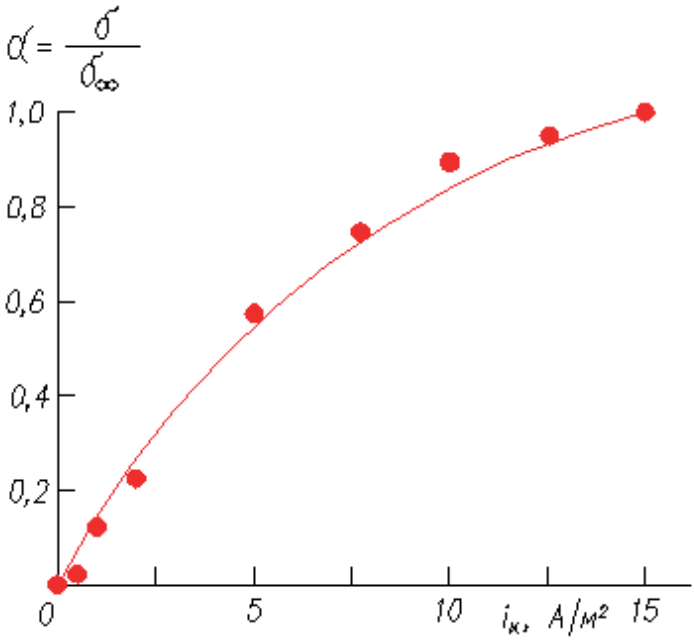

Рисунок 4. Зависимость степени превращения от плотности катодного тока

Нелинейное оценивание по формуле $\alpha = 1 - \exp\left(-k \cdot i_{\hat{e}}^2\right)$ Аврами — Ерофеева — Колмогорова при ***n*** = 2 [8, 9] приводит к выражению $\alpha = 1 - \exp\left(-0{,}0285 \cdot i_{\hat{e}}^2\right)$ с коэффициентом корреляции R = 0,9853.

В таблице 2 приведены данные по зависимостям толщины формирующегося покрытия δ, удельной скорости его формирования ***vуд*** и выхода по току $B_{\text{Т}}$ от продолжительности электролиза. Характер изменения этих показателе представлен на рисунках 5 и 6. Толщина покрытий параболически возрастает в области малых токов (дл 1 А/м^2), а при больших токах растет практически линейно (рисунок 5*а*). Удельная скорость формирования осадка $Mg(OH)_2$ с ростом плотности тока уменьшается по ниспадающей параболической зависимости (рисунок 5*б*). Аналогичное поведение демонстрирует зависимость от продолжительности электролиза выхода по току — та же ниспадающая парабола, коррелирующая с кривой зависимости удельной скорости формирования осадка (рисунок 6).

Таблица 2

Изменение толщины покрытия и параметров процесса формирования осадка $Mg(OH)_2$ в зависимости от продолжительности электролиза ($i_к$ = 15,0 А/м2) [6]

№	Продолжительность электролиза; Δ*t*, час	Толщина покрытия *Mg*(*OH*)$_2$; δ, мкм	Удельная скорость формирования покрытия; ***v****уд*, г/(м^2·ч)	Выход по току; $B_т$, %
1	0,1	0,53	15,9	97,7
2	0,25	1,16	13,9	85,8
3	0,5	2,23	13,4	82,7
4	0,75	3,08	12,3	76,1
5	1	3,88	11,6	71,8
6	1,5	4,84	9,68	59,8
7	2	5,74	8,61	53,2
8	2,5	6,52	7,83	48,3
9	3	7,65	7,65	47,2
10	3,5	8,64	7,40	45,7
11	4	8,96	6,72	41,5

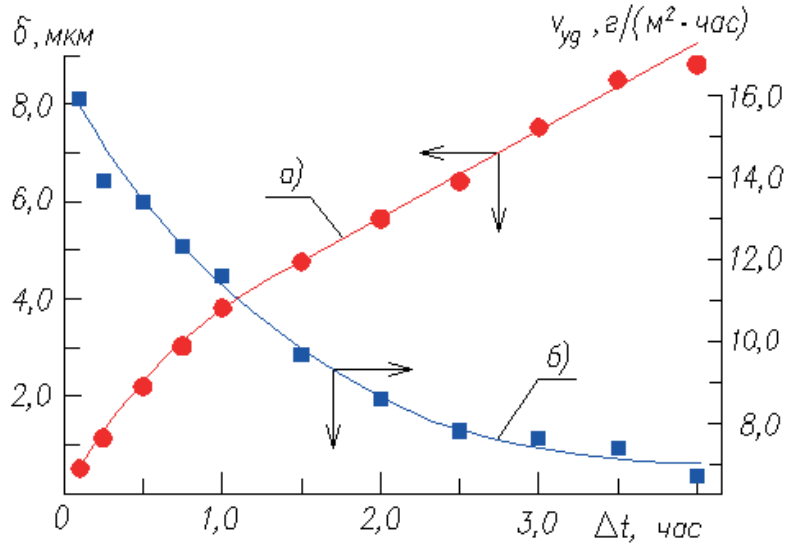

Рисунок 5. Зависимость толщины покрытия (*а*) и удельной скорости формирования слоя *Mg*(*OH*)$_2$ (*б*) от продолжительности электролиза: $\boldsymbol{i}_к$ = 15 А/м^2.

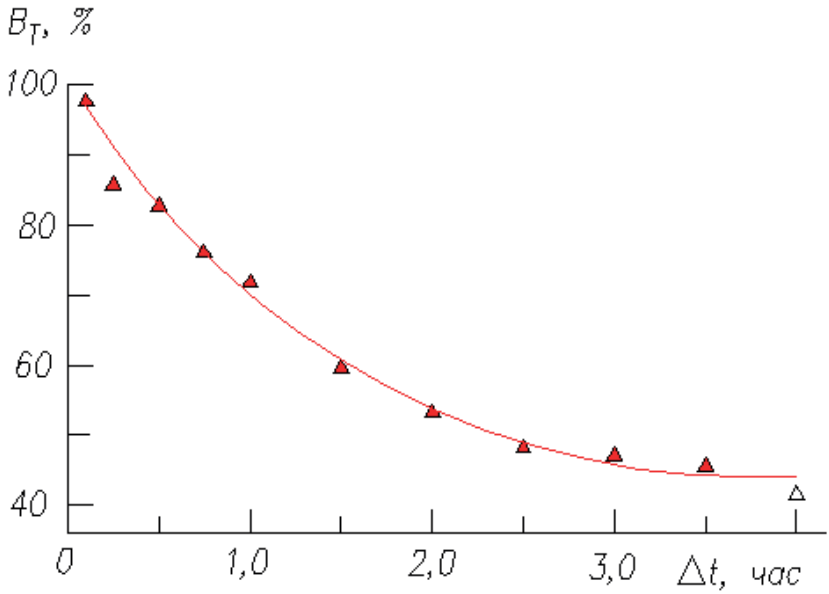

Рисунок 6. Зависимость выхода по току от продолжительности электролиза: $i_к$ = 15 А/м^2

Литературные источники

1. Чернов Б. Б., Пустовских Т. Б. Кинетика образования минеральных осадков из морской воды на катодно поляризуемой металлической поверхности. // Защита металлов.— 1989, т. 25, с. 506–512.

2. Чернов Б. Б., Фирсова Л. Ю., Нугманов А. М. Закономерности образования солевых отложений при катодной защите стали в морской воде // Морские интеллектуальные технологии.— 2016, т. 33, № 3 (1), с. 226–233. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29043014

3. Ву В. М., Нугманов А. М., Чернов Б. Б. К теории массовой кристаллизации труднорастворимых соединений на поверхности катода в жесткой воде // Журнал физической химии. 2019. Т. 93. № 5. С. 764–769 (Vu V. M., Nugmanov A. M., Chernov B. B.. Theory of the Mass Crystallization of Poorly Soluble Compounds on a Cathode's Surface in Hard Water // Russian Journal of Physical Chemistry A. 2019. Vol. 93, No 5.— P. 964–969)

(DOI: 10.1134/S0044453719050327) https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37310422

4. Розенфельд И. Л. Коррозия и защита металлов. Локальные коррозионные процессы. М.: Металлургия, 1969. 448 с.

5. Ву В. М., Чернов Б. Б., Нугманов А. М., Фирсова Л. Ю. Защитные свойства солевых катодных покрытий и их стойкость в морской воде // Вестник Технологического университета.— 2020. Т. 23. № 8. С. 30–34. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43924341

6. Чернов Б. Б., Нугманов А. М., Фирсова Л. Ю. Кристаллизация Mg(OH)2 на поверхности стали при катодной защите // Морские интеллектуальные технологии.— 2017, № 3 (37), т. 2, с. 127–132.

7. Чернов Б. Б., Ву В. М., Нугманов А. М., Фирсова Л. Ю. Кристаллизация CaCO3 на поверхности стали при катодной защите морских сооружений // Морские интеллектуальные технологии. 2017. № 3–2 (37). С. 133–140. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32475481

8. Розовский А. Я. Кинетика топохимических реакций. М.: Химия, 1974. 224 с.

9. Браун М., Доллимор Д., Галвей А. Реакции твердых тел. Под ред. В. В. Болдырева. М.: Мир, 1983. 360 с.

DOI 10.34660/INF.2026.78.60.214

КРИТЕРИИ ОТБОРА СТОМАТОЛОГИЧЕСКОГО ПЛОМБИРОВОЧНОГО МАТЕРИАЛА

Тумшевиц О. Н.
доктор медицинских наук, профессор
Институт медицины и наук о жизни (МЕДБИО)» БФУ им. И. Канта, Калининград, Россия
Ящук В. О.
кандидат медицинских наук, доцент
Институт медицины и наук о жизни (МЕДБИО)» БФУ им. И. Канта, Калининград, Россия

Обилие на стоматологическом рынке пломбировочных материалов, с тенденцией усовершенствования их свойств [3, 5] и расширению показаний к применению [2, 4, 6], затрудняют выбор самого оптимального варианта для каждого конкретного пациента. Цель настоящей работы: определить критерии отбора пломбировочных материалов и показать их возможности.

Материалы и методы исследования.

Критериями выбора пломбировочного материала чаще всего являются: выраженность свойств, необходимых для обеспечения герметичности зуба после пломбирования (растворимость материала, краевое прилегание, износоустойчивость и др.); соответствие требованиям, предъявляемым к пломбировочным материалам определенной группы и ценовой политикой. Применив бальную оценку, в соответствии со значимостью выбранных факторов, можно путем сравнения прийти к правильному отбору искомого пломбировочного материала.

Например, вам необходимо выбрать пломбировочный материал для временной герметизации зуба. Отобрав несколько представителей из числа материалов для временного пломбирования, вы начинаете их сравнивать, прежде всего, по общей и краевой проницаемости [1].

Далее определяем ценовую и эргономичную характеристику используемых материалов.

Цена материала определяется по установленной в торговой сети на год исследования. Вычисляем стоимость 1 пломбы (0,75 гр. пломбировочного

материала): ранжируем по стоимости (от самого дешевого). Самому дорогому материалу дается всего 1 балл. Максимальное количество баллов получает самый дешевый материал.

Эргономическую оценку проводят исходя из требований, предъявляемых к пломбировочным материалам, в данном случае к временным. Сюда входят: легкость в приготовлении, минимальное время затвердевания материала, пластичность, возможность расширения при затвердевании, выделение фтора. Каждый имеющийся признак оценивается в 1 балл.

Пример итоговой оценки временных пломбировочных материалов приведен в таблице 1.

Таблица 1. Итоговая оценка использованных материалов (в баллах)

Наименование	Герметичность	Эргономичность	Цена	Итог
Водный дент.	3	1	7	11
Дентин-паста	2	2	6	10
MD Temp	4	2	5	11
Cimpat N	1	3	4	8
Clip F	5	5	2	12
Темпелайт	6	4	3	13
Fuji 9	7	3	1	11

Материал с максимальным бальным рейтингом (Темпелайт) признается лучшим, что позволяет рекомендовать его для временного пломбирования зубов (на срок 2–3 мес.). Другие материалы (например,

Clip F, Fuji 9) могут быть материалом выбора, целесообразность применения которых определяются особыми условиями (декомпенсация кариеса или необходимость длительной герметизации, до 12 мес). Материал, получивший минимальную бальную оценку (Cimpat N) не рекомендуется к применению. Целесообразно, детально обосновать причину: например, за счет самой высокой общей проницаемости и необоснованно дорогой стоимости.

Литература

1. Сравнительная оценка проницаемости стоматологических материалов для временного пломбирования зубов / О.Н.Тумшевиц, Е. Е. Орлова, В. О. Ящук, Н. В. Платонова //Dental forum.—2020.— № 3 (78).— С. 45–48.

2. A Spectrophotometric comparative evaluation of the sealing ability of various perforation repair materials with a novel eggshell modified GIC /S. Abraham, E. D. Chandwani, P. Nagmode et al. // Conserv. Dent. Endod.—2023 — № 6.— P. 697–701.

3. Biodentine™ as a temporary filling in deep carious lesions in permanent teeth: a prospective observational 33-month follow-up study / L. C. Martens, RGEC Cauwels, Van Acker et al.// Eur Arch Paediatr Dent.— 2024.— № 2.— P. 277–284.

4. Comparative Analysis of Coronal Sealing Materials in Endodontics: Exploring Non-Eugenol Zinc Oxide-Based versus Glass-Ionomer Cement Systems / M. H. Alamin, S. A. Yaghi, A. F. Al-Safi et al. // Eur. J. Dent.— 2024.— № 4.— P. 987–996.

5. Nagaiah, H. P. Shunmugiah, K.P.. Multifunctional Temporary Dental Nanofillers Enhanced with Synergistically ActiveChlorine-Containing Molecules against Streptococcus mutans and Its Effects on Oral Epithelial Cells // ACS Appl Bio Mater.— 2024.— Vol. 18, № 7.— P. 7332–7355.

6. Stereomicroscopic Evaluation of Sealing Ability of Three Different Furcal Perforation Repair Materials: An In vitro Study / S. De, N. S. Naik, S. Sharma // Contemp. Clin. Dent.- 2024.— № 4.— P. 259–264.

DOI 10.34660/INF.2026.78.64.055

СТОМАТОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ПАЦИЕНТОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Алехин Илья Андреевич
аспирант
Виргильев Павел Сергеевич
аспирант
Суслин Сергей Александрович
доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой
Самарский государственный медицинский университет,
Самара, Россия

Стоматологическое здоровье и меры по его профилактике продолжают оставаться значимыми вопросами в сфере здравоохранения как в России, так и за ее пределами [1, 2].

Анализ эпидемиологической ситуации и медико-социальных особенностей пациентов в стоматологии через расчет и оценку показателей стоматологического индекса КПУ является важным методом. Он позволяет на основе анализа ретроспективных данных выявлять важные тенденции и строить прогнозы развития стоматологических заболеваний [3–5].

Прогнозы, включающие информацию о распространенности и степени тяжести кариеса, количестве запломбированных и удаленных зубов в разных возрастных группах, служат основой для разработки стратегий и решений по улучшению стоматологической помощи. Это касается как работы поликлиник, так и университетских клиник [6–8].

Целью исследования явилась оценка состояния стоматологического здоровья пациентов на примере университетской стоматологической клиники в современных условиях.

Исследование проводилось на базе стоматологической университетской клиники ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н. И. Пирогова» Минздрава России (РНИМУ им. Н. И. Пирогова) в Москве. Эта клиника, являясь частью университетского клинического комплекса, функционирует как современное многопрофильное лечебное учреждение и одновременно служит площадкой для научных исследований и образовательных программ.

Клиника предоставляет стоматологическую помощь по всем направлениям: терапия, хирургия, ортопедия и ортодонтия. Оснащена современным оборудованием, включая цифровые микроскопы и ортопантомографы. Имеет собственную зуботехническую лабораторию. Прием ведется в амбулаторных условиях. Деятельность лицензирована и соответствует установленным стандартам, порядкам и клиническим рекомендациям Минздрава РФ.

Проведён анализ посещаемости и обращаемости пациентов в университетскую стоматологическую клинику за период с 2022 по 2025 годы. Исследование охватывает как клинику в целом, так и её ортопедическое подразделение. В работе также учтена половая структура пациентов. Детально изучены возрастные и половые особенности пациентов, для которых рассчитаны ключевые показатели стоматологического здоровья с использованием индекса КПУ.

Индекс КПУ складывается из трёх показателей: К — количество зубов с кариесом, требующих лечения; П — число запломбированных зубов; У — количество удалённых зубов. Сумма этих компонентов (К + П + У) образует индекс КПУ, который демонстрирует уровень кариозного поражения зубов.

Количество посещений клиники неуклонно возрастает: с 79,5 тысяч человек в 2022 году до 92,5 тысяч в 2025 году. Этот факт свидетельствует о том, что нагрузка на медицинское учреждение увеличивается, а также растет потребность в стоматологических услугах среди жителей Москвы.

Число уникальных пациентов также демонстрирует устойчивый рост: с 42,3 тысяч человек в 2022 году до 55,3 тысяч в 2025 году. За весь период наблюдений прирост составил более 13 тысяч обращений.

Гендерный состав пациентов остаётся относительно стабильным. Доля женщин превышает долю мужчин: 61,6 % в 2022 году, 58,8 % в 2023 году, 61,4 % в 2024 году и 61,4 % в 2025 году. Мужчины составляют от 38,4 % до 41,2 % пациентов, достигнув максимума в 2023 году. Абсолютное число пациентов обоих полов ежегодно увеличивается.

Соотношение числа посещений и обращений даёт возможность оценить общее количество визитов, необходимых пациенту для получения полного спектра медицинской помощи и достижения выздоровления. Например, в 2022 году на 42,32 тысячи пациентов пришлось 79,46 тысяч посещений, что в среднем составляет около 1,73 посещения на одно обращение. Этот показатель остаётся достаточно стабильным с тенденцией к снижению на протяжении всех лет, что может косвенно указывать на постоянство схем лечения, регулярность профилактических осмотров и улучшение процессов оказания медицинской помощи.

Также можно отметить гендерный дисбаланс в количестве обращений, что характерно для многих медицинских учреждений. В них женщины проявляют большую активность в вопросах профилактики и лечения.

Данные по ортопедическому подразделению демонстрируют иную динамику. Можно отметить, что после заметного роста (1200 посещений и 840 обращений в 2022 году) до максимальных показателей (1639 посещений и 1147 обращений в 2023 году), в 2024 и 2025 годах наблюдается некоторое снижение и стагнация показателей на уровне около 1500–1550 посещений и 1060–1080 обращений соответственно.

Доля ортопедических посещений от общего количества относительно невелика и составляет примерно 1,5–1,9 % (наибольшая в 2023 году — 1,9 %). Это естественно, так как ортопедическая стоматология не является основным профилем клиники, что и отражается в структуре посещаемости и обращений.

Примечательно, что соотношение посещений и обращений по ортопедическому отделению (среднее количество визитов для получения всего спектра помощи по достижении конечной цели — выздоровления) ниже, чем в целом по клинике, и составляет в среднем за весь период наблюдений 1,43 посещения. Это представляется интересным для наблюдения и анализа, учитывая, что ортопедическое лечение (протезирование) часто требует нескольких этапных визитов, и может косвенно свидетельствовать о наличии отработанных схем и подходов к оказанию ортопедической помощи.

Анализ данных за период с 2022 по 2025 годы показывает устойчивую положительную динамику нагрузки на университетскую стоматологическую клинику. Это выражается в стабильном увеличении числа посещений и количества уникальных пациентов. Гендерная структура пациентов остаётся относительно стабильной, с небольшим перевесом в сторону женщин (около 60 %), что соответствует общей тенденции в амбулаторной практике.

Ортопедическое отделение демонстрирует неравномерное развитие. После значительного роста в 2023 году посещаемость стабилизировалась на более низком уровне, что может быть связано с последствиями пандемии COVID-19 и другими внешними и внутренними факторами, включая социальные и экономические аспекты. Доля ортопедической помощи составляет менее 2 % от общего числа посещений, что указывает на широкий спектр стоматологических услуг, предоставляемых клиникой.

Мы проанализировали данные пациентов университетской стоматологической клиники, чтобы оценить их стоматологическое здоровье по индексу КПУ. Для этого мы использовали выборку, составленную случайным образом. В выборку вошли 25 % пациентов, обратившихся в клинику, и 100 % пациентов ортопедического отделения.

Анализ обращений в клинику в целом за период с 2022 по 2025 годы по полу и возрасту позволяет выделить следующие ключевые тенденции.

Общий поток пациентов демонстрирует устойчивый рост: с 10 580 обращений в 2022 году до 13 828 в 2025 году. Это подтверждает ранее

наблюдаемое увеличение нагрузки на клинику. В гендерном распределении неизменно доминируют женщины, их доля составляет около 56–60 % от всех обращений ежегодно.

Наиболее многочисленной группой пациентов остаются люди в возрасте от 18 до 44 лет. Количество обращений в этой категории значительно возросло: с 4075 в 2022 году до 6915 в 2025 году. Примечательно, что в 2024 и 2025 годах в этой группе наблюдается рост числа мужчин (с 1497 до 2566), но женщины по-прежнему составляют большинство.

Группа пациентов в возрасте от 45 до 59 лет также показывает уверенный рост: с 2942 до 4979 человек. Женщины продолжают преобладать и в этой возрастной категории.

Пациенты в возрасте от 60 до 74 лет демонстрируют стабильный прирост: с 2395 до 3043 человек. Соотношение мужчин и женщин в этой группе остается относительно постоянным, с небольшим перевесом в пользу женщин.

Группа пожилых людей в возрасте от 75 до 89 лет является наименее многочисленной, но при этом показывает самые высокие темпы относительного роста (почти в 1,5 раза за период наблюдения). В этой возрастной категории женщины преобладают с соотношением примерно 2:1.

Обращения долгожителей (90 лет и старше) остаются крайне редкими — по одному случаю в 2024 и 2025 годах.

Таким образом, структура потока пациентов в клинике характеризуется преобладанием лиц молодого и среднего возраста при устойчивом росте обращений во всех возрастных категориях. Женщины сохраняют количественное преимущество во всех возрастных группах, особенно выраженное в старших возрастных категориях.

Изучая распределение обращений по полу и возрасту в ортопедическом подразделении за 2022–2025 годы, можно выделить несколько ключевых моментов.

Количество обращений в ортопедическом отделении не демонстрирует устойчивой тенденции к росту. После увеличения с 840 в 2022 до 1147 в 2023, наблюдается снижение и стабилизация на уровне 1070–1080 обращений.

Распределение по полу претерпело значительные изменения. В 2022 году доминировали мужчины (714), в то время как женщины составляли 126 обращений. Однако в 2023 году ситуация кардинально изменилась, и женщины стали преобладать, составляя 53–55 % пациентов.

Группа пациентов молодого возраста (18–44 года) наименее многочисленна. Число обращений остается низким и не имеет выраженной динамики, достигнув максимума в 158 случаев в 2023 году. Это свидетельствует о том, что ортопедическая помощь не пользуется популярностью среди молодежи, что характерно для данной области стоматологии.

Средний возраст (45–59 лет) является ключевой группой для ортопедической стоматологии. После роста числа обращений в 2023 году до 345 случаев, показатель стабилизировался.

Группа пожилого возраста (60–74 года) остается самой многочисленной на протяжении всего периода, что связано с повышенной потребностью в протезировании в этом возрасте. Наибольший пик был зафиксирован в 2023 году — 457 обращений.

Старческий возраст (75–89 лет) также важен, демонстрируя устойчивый рост (со 126 в 2022 до 243 в 2025). Это указывает на увеличение обращаемости пациентов старшего возраста за ортопедической помощью.

Долгожители (90 лет и старше) встречаются крайне редко, с единичными случаями в 2024 и 2025 годах.

В целом, возрастная структура пациентов в ортопедическом отделении значительно отличается от общей клиники. В клинике преобладает «пирамида» с максимумом в молодом возрасте, тогда как в ортопедии наблюдается «обратная пирамида» с преобладанием пожилых и старческих пациентов (группы 60–74 и 75–89 лет составляют 55–65 % всех обращений). Гендерный дисбаланс в пользу женщин стабилен по всей клинике, хотя в ортопедическом отделении в 2022 году наблюдался всплеск обращений мужчин, который впоследствии сменился преобладанием женщин, хотя и менее выраженным, чем в среднем по клинике.

Таким образом, возрастная структура является важным фактором, влияющим на общий поток пациентов клиники и ортопедического отделения. Клиника ориентирована на пациентов трудоспособного возраста (18–59 лет), в то время как ортопедическая помощь направлена на пациентов старше 60 лет.

После 2022 года в ортопедическом отделении произошли значительные изменения в гендерном составе пациентов, причины которых требуют дальнейшего изучения. В клинике рост числа обращений наблюдается во всех возрастных группах, тогда как в ортопедии после пика в 2023 году отмечается стагнация и «старение» пациентов, что проявляется в увеличении доли группы 75–89 лет. Полученные данные подтверждают эпидемиологическую закономерность: потребность в ортопедической стоматологической помощи значительно возрастает в старших возрастных группах.

За период с 2022 по 2025 год был проведен расчет индекса КПУ для университетской стоматологической клиники и ее ортопедического отделения. Индекс КПУ включает три компонента: К — зубы с кариесом, нуждающиеся в лечении; П — запломбированные зубы; У — удаленные зубы. Эти компоненты суммируются, чтобы получить общий показатель интенсивности кариеса.

Возрастная группа от 18 до 44 лет. Индекс КПУ варьируется от 9,25 до 11,05, что указывает на высокую распространенность кариеса. В 2023

(9,85) и 2025 (11,05) годах зафиксирован статистически значимый рост этого показателя, что свидетельствует о стабильной негативной тенденции. В данной возрастной категории наблюдается значительная пораженность кариесом, главным образом из-за большого числа пломбированных зубов. Тревожным сигналом является рост как общего индекса КПУ, так и компонента «У» (удаления).

Возрастная группа от 45 до 59 лет. Индекс КПУ колеблется в пределах от 12,35 до 15,05, что говорит о высокой интенсивности кариеса. В 2022 (12,35) и 2025 (15,05) годах отмечается значительный рост показателя. Эта группа демонстрирует очень высокий уровень заболеваемости кариесом. Основной вклад в увеличение КПУ вносит компонент «П», что связано с повышенным вниманием пациентов к своему стоматологическому здоровью. Высокий уровень удалений требует особого внимания и косвенно указывает на необходимость ортопедического лечения.

Возрастная группа от 60 до 74 лет. Индекс КПУ составляет от 15,95 до 18,65, что свидетельствует об очень высокой интенсивности кариеса. В 2023 (16,85) и 2024 (17,75) годах наблюдается значительный рост этого показателя. Картина крайне неблагоприятная: высокий общий КПУ обусловлен большим количеством запломбированных зубов и, что особенно важно для ортопедической стоматологии, удаленных зубов. Рост компонента «У» является крайне негативным признаком.

Возрастная группа от 75 до 89 лет. Индекс КПУ за период с 2022 по 2025 годы очень высокий и составляет 19,32 (2022 год) и 20,91 (2025 год), с заметным ростом в 2023 (19,85) и 2025 (20,91) годах.

В целом по клинике стоматологический индекс КПУ увеличился с 14,22 в 2022 году до 16,42 в 2025 году, при этом равномерно возросли все его составляющие.

Теперь рассмотрим показатели в ортопедическом отделении стоматологической университетской клиники.

Возрастная группа от 18 до 44 лет: общий индекс КПУ очень высокий (10,12–13,18), с заметным увеличением в 2022 (10,12), 2024 (12,15) и 2025 (13,18) годах. Интенсивность поражения выше, чем в общей клинике для этой возрастной группы. Пациенты ортопедического отделения в этом возрасте имеют более тяжелый стоматологический статус: у них больше нелеченого кариеса и удаленных зубов, что логично, так как им требуется протезирование.

Возрастная группа от 45 до 59 лет: общий индекс КПУ очень высокий (в среднем 15,5), с незначительным, но значимым ростом к 2024 году (15,45). В этой группе относительная стабильность общего КПУ на высоком уровне скрывает важные изменения: снижение количества нелеченого кариеса и удалений, при увеличении числа пломбированных зубов. Это может свидетельствовать об успешной работе ортопедической службы.

Возрастная группа от 60 до 74 лет: общий индекс КПУ крайне высокий (16,12–18,45), с заметным ростом в 2022 (16,12), 2024 (17,62) и 2025 (18,45) годах. Как и в общей клинике, в этой возрастной группе преобладает компонент "У". Высокие и увеличивающиеся показатели "П" и "К" указывают на наличие других стоматологических проблем у пациентов, помимо потери зубов.

Возрастная группа от 75 до 89 лет: общий индекс КПУ крайне высокий (19,32–21,55), с существенным ростом в 2023 (19,98) и 2025 (21,55) годах.

В ортопедическом отделении клиники стоматологический индекс КПУ увеличился с 15,17 в 2022 году до 17,21 в 2025 году, с равномерным ростом всех компонентов.

ВЫВОДЫ.

1. В университетской стоматологической клинике фиксируется стабильный рост числа обращений и посещений пациентами в динамике 2022–2025 годов. Гендерное распределение потока пациентов остается неизменным, с небольшим перевесом в сторону женщин (около 60%). Доля ортопедической помощи составляет менее 2% от общего числа посещений.

2. Основная часть пациентов клиники — люди молодого и среднего возраста. Наблюдается увеличение числа обращений во всех возрастных группах. Женщины по-прежнему составляют большинство пациентов во всех возрастных категориях, особенно в старших возрастных группах. Возрастные особенности являются важным фактором, который отличает общий поток клиники от потока ортопедического отделения. Основное стоматологическое отделение обслуживает преимущественно людей трудоспособного возраста (18–59 лет), в то время как ортопедическое отделение ориентировано на пациентов старше 60 лет.

3. В целом по клинике стоматологический индекс КПУ увеличился с 14,22 в 2022 году до 16,42 в 2025 году, при этом все его компоненты росли равномерно. В ортопедическом отделении этот индекс вырос с 15,17 в 2022 году до 17,21 в 2025 году.

4. В ортопедическом отделении концентрируются пациенты всех возрастных групп с более серьезными стоматологическими проблемами, что отражается в более высоких значениях индекса КПУ, особенно компонентов К (кариес) и У (утрата зубов). Это подчеркивает его роль как подразделения, специализирующегося на лечении на поздних и запущенных стадиях стоматологических заболеваний.

Список литературы

1. Золотарев П. Н., Синицына А. В., Курнакина Н. В. Оценка состояния стоматологического здоровья взрослого населения в районах с низким уровнем стоматологической помощи. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021; 29 (1): 86–89. Doi: 10.32687/0869–866X-2021–29–1–86–89.

2. Казанцев М. В., Исаева Н. В. Обобщение мирового опыта реализации программ профилактики стоматологического здоровья. Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2024; 2: 146–161. Doi:10.24412/2312–2935–2024–2–146–161.

3. Суслин С. А., Алехин И. А., Виргильев П. С., Зинатуллина Д. С., Каширин А. К., Садреева С. Х. Медико-социальная характеристика пациентов университетской стоматологической клиники. Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2025; 5: 756–775. Doi: 10.24412/2312–2935–2025–5–756–775.

4. Васильева Н. А., Булгакова А. И., Солдатова Е. С. Характеристика стоматологического статуса пациентов с воспалительными заболеваниями пародонта. Казанский медицинский журнал. 2017; 2 (98): 204–210. Doi: 10.17750/KMJ2017–204.

5. Чижов Ю. В., Нагорнов А. В., Митрофанов П. В., Казанцева Т. В., Варламов П. Г. Индекс КПУ как тест для определения нуждаемости в ортопедической стоматологической помощи жителей психоневрологических интернатов. Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Серия: Медицинские науки. 2019; 4 (17): 39–43.

6. Осокина А. С., Сопельняк Д. А., Цебекова А. Г., Боловина А. Д. Сравнительная характеристика систем оценки и регистрации пораженности зубов кариесом. Здоровье и образование в XXI веке. 2018; 6 (20): 48–52.

7. Гринин В. М., Аветисян А. Я., Решетников В. А. Критериальный способ оценки деятельности стоматологической поликлиники. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022; 30 (2): 288–291. Doi: 10.32687/0869–866X-2022–30–2–288–291.

8. Суслин С. А., Алехин И. А., Измалков Н. С., Колсанова О. А. Организация и развитие университетских медицинских клиник в России. Международный научно-исследовательский журнал. 2025; 4 (154): 1–9. Doi: 10.60797/IRJ.2025.154.104.

DOI 10.34660/INF.2026.78.96.279

ВЛИЯНИЕ ГЕНЕТИКИ НА КАРАКУЛЬСКУЮ ПОРОДУ ОВЕЦ

Старцева Дарья Александровна
студент
Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I, Воронеж, Россия
Шокова Елена Алексеевна
студент
Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I, Воронеж, Россия
Ларина Ольга Васильевна
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент
Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I, Воронеж, Россия

Аннотация. *В данной статье уделяется внимание как генетическим патологиям, так и преимуществам каракульской породы овец. Основная проблема связана с накоплением наследственных патологий вследствие селекции по окрасу и характеру смушка. Тем не менее, порода имеет генетическую устойчивость к прионным заболеваниям, а именно — скрепи. Результаты исследования создают основу для геномной коррекции селекционных программ в каракулеводстве, где традиционные методы фенотипической оценки оказываются недостаточно эффективными для выявления гетерозиготных носителей.*

Ключевые слова: *генетические патологии, каракульская порода, селекция, геномная коррекция, скрепи, фенотип.*

Annotation. *This article focuses on both the genetic pathologies and the advantages of the Karakul sheep breed. The main problem is related to the accumulation of hereditary pathologies due to the selection of the color and character of the fur coat. However, the breed has a genetic resistance to prion diseases, namely scrapie. The results of the study provide the basis for genomic correction of breeding programs in karakul breeding, where traditional methods of phenotypic assessment are not effective enough to identify heterozygous carriers.*

Keywords: *genetic pathologies, Karakul breed, breeding, genomic correction, scrapie, phenotype.*

В современном овцеводстве существует множество различных пород. Одна из них — каракульская. Овцы данной линии занимают особое место благодаря уникальной генетической детерминации смушковых качеств. Однако длительное применение инбридинга для закрепления необходимых признаков привело к накоплению рецессивных мутаций в популяциях. Проявляющиеся генетические заболевания наносят значительный ущерб экономике хозяйств, снижают рождаемость.

История возникновения

Каракульская порода овец — одна из древнейших. Её корни уходят глубоко в прошлое, на территорию Средней Азии, в частности Узбекистана и Туркменистана. Смушковое овцеводство существует на этих землях уже более тысячи лет, о чем свидетельствуют письменные упоминания.

Точный путь формирования породы остается неизвестным. Учёные разделяются на два лагеря. Первые считают, что каракульские овцы «создавались» народами Средней Азии путём народного отбора, без целенаправленного скрещивания с другими породами. Они полагают, что на ранних этапах вовлекались овцы, завезенные арабами в VIII веке, так как в Узбекистане местные называют каракульскую породу «арабы». Сторонники другой версии происхождения опираются на теорию сравнительно недавнего скрещивания, согласно которой каракульская порода сформировалась в XVII–XVIII веках в результате скрещивания местных курдючных овец с полугрубошёрстными длиннохвостыми, завезёнными из Афганистана и Ирана.

Каракульская порода овец является уникальным объектом для изучения.

Генетические заболевания и их предотвращение

Одна из генетических патологий данной породы — летальный ген серой окраски. Каракульские ягнята с серой окраской (ширази) возникли в результате мутации от овец с черной окраской (аа). Ширази контролируется доминантным аллелем (А). В гомозиготном состоянии гены вызывают гибель (АА). Гетерозиготы (Аа) имеют серую окраску и составляют основу стада. Установлено, что гибель гомозиготных по доминантным генам ягнят вызвана нарушениями деятельности парасимпатической нервной системы, что приводит к нарушениям работы желудочно-кишечного тракта, а именно атонии рубца, вызывающей хроническое вздутие и неизбежную гибель при переходе к пастбищному содержанию.

Для предотвращения появления летального генотипа в стаде необходимо исключать спаривания двух серых особей между собой. Для получения здорового потомства необходимо пользоваться схемой: серая особь (гетерозигота) х черная особь (рецессивная гомозигота). Такое скрещивание позволяет получить потомство в расщеплении 1:1, риски появления летального генотипа исключены.

Тем не менее генетика каракульской породы имеет и преимущество — устойчивость к скрепи. Скрепи — нейрологическая прионная инфекция, также именуемая почесухой овец. Она поражает центральную нервную систему. Животное начинает испытывать сильнейший зуд, шерсть выпадает клочьями, походка становится шаткой, происходит стремительная потеря веса, даже при сохранённом аппетите. Передается скрепи от матери к ягнятам, а также через воду и корм. Устойчивость овец каракульской породы к данному заболеванию определяется полиморфизмом в кодонах 136, 154, 171 гена Pr P. В популяциях встречаются следующие аллели: ARQ — средний уровень устойчивости, ARR — высокая устойчивость, VRQ — аллель риска, восприимчивость к заболеванию. Последний аллель не встречается в элитных стадах породы, но имеет место быть в целом. Общая гомозиготность по гену PrP составляет 75,6 %, что является высоким показателем для породы.

Заключение

Каракульская порода овец формировалась на протяжении длительного времени. Как и любая другая порода она накапливала различные наследственные признаки. Генетический мониторинг, поддержание оптимального уровня гетерозиготности и использование маркер-ассоциированной селекции позволяют сохранять уникальность генофонда каракульских овец, минимизировать риски проявления летальных генотипов и обеспечивать дальнейшее совершенствование продуктивности. Порода служит ценным объектом животноводства и важной моделью для изучения популяционно-генетических процессов, плейотропии и генетической устойчивости к заболеваниям.

Список литературы

1. Ларина О. В., Жилкина Н. Г. Мониторинг генетической структуры популяций сельскохозяйственных животных / О. В. Ларина, Н. Г. Жилкина // Magyar Tudomanyos Jounal. Budapest, Hungary.— 2017.— № 10.— С. 3–4.

2. Газиев А. Экологические и генетические основы эффективной селекции каракульских овец: автореф. дис. … д-ра с.-х. наук.— Самарканд, 2021.— 65 с.

3. Ерназаров С. Е. Коррелятивная изменчивость хозяйственно-полезных признаков черных каракульских овец в зависимости от вариантов подбора // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана.— 2024.— № 3.

4. Люцканов П. И., Машнер О. А., Евтодиенко С. А., Марзанов Н. С. Генетическая характеристика каракульских овец Молдовы // Разведение и селекция животных.— 2010.— № 44.

5. Найзабеков Н. Н. Иммуногенетический мониторинг смушковых пород овец // Вестник сельскохозяйственной науки Казахстана.— 2006.— № 2.— С. 40–42.

6. Омбаев А. М., Юлдашбаев Ю. А., Кансеитов Т. К. Каракулеводство с основами смушковедения: учебник.— 2-е изд., стер.— СПб.: Лань, 2022.— 264 с.— ISBN 978-5-507-44234-8.— Режим доступа: https://e.lanbook.com/book/221267 (дата обращения: 22.03.2026).

7. Ерохин А. И., Карасев Е. А., Абонеев В. В. Генетические аномалии у овец и методы их профилактики // Овцы, козы, шерстяное дело.— 2020.— № 3.— С. 12–16.

DOI 10.34660/INF.2026.79.12.020

IMPROVEMENT DIRECTIONS OF CUSTOMS-TARIFF REGULATION OF FOREIGN TRADE IN THE REPUBLIC OF ARMENIA

Gyulasaryan Mikayel Rafayel
Ph.D. in Economics, Associate Professor, Head of Department
Parvanyan Consulting LLC,
Yerevan, Armenia
ORCID ID: 0009-0005-4234-1377

Abstract. *Customs-tariff regulation remains one of the most important instruments of state economic policy in the field of foreign trade management. In the context of globalization, the intensification of international trade relations, and the participation of states in regional integration unions, the formation of an effective customs-tariff policy becomes particularly relevant. The Republic of Armenia operates within a complex system of international economic relations, being a member of the World Trade Organization and the Eurasian Economic Union, which significantly affects the mechanisms of foreign trade regulation.*

The purpose of this research is to analyze the current mechanisms of customs-tariff regulation of foreign trade in Armenia and to identify the main directions for improving this system in the context of international integration and technological transformation of customs administration. The study is based on the analysis of international agreements, international experience in customs regulation, and statistical indicators of Armenia's foreign trade dynamics.

The research shows that despite the liberalization of foreign trade and Armenia's integration into global and regional economic systems, the customs-tariff regulation system still faces several challenges, including insufficient differentiation of tariff rates, lack of scientific methodology for tariff determination, and limited coordination between tariff and non-tariff instruments.

As a scientific novelty, the article proposes a nine-stage mechanism for determining customs-tariff regulation measures for specific goods. The implementation of this approach can contribute to improving the efficiency of Armenia's trade policy, strengthening economic security, and ensuring balanced protection of domestic producers in accordance with international obligations.

Keywords: *customs-tariff regulation, foreign trade policy, international trade regulation customs modernization, economic security, EAEU integration, Republic of Armenia.*

1. Introduction. Foreign trade regulation is a fundamental component of national economic policy. It plays an essential role in ensuring sustainable economic development, maintaining macroeconomic stability, protecting domestic producers, and strengthening national economic security.

In modern economic systems, customs-tariff regulation represents one of the main tools used by governments to influence international trade flows. Through customs duties, states can regulate imports and exports, protect sensitive industries, and generate fiscal revenues. At the same time, tariff policy must comply with international trade rules and agreements.

Today, customs-tariff systems in most countries are formed within the framework of international agreements and multilateral trade institutions. The main global institution regulating international trade is the World Trade Organization, which establishes fundamental principles of trade liberalization, tariff commitments, and non-discriminatory treatment among member states. The key legal basis for tariff regulation is the General Agreement on Tariffs and Trade, which defines rules governing tariff policies, anti-dumping measures, and safeguard mechanisms.

Another important international legal framework is the Kyoto Convention, which promotes the modernization of customs administration and the simplification of customs procedures. These international frameworks ensure transparency, predictability, and fairness in international trade.

In addition to global institutions, regional economic integration plays an increasingly important role in shaping national trade policies. Armenia is a member of the Eurasian Economic Union, which introduces a common customs tariff and unified trade regulation mechanisms among member states. The EAEU includes Armenia, Russia, Belarus, Kazakhstan, and Kyrgyzstan and aims to ensure the free movement of goods, services, capital, and labor within the union.

Membership in the EAEU has significantly influenced Armenia's foreign trade structure and tariff policy. According to recent statistics, trade between Armenia and EAEU member states has increased rapidly in recent years. In 2024, trade within the EAEU accounted for approximately **25.6% of Armenia's total foreign trade**, with Russia remaining the dominant trading partner.

At the same time, Armenia maintains trade relations with other major partners, including the European Union, China, and the United States. According to the WTO trade statistics, Armenia's exports reached **approximately USD 8.4 billion in 2023**, while imports exceeded **USD 12.3 billion**, reflecting the country's open and trade-oriented economy.

Technological transformation also plays an important role in modern customs administration. Many countries are introducing digital customs systems, automated risk management tools, and electronic declaration systems to facilitate trade while ensuring effective customs control.

Despite these developments, Armenia's customs-tariff regulation system still faces several challenges. These include:

- insufficient differentiation of customs tariff rates,
- limited scientific methodology for determining tariff levels,
- dependence on fiscal objectives rather than industrial policy goals,
- insufficient integration of tariff and non-tariff regulation instruments.

These challenges make it necessary to reconsider the mechanisms of customs-tariff regulation in Armenia and to develop a more systematic and scientifically grounded approach to trade policy formation.

The objective of this article is to analyze the current state of customs-tariff regulation in Armenia and propose directions for improving its effectiveness in the context of globalization, regional economic integration, and technological modernization.

2. Literature Review. The issues related to customs policy and tariff regulation have been extensively studied in international economic literature. Researchers emphasize that tariff policy remains an important instrument of economic development even in the context of trade liberalization.

According to **Krugman, Obstfeld, and Melitz**, tariffs influence domestic production, consumption, and trade balances by affecting relative prices of imported goods. Governments often use tariffs to protect strategic industries or support infant industries during the early stages of economic development.

Similarly, **Hoekman and Kostecki** highlight that modern trade policy involves a combination of tariff and non-tariff measures aimed at ensuring fair competition and protecting national economic interests.

Recent studies published in international journals indexed in Scopus emphasize the importance of flexible tariff systems and differentiated tariff rates. According to **Baldwin (2020)**, tariff differentiation allows governments to target specific sectors of the economy and manage structural changes in international trade.

Research conducted by the World Bank and the Organisation for Economic Co-operation and Development demonstrates that countries with more diversified tariff structures tend to have more effective trade regulation systems.

Several studies also analyze the impact of regional economic integration on national tariff policies. Scholars emphasize that regional trade agreements often require member states to adopt common external tariffs and harmonized customs regulations.

In the case of the EAEU, the common customs tariff system significantly influences the trade policies of member states. According to the Eurasian Economic

Commission, the EAEU customs tariff is designed to balance trade liberalization with protection of domestic industries within the union.

Research focusing on Armenia highlights both the opportunities and challenges associated with EAEU membership. On the one hand, access to a larger regional market stimulates trade and industrial cooperation. On the other hand, Armenia must adapt its tariff policies to the common tariff system of the union.

Recent studies also emphasize the growing importance of digitalization in customs administration. According to the World Customs Organization, digital customs systems improve transparency, reduce administrative costs, and facilitate international trade.

In summary, the existing literature indicates that effective customs-tariff policy requires a combination of economic analysis, institutional coordination, and international cooperation.

3. Analyses. International agreements. International agreements significantly influence national tariff policies. The WTO establishes rules regarding tariff commitments and trade liberalization. According to WTO statistics, Armenia's **average applied tariff rate is approximately 6.4%**, while the trade-weighted average tariff rate is about **8.2%**.

These relatively low tariff rates reflect Armenia's commitment to maintaining an open trade regime.

However, such liberalization can create challenges for domestic producers, especially in developing economies where local industries may not be able to compete with imported products.

Technologies used in customs administration. Modern customs systems rely on digital technologies such as:

- electronic customs declarations
- automated risk management systems
- digital trade documentation
- blockchain-based supply chain tracking

The adoption of these technologies significantly reduces customs clearance time and increases transparency.

Armenia has made progress in implementing electronic customs systems, but further modernization is needed to align with international best practices.

International experience. Many developed economies use highly differentiated tariff structures. For example:

1. The United States and the European Union maintain over 12,000 tariff positions.
2. Russia has more than 10,000 tariff positions.
3. Armenia's tariff system is significantly less differentiated.

Such differentiation allows countries to regulate imports more effectively depending on product sensitivity and domestic industry needs.

Another important instrument used internationally is the application of **anti-dumping and safeguard measures**, which protect domestic industries from unfair competition.

Situation in Armenia. Armenia's foreign trade has grown significantly in recent years. According to national statistics, total foreign trade turnover exceeded **USD 30 billion in 2024**, representing significant growth compared to previous years.

Exports reached **USD 13 billion**, while imports exceeded **USD 17 billion**, reflecting the country's structural trade deficit.

Trade relations within the EAEU have become increasingly important. Trade turnover between Armenia and EAEU member states reached approximately **USD 7.8 billion in 2023**, with exports growing by over 40%.

At the same time, Armenia's trade with EAEU countries exceeded **USD 9 billion during the first eight months of 2024**.

These figures demonstrate that regional integration plays a major role in shaping Armenia's foreign trade structure.

However, dependence on a limited number of trading partners creates certain economic risks. Therefore, Armenia's customs-tariff policy should aim to diversify trade relations and strengthen domestic production capacity.

4. Scientific Novelty: A Nine-Stage Procedure for Customs-Tariff Regulation

One of the key scientific contributions of this research is the development of a structured methodological framework for determining customs-tariff regulation measures applied to specific goods in the foreign trade system. The proposed approach introduces a **nine-stage procedure** aimed at improving the scientific justification of tariff policy decisions and ensuring consistency between national economic interests and international trade obligations.

The importance of this mechanism lies in the fact that in many developing economies, including the Republic of Armenia, customs-tariff decisions are often adopted without a comprehensive analytical framework. As a result, tariff policies may lack sufficient economic justification and may not fully support national development priorities. The proposed methodology addresses this issue by introducing a systematic and evidence-based decision-making process.

The suggested procedure includes the following stages:

Stage 1: Identification of the Product

The first stage involves the identification and classification of the product subject to customs-tariff regulation. At this stage, the product is assigned a corresponding code according to the **Harmonized Commodity Description**

and Coding System (HS). Accurate classification ensures consistency with international trade statistics and facilitates the application of appropriate tariff and regulatory measures.

Stage 2: Assessment of National Demand and Production

This stage focuses on evaluating the domestic market situation for the product. It includes an analysis of national demand, domestic production capacity, import volumes, export potential, and the competitiveness of domestic producers. Such an assessment allows policymakers to determine the degree of dependence on imports and the potential for strengthening local production.

Stage 3: Assessment of Strategic Importance

At this stage, the strategic importance of the product for the national economy and security is evaluated. Certain goods, such as energy resources, food products, or critical industrial inputs, may have strategic significance. In such cases, additional protective measures may be required to ensure national economic resilience.

Stage 4: Evaluation of Health and Environmental Risks

This stage examines potential risks associated with the product in terms of public health, environmental safety, and consumer protection. Regulatory measures may include compliance with sanitary, phytosanitary, technical, or environmental standards. If necessary, restrictions or additional control procedures may be introduced.

Stage 5: Fiscal Considerations

The fiscal implications of customs-tariff regulation are evaluated at this stage. Policymakers assess the role of import duties, value-added tax (VAT), and excise taxes in generating state budget revenues while ensuring fair competition between domestic and imported goods.

Stage 6: Determination of the Optimal Tariff Rate

Based on the previous analytical stages, the optimal tariff rate is calculated. This process considers production costs, international market prices, the level of domestic industry competitiveness, and the potential impact on consumer prices and trade flows.

Stage 7: Coordination of Tariff and Non-Tariff Measures

In modern trade policy, tariffs alone are often insufficient to achieve regulatory objectives. Therefore, this stage ensures coordination between tariff instruments and non-tariff measures such as quotas, licensing systems, safeguard measures, and anti-dumping regulations.

Stage 8: Government Approval

Following the analytical evaluation, the proposed regulatory measures are submitted for official approval by the relevant governmental authorities. Once adopted, the measures are formalized through legislative or regulatory acts and publicly announced.

Stage 9: Implementation and Monitoring

The final stage focuses on the practical implementation of the adopted measures and the establishment of monitoring mechanisms. Continuous evaluation allows policymakers to assess the effectiveness of the regulation and introduce adjustments when necessary.

Overall, the proposed nine-stage procedure provides a **comprehensive and systematic framework** for customs-tariff regulation. Its implementation can significantly improve the transparency, efficiency, and economic justification of tariff policy decisions. Moreover, the mechanism ensures better alignment between national development priorities, international trade obligations, and the strategic objectives of economic security.

5. Conclusion. Customs-tariff regulation remains one of the most important instruments of foreign trade policy and economic security. The analysis conducted in this study demonstrates that Armenia's customs-tariff system has undergone significant transformation during the past two decades, particularly after joining the WTO and the Eurasian Economic Union.

Membership in international and regional trade organizations has created new opportunities for expanding trade relations and integrating into global markets. At the same time, these commitments impose certain limitations on the country's ability to independently determine tariff policies.

Recent trade statistics show that Armenia's foreign trade has grown rapidly, especially in recent years. However, this growth is accompanied by structural challenges such as trade imbalance, dependence on limited export markets, and insufficient diversification of production.

The research shows that improving the effectiveness of customs-tariff regulation in Armenia requires several strategic reforms.

First, it is necessary to develop a scientifically grounded methodology for determining tariff rates based on economic modeling and international best practices.

Second, tariff differentiation should be expanded in order to allow more flexible regulation of imports depending on the sensitivity of domestic industries.

Third, coordination between tariff and non-tariff instruments should be strengthened to ensure comprehensive protection of national economic interests.

Finally, further modernization of customs administration through digital technologies and risk management systems is essential for improving efficiency and transparency.

The proposed nine-stage mechanism for determining customs-tariff regulation measures represents a systematic approach that can enhance the effectiveness of Armenia's trade policy. Its implementation can contribute to strengthening economic security, improving competitiveness of domestic industries, and ensuring balanced integration into the global trading system.

References.

1. Baldwin, R. (2020). The great convergence: Information technology and the new globalization. Harvard University Press.

2. Dzubenko, P. V. (2000). Customs policy and protection of national economic interests. Moscow.

3. Hoekman, B., & Kostecki, M. (2009). The political economy of the world trading system. Oxford University Press.

4. Krugman, P., Obstfeld, M., & Melitz, M. (2018). International economics: Theory and policy. Pearson.

5. World Bank. (2023). Global trade outlook. Washington, DC.

6. World Trade Organization. (2024). World trade statistical review.

7. World Customs Organization. (2023). Customs in the 21st century strategy.

8. OECD. (2022). Trade facilitation indicators.

9. Eurasian Economic Commission. (2024). EAEU trade statistics report.

10. Statistical Committee of the Republic of Armenia. (2024). Foreign trade statistics.

11. Ministry of Economy of the Republic of Armenia. (2024). Foreign trade development report.

12. Kashirin, V. V. (2007). Demonopolization and development of competitive pricing. Finance Journal, 2, 18–21.

13. International Monetary Fund. (2023). Armenia country report.

14. World Economic Forum. (2024). Global competitiveness report.

15. UNCTAD. (2023). World investment report.

16. European Bank for Reconstruction and Development. (2024). Armenia economic transition report.

DOI 10.34660/INF.2026.85.51.042

РОЛЬ КОНТЕНТА В СИСТЕМЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ВЫБОРА ПОД ВЛИЯНИЕМ ИНВЕРСИИ ЕГО СТОИМОСТИ В ЭКОНОМИКЕ ВНИМАНИЯ

Щеглова Александра Станиславовна
кандидат исторических наук, доцент, старший преподаватель
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия
Иванова Екатерина Васильевна
студент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия

Сегодня, в условиях тотального цифрового изобилия, дефицитным ресурсом оказалось человеческое внимание. Ещё в 1971 году психолог и лауреат Нобелевской премии Герберт Саймон сформулировал парадокс, который десятилетия спустя стал основой новой бизнес-модели: «Информация потребляет внимание. Следовательно, изобилие информации порождает бедность внимания». Это означает, что платформы фактически торгуют не контентом, а предсказуемым временем вовлечённости пользователя, превращая его внимание в товар.

Экономика внимания оперирует простым принципом: бесплатный сервис предоставляется в обмен на доступ к когнитивным ресурсам человека, которые затем монетизируются через рекламный инвентарь. Однако у этого подхода есть три фундаментальные характеристики:

1. Внимание не безгранично: у каждого человека не более 8–10 часов в сутки активного бодрствования.

2. Внимание конкурентно: каждая секунда, отданная одному приложению, отнимается у других, а также у сна, работы или живого общения.

3. Внимание стало предсказуемым — алгоритмы машинного обучения научились с высокой точностью определять момент, когда пользователь готов отвлечься, и мгновенно подставлять новый раздражитель.

Архитектура захвата внимания формировалась осознанно. Ключевым изобретением здесь стала бесконечная прокрутка (скроллинг), запатентованная

дизайнером Азой Раскиным. Она уничтожила естественные точки остановки: пользователь больше не совершает явного действия для перехода на следующую страницу, лента подгружается автоматически, эксплуатируя феномен «ещё одного поста». Параллельно повсеместно внедрялся принцип переменного вознаграждения, заимствованный из экспериментов Берреса Скиннера. Если бы пользователь точно знал, какое уведомление получит после обновления ленты, интерес быстро бы угас. Но алгоритмы сознательно создают ситуацию неопределённости: лайк, оскорбление, срочная новость или пустота — такая вариативность запускает дофаминовую реакцию, аналогичную той, что возникает при работе с игровыми автоматами.

Сегодня особенностью является асимметрия эмоций. Исследования показали, что контент, вызывающий гнев и возмущение, удерживает внимание в разы дольше, чем нейтральный или радостный. Алгоритмы, оптимизированные под время сессии, неизбежно начинают усиливать поляризацию и токсичность, поскольку именно такие материалы демонстрируют максимальный CTR и вовлекают пользователя в затяжные конфликты в комментариях. Дополнительным инструментом удержания стал дизайн, стирающий границы времени: «истории», исчезающие через 24 часа, короткие вертикальные видео и бесконечные «шортсы» эксплуатируют страх упущенной выгоды (FOMO), создавая искусственный дефицит там, где объективно его нет.

Влияние экономики внимания на потребителей выходит далеко за рамки простого увеличения экранного времени. Оно меняет когнитивную архитектуру человека. Исследование корпорации Microsoft зафиксировало снижение средней продолжительности удержания внимания с 12 до 8 секунд, что ниже показателя золотой рыбки (9 секунд). Этот феномен получил название когнитивной фрагментации, или привычнее — клипового мышления. Потребители утрачивают способность к глубокому чтению и погружению и всё чаще потребляют контент на ускоренной скорости, а маркетинг вынужден укладывать сообщения в первые три секунды.

Параллельно экономика внимания уничтожила паузу между желанием и удовлетворением, сформировав модель импульсивного потребления. Раньше классический путь потребителя включал этап обдумывания; сегодня алгоритмы перехватывают решение ещё до того, как оно осознано: увидел в социальной сети обзор, кликнул ссылку, оплатил в один клик — всё это происходит внутри одного приложения, часто в состоянии вечерней усталости или стресса, когда волевой контроль ослаблен. В результате потребитель принимает решения все менее обдуманно, а платформы конкурируют не за качество товара, а за «долю уязвимости».

Важным следствием экономики внимания стала эрозия автономии выбора. Теоретик алгоритмической культуры Илай Паризер ввел понятие «пузыря

фильтров»: персонализация приводит к тому, что пользователь видит не объективное разнообразие мира, а предсказанный алгоритмом набор данных, который сужает горизонт возможностей. При этом экономика внимания использует достижения поведенческой экономики для микротаргетинга, ориентированного не на демографические группы, а на эмоциональные состояния. Например, одинокие люди глубокой ночью. Наиболее уязвимой группой оказываются дети: платформы намеренно размывают границу между контентом и рекламой (например, через формат распаковок — unboxing), формируя потребительские привычки задолго до формирования критического мышления.

Однако в последние годы сформировалась и ответная реакция. Потребители всё чаще осваивают стратегии отпора: диджитал-детокс, покупку устройств с электронными чернилами, подписки на сервисы без рекламы. Возникает новая классовая дифференциация: способность контролировать собственное внимание становится маркером высокого социально-экономического статуса. Богатые могут позволить себе платить за защиту внимания, тогда как менее обеспеченные слои вынуждены «продавать» его платформам в обмен на бесплатный доступ к сервисам.

В современном мире компании вынуждены бороться за внимание и расположение своей целевой аудитории. Чтобы обзавестись преимуществом и выделиться на фоне конкурентов, бренды готовы, и в некоторой степени вынуждены, выстраивать свою систему коммуникации с потребителями, используя даже вводящие в заблуждение, или обманчивые, техники донесения информации, такие как манипуляции.

Манипуляция сознанием в современном рекламном поле является неотъемлемой частью построения рекламной коммуникации с широкой аудиторией, особенно ярко это проявляется в перенасыщенном продуктами рынке. При ответственном использовании она помогает распространить идеи, ценности или задумки в умы целевой аудитории, на основе которых они будут предпринимать решения. Манипуляция сознанием как феномен появилась достаточно давно, изменяя свои смыслы и формы, но четкое определение было сформировано и преподнесено в 19 веке, оно рассматривалось такими экспертами как Б. Н. Бессонов, Д. А. Волкогонов, Дж. Р. Бенигер, Л. Войтасик, Г. Шиллер и другие. [5]

Сегодня манипуляция сознанием активно используется во всех сферах общественной жизни. Иногда использование этой техники становится секретным фактором успеха различных компаний и методов достижения намеченных показателей. Однако важно упомянуть, что такой метод вызывает большие этические дебаты, при которых рассматривается вопрос уместности использования манипуляций и допустимого контекста для этого. Именно поэтому многие исследователи делают акцент на ответственном

использовании такого метода и призывают избегать недобросовестного внушения потребителям идей.

Однако как бы он не оценивался со стороны этики, все эксперты согласны в одном: грамотная манипуляция — эффективный метод внедрения необходимых идей в массы. И в современном мире специалистам, работающим в сфере рекламы и связей с общественностью, важно уметь работать с эти инструментом и регулировать поступление манипулятивной информации, которая может помешать имиджу бренда, с которым специалист работает.

Манипуляция занимает центральное место в изучении взаимодействия потребителя и создателей рекламы. Ученые выдвигают различные определения, рассматривая этот термин со стороны психологии, социологии и даже философии. Когда одни рассматривают его как инструмент управления массовым сознанием, другие предполагают, что это адаптация индивида к потокам информации. По мере возрастная спроса на технологию, возрастает и необходимость рассмотрения подходов к ее анализу, выявления основных закономерностей и механизмов, а также точки расхождения в интерпретациях понятия различными исследователями.

По мнению другого автора, социолога Сергея Кара-Мурзы, манипуляция представляет собой психическое воздействие, которое производится скрытно и в ущерб тем лицам, на которых оно направлено. [3] Он разбирает основные аспекты этой технологии, выделяет основные этапы (начиная с момента внедрения базовых смыслов до формирования зависимости от предложенной интерпретации реальности).

Герберт Маркузе, фрейдо-марксистский теоретик, предполагал, что манипуляция сознанием более глобальна, она является не только способ поддержания порядка доминации через унификацию ценностей и восприятий человека. Он выдвигает идею о том, что современное общество создает некого «одномерного человека», который не способен к критическому мышлению и который, следовательно, легко поддается манипулятивному воздействию. По его мнению, современный уклад социальной жизни порождает в людях иллюзию свободы, которая формируется через скрытые механизмы манипуляции. [4]

Другой, абсолютно выдающийся исследователь в сфере PR, Эдвард Бернейс, в своей работе «Пропаганда» также рассматривал понятие манипуляции. Однако он, в отличии от своих коллег, не воспринимает это явление с негативной стороны. Он трактовал это понятие как нейтральный инструмент управления массовым сознательным и бессознательным. Он акцентирует внимание читателей на том, что манипуляции могут быть использованы для пользы общества, например социальных реформ. Он определяет манипуляцию как естественную составляющую демократии. [1]

Также вклад в формирования понятия вложил Жан Бодрийяр, который описывал этот феномен в контексте симулякров. В его понимании, мы живем в эпоху, когда особые знаки, те самые симулякры, создают «гиперреальность». И сегодня люди обитают в мире манипулируемых образов, в то время как реальность постепенно теряет свое значение и на ее замену приходит виртуальная среда. [2]

Исходя из анализа данных подходов, можно сделать вывод, что все эти авторы выдвигают разные, но взаимодополняющие теории, которые помогают определить феномен манипуляции общественным сознанием со стороны разных наук.

Манипуляции в современном медиаконтенте стали обыденностью, так как рынок настолько перегружен рекламный воздействием, что потребители начинают вырабатывать «некоторую слепоту» к привычным воздействиям на сознание. Именно поэтому сегодня создатели рекламы прибегают к созданию комплексных и трудновычислимых приемов для влияния на потребителей. Все они тем или иным образом являются более разработанными, конкретными и детализированными, чем их предшественники, которые были описаны выше. Современные приёмы манипуляции являются достаточно конкретными и представляют собой следствие из методов и механизмов воздействия на человеческое сознание.

Сегодня в успешной рекламе самыми удачными способами манипуляцией сознанием являются такие приёмы как: эффект дефицита и искусственная срочность, фрейминг или рамочное представление, эффект толпы, ассоциативное программирование, двусмысленность и умолчания, использование экспертов, искажение статистики, визуальные манипуляции, гиперболизация выгоды, а также ретаргетинг и персонализация.

Несмотря на бесспорную эффективность манипуляций, они часто подвергаются критике. Из-за своего характера воздействия они могут представлять собой опасность и для рекламодателей. При неграмотном использовании техник и приёмов манипуляции, есть вероятность понести значительные репутационные риски, потери лояльности и доверия клиентов. Именно поэтому, прибегая к использованию таких видов психологического воздействия, специалистам необходимо сверяться с этикой применения таких технологий.

В медиаконтенте и рекламе манипуляции являются комплексной системой, объединяющие в себе психологию, когнитивные исследования и технологии. Их эффективность определяет повсеместное использование, однако требует контроля баланса между прибылью и этикой.

Важно понимать, что манипуляции сознанием тесно связаны с эмоциями и психологией человека. Поэтому даже одинаковые психологические воздействия могут привести к различным результатам. Специалисты, при работе

с целевой аудиторией в моменте взаимодействии с манипулятивными сообщениями бренда, обязаны изучать и проанализировать их взаимодействие, а также стараться предугадывать будущие реакции потребителей на определенные контакты. Исходя из реакций людей на манипуляции, рекламодатели могут адаптировать свои рекламные стратегии и методы взаимодействия с аудиторией исходя из их реакций на предыдущие взаимодействия. Благодаря социально-психологическим факторам аудитория становится более уязвима по отношению к внешним воздействиям.

В современной социальной практике существует множественное количество манипулятивных приёмов, которые активно используются в рекламном искусстве. В данный момент манипуляции находятся на том уровне развития, где они стирают грань друг между другом, сливаясь, образуя новые более комплексные конструкции, которые более совокупно влияют на сознание потребителей.

Однако не все манипуляции влияют одним и тем же образом на всех людей. Восприятие манипулятивного воздействия зависит от факторов восприятия, разделяющих людей на категории. Таким образом, при разработке рекламного сообщения, использующего манипуляции, необходимо изучить и учесть особенности восприятия целевой аудитории для достижения максимально возможного положительного эффекта.

подверженность манипуляциям зависит от пола, возраста и уровня дохода потребителей, а также показала, что большинство пользователей не осознают влияние манипуляций в рекламном контенте. Самыми уязвимыми группами стали женщины, молодежь, люди с низким доходом, а также люди среднего возраста.

Выявленные закономерности и факторы восприимчивости могут быть использованы не только для повышения эффективности коммуникаций, но также и для снижения негативных последствий манипулятивного воздействия.

Таким образом, экономика внимания радикально трансформировала природу потребления. Если классическая рыночная система исходила из предпосылки о суверенитете потребителя, то сегодня потребитель оказывается в позиции истощаемого ресурса, за который ведётся постоянная борьба. Главный вызов для человека в этой системе — переход от экономики выбора к экономике отвлечения. Всё больше усилий современный потребитель тратит не на сравнение товаров или осознанное принятие решений, а на то, чтобы не дать технологиям похитить собственную когнитивную автономию.

Список использованной литературы

1. Бернэйс Э. Пропаганда [Текст] / Э.Бернэйс. США: Hippo, 1928–176 с.

2. Бодрийар Ж. Симулякры и симуляция [Текст] / Ж. Бодрийар. США: Galilée, 1981–250 с.

3. Кара-Мурза С. Манипуляций сознанием [Текст] / С.Кара-Мурза. Москва: Эксмо, 2008–490 с.

4. Маркузе Г. Одномерный человек [Текст] / Г. Маркузе. Москва: REFL-book, 1994–336 с.

5. Соболев Д. Манипулирование — Словарь основных психологических терминов / Д. Соболев [Электронный ресурс] //: [сайт].— URL: https://dmitriy-sobolev.ru/glosary/m/manipulirovanie/

6. Simon H. A. Designing Organizations for an Information-Rich World // Computers, Communications, and the Public Interest / Martin Greenberger (ed.).— Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1971.— P. 40–41. Цитируется по: Robinson D. Going Further: The Attention Economy [Электронный ресурс] // American Enterprise Institute.— 2007.— 18 Jan.— URL: https://www.aei.org/articles/going-further-the-attention-economy/ (дата обращения: 24.03.2026).

7. Goldhaber M. H. The Attention Economy: The Natural Economy of the Net [Электронный ресурс] // First Monday.— 1997.— Vol. 2, No. 4.— URL: https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/519 (дата обращения: 24.03.2026).

8. Davenport T. H., Beck J. C. The Attention Economy: Understanding the New Currency of Business.— Boston: Harvard Business School Press, 2001.— 272 p.

9. Lanham R. A. The Economics of Attention: Style and Substance in the Age of Information.— Chicago: University of Chicago Press, 2006.— 328 p.

10. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power.— New York: PublicAffairs, 2019.— 704 p.— ISBN 978-1-61039-569-4.

11. Harris T. Tristan Harris: Speaker Profile [Электронный ресурс] // TED Talks.— URL: https://www.ted.com/speakers/tristan_harris (дата обращения: 24.03.2026).

12. Harris T. Can Humanity Trump Technology? [Электронный ресурс] // Tallberg-SNF-Eliasson Global Leadership Prize.— 2023.— 19 Dec.— URL: https://tallberg-snf-eliasson-prize.org/can-humanity-trump-technology/ (дата обращения: 24.03.2026).

13. Center for Humane Technology. Your Undivided Attention [Электронный ресурс] // Center for Humane Technology.— URL: https://www.humanetech.com/podcast (дата обращения: 24.03.2026).

14. Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) [Электронный ресурс] // EUR-Lex.— 2022.— 27 Oct.— URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj/eng (дата обращения: 24.03.2026).

15. Rahman M. Attention Economy: A New Horizon of Opportunities and Challenges [Электронный ресурс] // The Financial Express.— 2025.— 11 July.— URL: https://today.thefinancialexpress.com.bd/views-opinion/attention-economy-a-new-horizon-of-opportunities-and-challenges-1752161658 (дата обращения: 24.03.2026) .

DOI 10.34660/INF.2026.79.60.188

ВЕДОМСТВА И ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Туркин Игорь Евгеньевич
магистрант
Тверской государственный университет

Вопрос противодействия коррупции в современной системе государственного управления является одним из важнейших. Это обусловлено тем, что коррупционная деятельность подрывает доверие граждан к власти и снижает общую эффективность управленческой деятельности.

Согласно действующему законодательству «противодействие коррупции – деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий» [1].

Как видно из представленного выше определения борьба с коррупцией ведется совместными усилиями государственных ведомств и институтов гражданского общества (рис. 1).

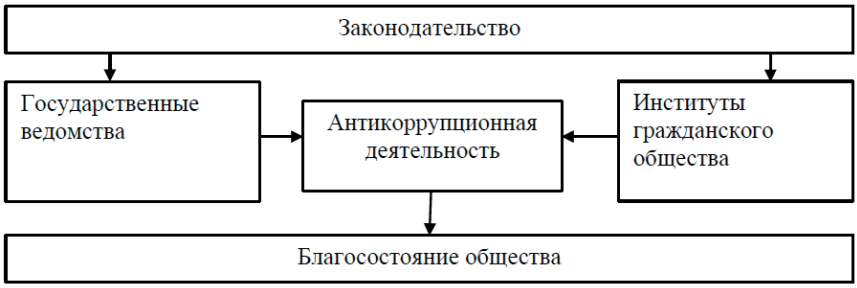

Рис.1. Антикоррупционная деятельность*

* составлено автором

Как видно из представленного выше рисунка, антикоррупционная деятельность осуществляется в рамках действующего законодательства федерального, регионального и местного уровня. В законах и других нормативно-правовых актах прописаны функции, полномочия и задачи каждого из государственных ведомств в системе противодействия коррупции. Каждое из государственных ведомств осуществляет комплекс мер, направленных на предупреждение, выявление и пресечение коррупционных проявлений согласно имеющимся полномочиям (табл. 1).

Таблица 1. Функции государственных ведомств в системе антикоррупционной деятельности [2]

Ведомство	Функции
Президент РФ	Определяет основные направления государственной антикоррупционной политики и устанавливает компетенции федеральных органов власти.
Президентская комиссия по вопросам противодействия коррупции	Данный государственный орган разрабатывает стратегии борьбы с коррупцией для обеспечения высокого качества управления, а также обеспечивает координацию деятельности всех ведомств для наиболее эффективного решения поставленных задач.
Федеральное Собрание РФ	Осуществляет разработку и принятие федеральных законов по вопросам противодействия коррупции.
Правительство РФ	Определяет функции всех федеральных органов исполнительной власти в системе антикоррупционной деятельности.
Генеральная прокуратура РФ	Основной орган надзора за соблюдением действующего законодательства по противодействию коррупции, который проводит проверки, возбуждает уголовные дела, обеспечивает контроль исполнения антикоррупционного законодательства.
Следственный комитет РФ	Орган, занимающийся расследованием, в том числе и коррупционных преступлений, сбором доказательств, формированием уголовного дела, направляемого в суд.
Федеральная служба безопасности	Обеспечивает антикоррупционную деятельность в сфере госзакупок, тендеров и государственных контрактов, выявляя факты злоупотребления и направляя материалы в Следственны комитет или Генеральную прокуратуру.
Министерство внутренних дел	Ведомство в рамках антикоррупционной деятельности отвечает за сбор информации, проведение оперативно-розыскных мероприятий, задержание подозреваемых.
Контрольные органы субъектов федерации	Региональные контрольно-надзорные органы осуществляют мониторинг исполнения законов на местах, выявляя нарушения и передавая информацию вышестоящим инстанциям.

Кроме государственных ведомств антикоррупционную деятельность осуществляют институты гражданского общества (табл. 2).

Таблица 2.
Функции институтов гражданского общества в системе антикоррупционной деятельности [3, с. 88-92]

Институт	Функции
Советы и комиссии при органах власти (Подкомиссия Общественной палаты РФ по проблемам противодействия коррупции в РФ, Национальный антикоррупционный совет и др.)	Обеспечивает представление экспертного мнения общественных специалистов в области противодействия коррупции, способствует выстраиванию эффективного взаимодействия между государственными ведомствами и институтами гражданского общества.
Общественные объединения и некоммерческие организации (Межрегиональная общественная организация «Комитет по борьбе с коррупцией», общественное движение «За честные закупки» и др.)	Организуют кампании против нарушений в области государственных закупок, публикуют отчеты о выявленных нарушениях, привлекают внимание СМИ к фактам коррупции, развивают проекты, направленные на борьбу с коррупцией.
Бизнес и его объединения (Некоммерческое партнёрство «Объединение предпринимательских организаций России» и др.)	Обеспечивают координацию бизнес-структур и реализацию мер по противодействию коррупции при взаимодействии с органами власти, способствуют повышению прозрачности бизнеса, предоставляют помощь пострадавшим от коррупции.
Научное сообщество (Независимый институт социальной политики, Центр антикоррупционных исследований и инициатив и др.)	Осуществляют проведение исследований в области коррупции, экспертизу и оценку реализуемых антикоррупционных мер, анализ и прогнозирование тенденций и вероятных последствий тех или иных антикоррупционных мероприятий.
Отдельные граждане	Сбор и трансляция материалов о фактах коррупции в сети Интернет, стихийная организация групп по борьбе с коррупцией на местах.

Таким образом, эффективная борьба с коррупцией требует тесного взаимодействия между государственными ведомствами и институтами гражданского общества. Только совместные усилия позволят обеспечить высокий уровень благосостояния общества как конечного результата антикоррупционной деятельности.

Список использованных источников

1. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 28 декабря 2024 г. № 522-ФЗ) [Электронный ресурс]: СПС «Гарант». - URL: https://base.garant.ru/12164203/ (дата обращения 17.10.2025)

2. Полномочия органов, учреждений и организаций, осуществляющих противодействие коррупции в Российской Федерации. [Электронный ресурс]: ФГКУ «ВНИИ МВД России». - URL: https://stom-nvt.orb.ru/upload/uf/69c/Polnomochiya-organov-v-RF-osushchestvlyayushchikh-protivodeystvie-korruptsii.pdf (дата обращения 17.10.2025)

3. Кузнецов Г.С. Институты гражданского общества как субъект антикоррупционной политики: сравнительно-политологический анализ концептуальных подходов // Экономика. Право. Общество. – 2019. - № 3 (19). – С. 87-94.

DOI 10.34660/INF.2026.80.31.133

МЕХАНИЗМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЧС РОССИИ С ЗАИНТЕРЕСОВАННЫМИ ВЕДОМСТВАМИ И ИНСТИТУТАМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ЦЕЛЯХ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Туркин Игорь Евгеньевич
магистрант
Тверской государственный университет

Информационное взаимодействие в современном быстро меняющемся миры выступает неотъемлемой частью эффективной коммуникации между отдельными институтами и ведомствами, а также их объединениями. Информационное взаимодействие осуществляется посредством механизмов, представляющих собой «систему или инструмент, который обеспечивает обмен информацией между субъектами» [1, с. 15].

Информационное взаимодействие осуществляется и Министерством Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России) с заинтересованными ведомствами и институтами гражданского общества, в том числе и в решении вопросов противодействия коррупции. Информационное взаимодействие МЧС России с заинтересованными ведомствами и институтами гражданского общества является важным инструментом повышения прозрачности и противодействия коррупции. Это достигается путем разработки и реализации специальных механизмов и мероприятий, направленных на повышение открытости, доступности информации и общественного контроля над деятельностью ведомства (рис. 1).

Все механизмы информационного взаимодействия МЧС России и заинтересованных субъектов в области противодействия коррупции выстраиваются на основе действующего законодательства. Такие нормативно-правовые акты как федеральный закон № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» определяют порядок предоставлении ведомством необходимой информации.

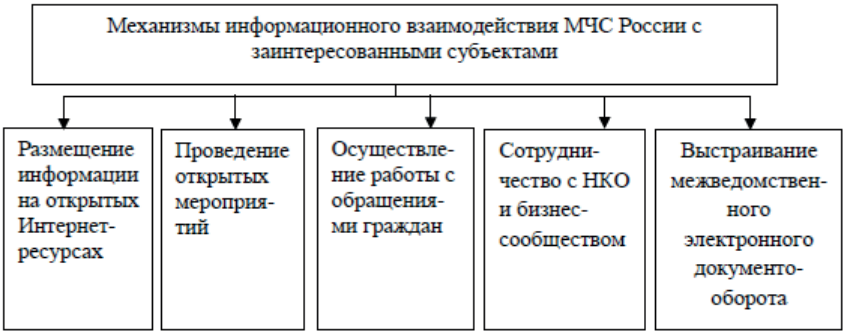

Рис. 1. Механизмы информационного взаимодействия МЧС России с заинтересованными субъектами [2]

В первую очередь информация о деятельности ведомства размещается на открытом Интернет-ресурсе и включает: решения руководства, распоряжения и приказы, планы работы, отчеты о проделанной работе и т. д. Здесь же размещается информация об антикоррупционной деятельности ведомства: отчеты о результатах, контактные данные для предоставления информации.

Обращения граждан, которые могут поступать посредством почты, телефона, электронной почты, выступают одним из наиболее важных источников информации о фактах коррупционной деятельности сотрудников ведомства. Работа с обращениями граждан включает: обработку, анализ, принятие решений, реализация решений, направление ответа. В рамках антикоррупционной деятельности обращения рассматриваются с привлечением компетентных органов, а заявители получают уведомления о результатах проверки.

Важным механизмом информационного взаимодействия МЧС России выступает выстраивание системы межведомственного взаимодействия, осуществляемое посредством единой системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) — «федеральной государственной информационной системы, предназначенной для организации такого взаимодействия в целях предоставления государственных и муниципальных услуг и исполнения функций в электронной форме» [3]. Наличие электронного межведомственного документооборота повышает прозрачность межведомственной деятельности, и снижает возможность реализации коррупционных схем.

Открытые мероприятия, которые проводятся МЧС России, направлены на повышение открытости ведомства и включают: открытые столы, конференции, презентации, пресс-конференции и т. д. Данные мероприятия проводятся очно, что повышает качество информационного взаимодействия и позволяет выстраивать более тесные связи с заинтересованными субъектами.

Институты гражданского общества, в основном представленные бизнес-сообществами и некоммерческими общественными организациями (НКО), привлекаются к участию в разработке предложений по улучшению системы профилактики коррупции в ведомстве. Совместные проекты направлены на развитие культуры честности и ответственности среди сотрудников министерства

Таким образом, механизм информационного обмена способствует повышению эффективности антикоррупционной деятельности через активное участие институтов гражданского общества в мониторинге и оценке работы МЧС России. Оперативное предоставление полных и точных данных помогает укрепить доверие между властью и обществом, обеспечивая контроль за соблюдением принципов законности и справедливости.

Список использованных источников

1. Владыко И. Ю. Механизм организации информационно-коммуникационного взаимодействия в макрорегионе: дис. кандидат наук:00.00.00 — Другие науки. ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова». 2024. 265 с.

2. Иванов Е. Е. Межуровневое информационное взаимодействие в рамках единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. [Электронный ресурс]: Молодой ученый. 2021.— URL: https://moluch.ru/archive/387/85098 (дата обращения 18.10.2025)

3. Магдилова Л. В. Правовой режим государственных информационных систем: Учебное пособие.— Махачкала, 2022.— URL: https://eor.dgu.ru/lectures_f/ПРГИС/p8aa1.html (дата обращения 18.10.2025)

DOI 10.34660/INF.2026.80.39.127

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПО ВОПРОСАМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Туркин Игорь Евгеньевич
магистрант
Тверской государственный университет
Научный руководитель — **Анисимова Софья Викторовна**
кандидат экономических наук, доцент
Тверской государственный университет

Противодействие коррупции в современных условиях приобретает особую актуальность, поскольку ее проявления в системе государственного управления существенно снижают эффективность деятельности публичной власти. При этом, в российском обществе традиционно не в полной мере реализуется потенциал общества, общественных организации, объединений, движений в сфере противодействия коррупции.

Значимость проблемы обусловлена тем, что даже при высоком уровне качества и четкости норм законов о противодействии коррупции в случае, если это в рамках правопонимания в обществе рассматривается, как относительная норма, само явление коррупции устранено не будет. Это обуславливает актуальность исследования деятельность институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции, в первую очередь, общественных организаций, которые более независимы в этом процессе.

Роль общественных организаций, как институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции на современном этапе достаточно велика. Многие общественные организации осуществляют активную деятельность в сфере просвещения населения по вопросам противодействия коррупции, а также Н. Ю. Волосова, О. В. Журкина поднимают такую проблему, как недостаточная защищенность информаторов — представителей общественных организаций, осуществляющих противодействие коррупции, а также недостаточно эффективное реагирование на обращения общественных организаций по вопросам противодействия коррупции. Нередко такие обращения рассматриваются, как и иные виды обращений [2, с. 699].

Б. Н. Головкин, О. В. Новиков отмечают, что сегодня недостаточно урегулированы вопросы нормативного правового регулирования деятельности общественных организаций в сфере противодействия коррупции. При этом, именно нормативные основы противодействия коррупции, совершенство законодательства в данной сфере обуславливают не только рост эффективности осуществления государственного управления, но и уровень доверия власти со стороны общества [3, с. 56].

В. В. Моисеев отмечает, что в соответствии с антикоррупционным законодательством сегодня в России обществу предоставляются достаточно широкие возможности и полномочия для участия в регулировании работы органов государственной власти и противодействии коррупции. Но ввиду того, что сегодня не определены достаточно детально формы и механизмы взаимодействия общества и гражданского общества с государством, то это приводит к возникновению недостатка регламентированных правовых средств борьбы институтов гражданского общества с коррупционными проявлениями [6].

В то же время, подобная свобода антикоррупционной общественной деятельности также может привести и к злоупотреблению институтами гражданского общества своими функциями [6, с. 163].

В связи с этим, на современном этапе одной из проблем является организация системы управления, и в первую очередь, взаимодействия органов публичной власти (в том числе, правоохранительных органов) и общественных организаций по вопросам противодействия коррупции.

В российской практике, согласно исследованиям, сложилось несколько форм такого взаимодействия. В первую очередь, это взаимодействие органов публичной власти и общественных организаций в рамках выработки антикоррупционной политики, общих направлений борьбы с коррупцией [12], также в практике распространено и взаимодействие в рамках общественного контроля. Такое взаимодействие может выражаться в создании государственно-общественных органов управлении (общественные палаты), а также в организации системы общественных контролирующих лиц (например, общественных инспекторов в сфере природопользования), которые обеспечивают контроль эффективности деятельности органов власти.

В меньшей степени урегулировано и с правовой, и с организационной точки зрения, информационное взаимодействие органов публичной власти и общественных организаций. В современной практике государственного управления такое взаимодействие осуществляется через СМИ, которые также могут являться общественными организациями (их структурными подразделениями), а также через представление официальной информации на порталах органов публичной власти [8] либо через систему работы с обращениями граждан [3].

Вместе с тем, существующие формы взаимодействия являются недостаточно эффективными, ввиду того, что не позволяют обеспечить контроль деятельности органов публичной власти, применять превентивные меры борьбы с коррупцией [1].

Таким образом, авторами выявлена проблема формирования условий для диалога и взаимодействия между гражданами, общественными организациями и уполномоченными органами, деятельность которых направлена на противодействие коррупции (правоохранительные органы, специализированные антикоррупционные советы и др.).

Отметим, что сегодня отмечаются отдельные инструменты взаимодействия общественных организации и уполномоченных органов по вопросам противодействия коррупции.

К таким инструментам относятся:

– горячая линия «Нет коррупции!», специализированные разделы на сайтах, посредством которых направляются обращения о выявленных признаках коррупционных нарушений [11];

– обращения граждан — в том числе, специализированные порталы, разделы на порталах органов власти [10];

– различные отчеты о реализации антикоррупционных мероприятий;

– специализированные процедуры — например, конфликтные комиссии, комиссии по урегулированию конфликта интересов.

Отметим, однако, что перечисленные выше способы в недостаточной степени обеспечивают эффективное взаимодействие общественных организаций и уполномоченных органов [9].

Для решения данной проблемы, необходимо сформировать открытый диалог между этими организациями, осуществлять процесс непрерывного взаимодействия в разработке методов решений и реализации этих решений. Для создания эффективного гражданского общества необходимо, чтобы государство в нём видело партнера в антикоррупционной деятельности.

По этой причине так важно взаимодействие государства и общественных организаций. Данное взаимодействие должно осуществляться в следующих формах:

1. Антикоррупционные комиссии, комиссии по вопросам урегулировании конфликта интересов в особых случаях, должны включать и граждан и представителей общественных организации.

2. Необходимо систематическое привлечение граждан, общественных организаций к участию в антикоррупционных слушаниях, комиссиях.

3. Необходимо аньтикоррупционное просвещение, просвещение в сфере антикоррупционного поведения.

Это позволит обеспечить взаимодействие общественных организаций, как представителей гражданского общества и государства.

Как указывают А. В. Пономарёв, Н. С. Накалюжная, необходимо формирование способов и средств просвещения граждан по вопросам противодействий коррупции. Общественные организации должны особое внимание уделять именно антикоррупционному просвещению граждан — формированию у них представлений о способах и мерах противодействия коррупции, возможности личного участия каждого гражданина в сфере противодействия коррупции [7, с. 33].

Необходимо отметить, что в настоящее время государственная власть внедряет достаточно большой спектр механизмов, которые складываются в общую систему антикорупционной политики. Для снижения уровня коррупции план по борьбе с коррупцией должен стать составной частью программы построения эффективного государства. Несомненно, что такая программа должна носить также общенациональный характер. В целом можно сказать, что основным приоритетом комплексного документа — например, Национальной стратегии противодействия коррупции является искоренение причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе, а ключевыми принципами ее реализации — предупреждение и профилактика коррупции, ужесточение уголовного преследования лиц, совершивших коррупционные преступления.

Большое значение сегодня приобретает реализация в управлении, во взаимодействии государства и общества риск-ориентированного подхода в сфере противодействия коррупции [6].

Реализация такого подхода должна предусматривать, что любое обращение гражданина по вопросам признаков коррупции в том или ином государственном органе рассматривается как индикатор коррупционного риска. В свою очередь, формирование и планирование контрольных мероприятий в сфере противодействия коррупции должно быть основано на наличии и числе таких сигналов о признаках коррупции, поступивших от общественных организаций, граждан [4].

Также необходимо возложить на общественные организации и обязанность рассматривать обращения граждан о коррупционных нарушениях в случае, если граждане опасаются обратиться напрямую в органы власти, правоохранительные органы при столкновении с коррупционными правонарушениями. При получении таких обращений необходимо предусмотреть деятельность общественных организаций по рассмотрению таких обращений граждан, реагированию на них, в том числе, по принятию мер — обращение в правоохранительные органы и др.

Общественные организации также могут проводить независимые антикоррупционные экспертизы, оценивать риски коррупционных нарушений в тех или иных органах власти. Борьба с коррупцией как деструктивным общественным явлением, требует проведения постоянного мониторинга

уровня коррупции, а также выявления наиболее рисковых сфер проявления коррупционных преступлений. В частности, в первую очередь, это выявление тех областей в государственном и муниципальном управлении, где риск возникновения коррупции наиболее высок (например, разрешительная надзорная деятельность органов власти), выявление соответствующих проблем деятельности и реализация методов и средств борьбы с коррупцией. Ввиду изложенного, всесторонняя и независимая оценка коррупционных рисков со стороны общественных организаций способствует более эффективному противодействию коррупции.

Таким образом, на современном этапе необходимо формирование новых способов и средств взаимодействия граждан, общественных организаций и уполномоченных органов в сфере противодействия коррупции. К таким способам и средствам, относятся: инструменты антикоррупционного просвещения, создание условий для участия граждан и общественных организаций в проведении предусмотренных законом антикоррупционных мероприятий, развитие риск-ориентированного подхода в сфере противодействия коррупции, при котором обращения граждан по вопросам коррупции будут рассматриваться как индикатор риска и основание для проведения внеплановых антикоррупционных проверок и мероприятий по предупреждению и противодействию коррупции.

Список использованных источников

1. Вахтина М. А. Роль общественного контроля в противодействии коррупции: российский опыт // Хуманитарни Балкански изследвания. 2020. № 3 (9). С. 77–80

2. Волосова Н. Ю., Журкина О. В. К вопросу о программе защиты разоблачителей (информаторов) по делам коррупционной направленности // Всероссийский криминологический журнал.— 2018.— № 5.— С. 699–710

3. Головкин Б. Н., Новиков О. В. Роль институтов гражданского общества в предотвращении коррупции // Norwegian Journal of Development of the International Science.— 2018.— № 17–5.— С. 56–60.

4. Далгатова А. О. Общественный контроль как механизм противодействия коррупции в органах публичной власти // ЮП. 2015. № 5 (72). С. 29–32.

5. Клюковская И. Н., Пинкевич Т. В. Методологические подходы к определению индикаторов эффективности правозащитного и правоприменительного направлений реализации антикоррупционной политики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.— 2018.— № 4 (44).— С. 179–185.

6. Моисеев В. В. Роль институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией // Социально-гуманитарные знания.— 2016.— № 2.— С. 162–169.

7. Пономарёв А. В., Накалюжная Н. С. Роль общественных институтов в формировании нетерпимости коррупции у граждан РФ // StudNet.— 2021.— № 5.— С. 33–34.

8. Попова О. В. Особенности восприятия населением России коррупционных практик // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции.— 2019.— № 1.— С. 389–403.

9. Роганов С. А., Роганова Т. Л. Общественный контроль в сфере противодействия коррупции // Ленинградский юридический журнал.— 2022.— № 1 (67).— С. 92–101.

10. Фан И. Б. Коррупция как проблема политической антропологии // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции.— 2019.— № 1.— С. 349–368

11. Шакирова А. Ю., Абросимова А. В. Эффективность антикоррупционной политики в оценке молодежи Республики Татарстан // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции.— 2019.— № 1.— С. 544–562.

12. Шаламова А. Н., Нарышкин П. А. Роль общественного контроля и его институтов в механизме противодействия коррупции // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России.— 2018 — № 4 (87).— С. 39–45.

DOI 10.34660/INF.2026.80.49.038

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ

Туркин Игорь Евгеньевич
магистрант
Тверской государственный университет

Гражданское общество представляет собой совокупность общественных институтов (различные движения, группы, некоммерческие организации, религиозные и национальные объединения) созданных для осуществления общественного контроля, отстаивание интересов отдельных групп людей. В силу того, что человек остро нуждается в существовании внутри социума и не может существовать без него, потребность в общественных объединениях существует с глубокой древности.

Общественные организации как институты гражданского общества на современном этапе оказывают значительное влияние на все сферы жизни общества. И одна их таких сфер — противодействие коррупции, поддержание законности и правопорядка в государственном управлении. Коррупция представляет собой в общем виде использование должностными лицами государства своего статуса и служебного положения с целью обогащения. Коррупционные проявления могут иметь форму вымогательства денег, отсутствия противодействия со стороны должностного лица попытке его подкупа, предпочтение той или иной корпорации при осуществлении государственных закупок за вознаграждение и т. д. В настоящее время государственная власть внедряет достаточно большой спектр механизмов, которые складываются в общую систему антикоррупционной политики. Вместе с тем, как указывают многие исследователи, сегодня недостаточно используется потенциал общественных организаций в сфере борьбы с коррупцией [1; 6; 11].

М. А. Вахтина отмечает, что на современном этапе в России недооценена роль общественных организаций в сфере противодействия коррупции. Кроме того, многие общественные организации недостаточно взаимодействуют друг с другом, что затрудняет эффективность их работы в сфере противодействия коррупции [1, с. 77]. С этим, в целом, можно согласиться. Так, например, сегодня необходимо более активное участие СМИ во взаимодействии с общественными организациями по вопросам противодействия коррупции. Вместе

с тем, СМИ является достаточно эффективным институтом в сфере противодействия коррупции, за счет того, что позволяет освещать коррупционные правонарушения.

Для активного противодействия коррупции со стороны общественных организаций необходима инициатива государства. Например, достаточно важным институтом гражданского общества, направленного непосредственно на противодействие коррупции является Общероссийский народный фронт (ОНФ), представляющий собой общероссийское народное движение, которое находится под патронажем Президента РФ.

Движение ОНФ создано с целью непосредственно осуществления общественного контроля за работой органов государственной власти на различных уровнях, в первую очередь — на местах.

Актуальным сегодня является и такой институт гражданского общества как Открытое правительство, которое формирует новые основы взаимодействия граждан и органов власти. На сегодняшний день в рамках деятельности Открытого правительства многое сделано, заложены основы новой культуры взаимоотношений власти и граждан, в том числе и в части противодействия коррупции.

Таким образом, в рамках анализа особенностей взаимодействия общественных организаций как институтов гражданского общества и государства, можно выделить несколько основных проблем взаимодействия:

1. Ведущая роль в организации взаимодействия государства и гражданского общества у государства [1].

2. Формирование «прогосударственных» институтов гражданского общества, например, общественных палат в регионах, которые, де-юре, предполагают выборность участников (50%), но де-факто являются государственными, а необщественными объединениями [4].

3. Необходимость с одной стороны — предоставить свободу институтам гражданского общества, но с другой — контролировать их с целью недопущения злоупотребления.

При этом даже такие институты гражданского общества, как благотворительные общественные организации часто не получают необходимой помощи и поддержки от государства [10].

Б. Н. Головкин, О. В. Новиков отмечают особую роль общественных организаций в сфере просвещения граждан по вопросам противодействия коррупции, применения различных способов такого взаимодействия [2, с. 56].

А. В. Пономарёв, Н. С. Накалюжная отмечают, что со стороны общественных организаций необходимо проведение активной работы с органами власти (в формате общественного контроля в государственном управлении), и с гражданами (в формате рассмотрения обращений по вопросам коррупции, защиты прав граждан при выявлении коррупционных правонарушений) [6, с. 34].

А. В. Скоробогатов указывает на то, что сегодня общественным организациям сегодня не предоставлены необходимые полномочия по противодействию коррупции, что существенно осложняет процесс предупреждения коррупционных правонарушений [7, с. 304].

Сегодня недостаточно урегулирована роль общественных организаций в процессе оценке коррупционных рисков.

Оценка коррупционных рисков производится по двум направлениям:

1. Антикоррупционная оценка (экспертиза) нормативных актов.

2. Выявление коррупционных рисков на государственной (или муниципальной) службе, осуществление общественного контроля деятельности государственных и муниципальных служащих [3].

Общественные организации могут являться субъектами, которые осуществляют контроль взаимодействия бизнеса и органов власти. В частности, общественные организации могут осуществлять выявление возможных представителей бизнеса, которые являются связанными с органами власти коррупционными связями, осуществляют коммерческий подкуп, иные правонарушения [5].

Общественные организации имеют возможность осуществлять мониторинг осуществления государственных закупок, а также реализации концессионных соглашений, поскольку сведений о них размещаются в публичном доступе. Подобная деятельность позволила бы снизить уровень нарушений законодательства в сфере закупок [8]. На современном этапе многие СМИ периодически публикуют факты нарушений законодательства в сфере закупок, однако такой мониторинг не носит систематического характера.

Также большое значение общественные организации могут иметь в рамках контроля проектов государственно-частного партнерства, которые реализуются достаточно длительное время, в социально-значимых областях — например, в сфере жилищно-коммунального хозяйства, развития социальной инфраструктуры [9]. Реализация проектов государственно-частного партнерства предусматривает создание или реконструкцию (ремонт) социально-значимых объектов за счет бюджетных средств и средств частного бизнеса. В этом процессе контроль расходования бюджетных средств имеет важное значение, и на современном этапе уже имеются прецеденты его ненадлежащего осуществления уполномоченными органами. В связи с этим, большое значение имеет деятельность общественных организаций, которые могут выступать в качестве субъектов, осуществляющих контроль организации и реализации проектов государственно-частного партнерства. В частности, общественные организации могут, к примеру, реализовывать общественную экспертизу таких проектов, реализовывать их мониторинг, публиковать его результаты. Это позволит выявляться возможные нарушения законодательства при реализации проектов государственно-частного партнерства. В перспективе это позволит

предотвратить возможные ситуации остановки проектов государственно-частного партнерства, потери денежных средств. Кроме того, уже на начальном этапе общественные организации могут участвовать в выборе приоритетных объектов для реализации проектов государственно-частного партнерства, что позволит исключить коррупционную составляющую при выборе объектов строительства, реконструкции, финансируемых при помощи инструментов государственно-частного партнерства.

Из опыта зарубежных стран с низким уровнем коррупции можно отметить ряд общих методов борьбы с коррупцией. Это, во-первых, сформулированная на государственном уровне антикоррупционная стратегия [10]. Во-вторых, это комплексное решение проблемы, включение в борьбу с коррупцией таких социальных институтов, как гражданское общество, государственная и муниципальная служба, общественные организации, политические партии, правоохранительные органы [11]. И, в-третьих, современные информационные технологии, которые позволяют сделать работу органов власти на местном уровне более прозрачной, что обеспечивает мониторинг уязвимых мест и реализацию необходимых мер по борьбе с коррупцией [4].

На общественные организации необходимо возложить обязанность по предоставлению заключений на проекты нормативных актов.

Решение данной проблемы, возможности усиления роли общественных организаций в сфере противодействия коррупции лежит через реализацию таких мер, как:

– придание особого статуса обращениям общественных организаций, направляемых по вопросам выявления коррупционных правонарушений в органы власти, правоохранительные органы — в настоящее время такие обращения рассматриваются в общем порядке;

– предоставление права общественным организациям участвовать в антикоррупционной экспертизе принимаемых нормативных актов, создание условие для такого участия;

– предоставление права общественным организациям участвовать в заседании различных антикоррупционных комиссий, комиссий по урегулированию конфликтов интересов в государственном управлении.

Таким образом, на современном этапе роль общественных организаций в сфере противодействия коррупции состоит в следующем: реализация общественного контроля, участие в антикоррупционных мероприятиях и экспертизах законодательных актов, участие в деятельности комиссии по урегулированию конфликтов интересов на государственной службе (при возникновении особо резонансных случаев), просвещение граждан по вопросам противодействия коррупции, защита прав граждан при выявлении коррупционных правонарушений. Реализация в полном объеме этих функций лежит через развитие

более эффективных инструментов взаимодействия между общественными организациями, иными институтами гражданского общества (например, СМИ) и государственными органами, которые уполномочены на противодействие коррупции.

Список использованных источников

1. Вахтина М. А. Роль общественного контроля в противодействии коррупции: российский опыт // Хуманитарни Балкански изследвания. 2020. № 3 (9). С. 77–80.

2. Головкин Б. Н., Новиков О. В. Роль институтов гражданского общества в предотвращении коррупции // Norwegian Journal of Development of the International Science.— 2018.— № 17–5.— С. 56–60

3. Дорофеева Ж. П., Дудаев А. Б. Конституционно-правовая сущность взаимодействия общественных объединений с правоохранительными органами в сфере противодействия коррупции // Вестник БелЮИ МВД России.— 2018.— № 1.— С. 53–58.

4. Ильичев И. Е. МВД России в системе противодействия коррупции // ППД.— 2019.— № 1.— С. 28–42.

5. Ишеков К. А., Черкасов К. В., Малеванова Ю. В. Противодействие коррупции в механизме федерального государственного управления: центральный и межрегиональный уровни // Всероссийский криминологический журнал.— 2019.— № 3.— С. 426–437

6. Пономарёв А. В., Накалюжная Н. С. Роль общественных институтов в формировании нетерпимости коррупции у граждан РФ // StudNet.— 2021.— № 5.— С. 33–34.

7. Скоробогатова А. В. Роль общественных объединений в борьбе с коррупцией // Вестник РУДН. Серия: Политология.— 2017.— № 3.— С. 303–308.

8. Роганов С. А., Роганова Т. Л. Общественный контроль в сфере противодействия коррупции // Ленинградский юридический журнал.— 2022.— № 1 (67).— С. 92–101.

9. Фан И. Б. Коррупция как проблема политической антропологии // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции.— 2019.— № 1.— С. 349–368

10. Шакирова А. Ю., Абросимова А. В. Эффективность антикоррупционной политики в оценке молодежи Республики Татарстан // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции.— 2019.— № 1.— С. 544–562.

11. Шаламова А. Н., Нарышкин П. А. Роль общественного контроля и его институтов в механизме противодействия коррупции // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России.— 2018 — № 4↓(87).— С. 39–45.

DOI 10.34660/INF.2026.81.17.023

КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Лисицына Юлия Александровна
аспирант
Московский гуманитарный университет, г. Москва, Россия

Аннотация. *В статье исследуются ключевые факторы, определяющие финансовое благополучие населения: образование, финансовая грамотность и наследственный статус. На основе эмпирических данных (включая статистику отдельных стран и данных научных исследований) анализируется их влияние на уровень доходов, сбережений и общего благосостояния граждан. В рамках проведенного исследования было установлено, что низкое неравенство само по себе не гарантирует экономического роста, поскольку для формирования сбалансированного общества необходимы работающие социальные лифты, инвестиции в человеческий капитал и инклюзивные институты.*

Ключевые слова: *качество и уровень жизни, региональная экономика, финансовое благополучие, образование, финансовая грамотность, наследство, социальное неравенство.*

Проблема дифференциации доходов сохраняет высокую актуальность для большинства развитых и развивающихся государств. По данным Всемирного банка, около 831 млн человек находятся в состоянии крайней бедности, существуя менее чем на 3 доллара в день [5].

На сегодняшний день трудовая занятость сама по себе не является достаточным критерием финансового успеха. При сопоставимых затратах рабочего времени величина дохода может существенно варьироваться, поскольку уровень социального неравенства зависит не только от индивидуальных личностных особенностей каждого гражданина (целеустремленность, мотивация, бизнес-чутье, удачные обстоятельства), но также и от институциональной архитектуры общества и макроэкономических механизмов распределения ресурсов.

Образование — первый и наиболее важный фактор финансового и карьерного успеха, который работает в пользу богатства и уменьшает риски

бедности. Согласно теории человеческого капитала, каждый дополнительный год обучения может коррелировать с увеличением будущего дохода на 10–15 % в течение жизни [1, с. 428]. В рамках данной теории образование рассматривается как инвестиция в человеческий капитал. При этом, чем выше инвестиции (уровень образования, квалификация, годы обучения, наличие диплома с отличием, опыта работ и т. п.), тем выше человеческий капитал, производительность и, соответственно, доходы.

Тем не менее, несмотря на общую ценность образования, наблюдается девальвация формальных квалификаций: по мере популяризации и массовизации высшего образования его селективная ценность снижается, а наличие диплома не дает существенных преимуществ. Так, например, в ряде стран фиксируется устойчивое падение уровня занятости среди бакалавров на протяжении последних 25 лет (рисунок 1).

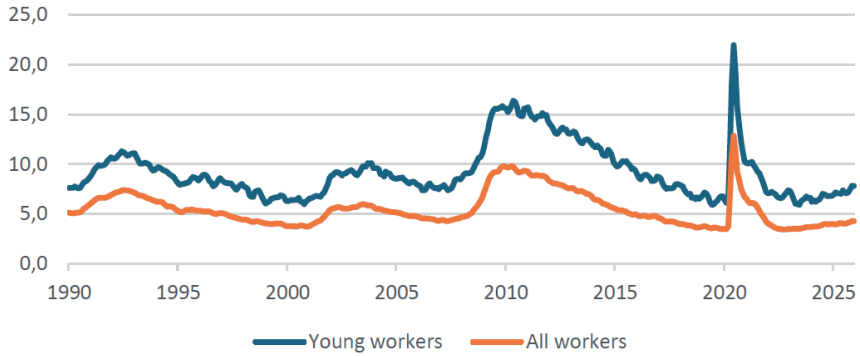

Рисунок 1 — Уровень безработицы среди недавних выпускников США в 1990–2025 гг. [7]

Приведенные данные Федерального резервного банка Нью-Йорка наглядно демонстрируют, что безработица среди молодых специалистов (около 6–8 %) намного выше, чем средние показатели по рынку США (3–5 %). В кризисные годы (2008–2009, 2020) безработица среди недавних выпускников ВУЗов достигает своего пика (до 22 % в июне 2020 против 12,8 % в среднем по всем работникам). Таким образом, чем младше выпускник, тем ценность его диплома ниже.

Вторым, немало важным фактором, социального неравенства является **финансовая грамотность населения**. В таблице 1 приведены результаты недавних исследований на эту тему ученых из Нидерландов, Кэйтена Де Беккера, Барта Фрийнса, Фрэнка Хуберса и Сьюуля Деркса.

Таблица 1 — Разрыв в доходах и сбережениях по уровню финансовой грамотности [3]

Категория	Низкий уровень финансовой грамотности (0–2)	Высокая финансовая грамотность (3–4)	Разница (высокая — низкая)
Доход, 2019	30 456	43 355	12 900
Экономия, 2019	35 693	56 585	20 892

Результаты исследования демонстрируют положительную корреляцию: у финансово-грамотных индивидов доход в среднем на 42 % выше, а объем накоплений — на 58 % больше.

Однако данная взаимосвязь зачастую отсутствует в ряде стран (включая Россию), поскольку влияние финансовой грамотности нивелируется структурными факторами, в первую очередь — региональной принадлежностью.

На рисунке 2 приведены результаты опроса Института фонда «Общественное мнение» (инФОМ) по заказу Банка России за 2017–2024 гг. Опрос включал около 3000 респондентов от 18 лет и 1 000 молодых людей от 14 до 22 лет. Выборка была направлена на 207 городов и сел большинства субъектов РФ.

Для оценки уровня финансовый грамотности использовался российский индекс финансовой грамотности (РИФГ) — показатель, отражающий знания, установки и элементы финансово грамотного поведения граждан. Он агрегирует оценки по трём ключевым индикаторам: «Финансовые знания» (понимание базовых экономических концепций и категорий), «Финансовое поведение» (рациональность выбора и способность к планированию бюджета) и «Финансовые установки» (степень осознания обстоятельств).

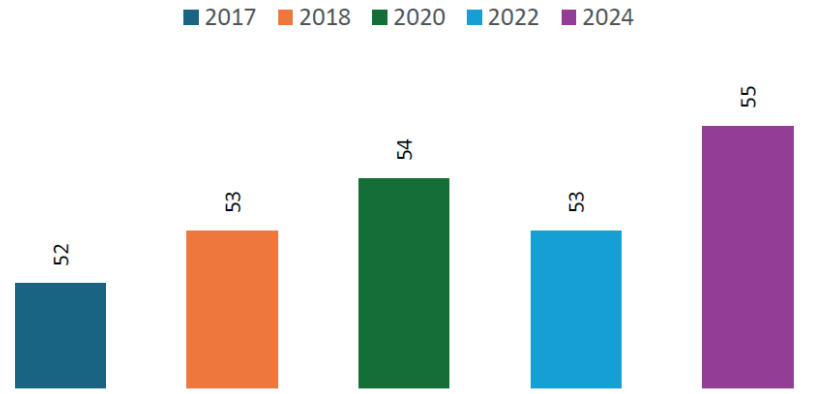

Рисунок 2 — Уровень финансовой грамотности (в баллах) за 2017–2024 гг. [4]

В 2024 году увеличился российский индекс финансовой грамотности (РИФГ). Его значение составило 55 баллов из 100 возможных. Рост показателя обусловлен увеличением значений субиндексов, отражающих знания, установки и элементы финансово грамотного поведения россиян.

Однако уровень финансовой грамотности в российском обществе неоднороден и различается в зависимости от возраста, уровня образования и доходов и даже типа поселения. Так, выше РИФГ среди молодых людей в возрасте до 30 лет (61 балл), образованных (61 балл в группе с высшим образованием), более обеспеченных (64 балла среди людей с доходом от 70 тыс. рублей в месяц), жителей Москвы, мегаполисов и крупных городов (57–58 баллов). Ниже всего этот показатель у возрастных респондентов (49 баллов в группе старше 60 лет), малообразованных (50 баллов) и малообеспеченных (в группе с доходом до 15 тыс. рублей — 49 баллов). Люди старше 60 лет в целом хуже разбираются в финансовых вопросах, реже пользуются финансовыми услугами, ставят перед собой какие-либо цели и задумываются по поводу планирования бюджета [4].

Помимо общероссийских проектов, также проводятся локальные исследования уровня финансовой грамотности. Например, в работе коллектива авторов НИУ ВШЭ, О. И. Кузиной и А. Я. Абдураманова, был проведен расчет индекса финансовой автономии (в баллах). При этом, авторы определяют финансовую автономию как финансовую независимость, а как некоторый набор знаний, ценностей, норм, навыков и ответственного поведения в сфере управления личными финансами, формирование которых в детском и юношеском возрасте будет способствовать финансово грамотному поведению в будущей взрослой жизни [2, с. 75].

Выборка составила 2 062 человека, она репрезентирует российских подростков 15–19 лет, проживающих на территории РФ в городах с населением 100 тыс. человек и более, обучаются в школе, ссузе или вузе, имеют доступ к сети Интернет [2, с. 78].

На рисунках 3–5 представлены результаты исследования уровня финансовой автономии в разрезе возрастных групп, наличия детей и федеральных округов Российской Федерации.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что возраст положительно связан с финансовой автономией в модели, что объясняется тем, что в России подростки с 14 лет получают право работать с согласия родителей, а уже с 16 лет им доступны почти все виды работ с определенными исключениями (ограниченность рабочих часов, опасные условия труда и прочее — в соответствии со ст. 63 ТК РФ8).

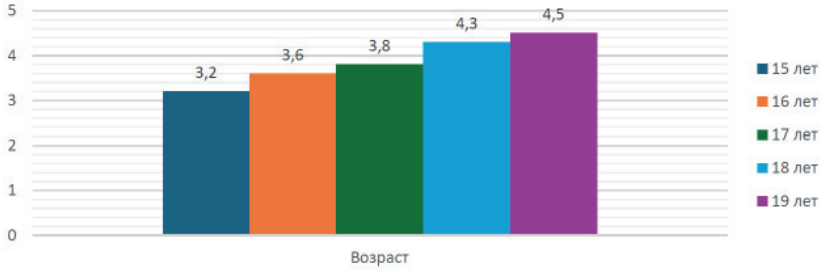

Рисунок 3 — Уровень финансовой автономии (в баллах) в разрезе возрастных групп [2, с. 86]

Рисунок 4 — Уровень финансовой автономии (в баллах) в разрезе информации о наличии детей [2, с. 86]

Так, наивысший уровень финансовой автономии наблюдается в семьях с большим количеством детей. Данная тенденция может быть обусловлена следующими факторами:

1. Необходимостью эффективного распределения ограниченных ресурсов;
2. Высокой иждивенческой нагрузкой, которая стимулирует многодетные семьи к поиску дополнительных источников дохода и минимизации внешних заимствований;
3. Мерами государственной поддержки многодетных семей.

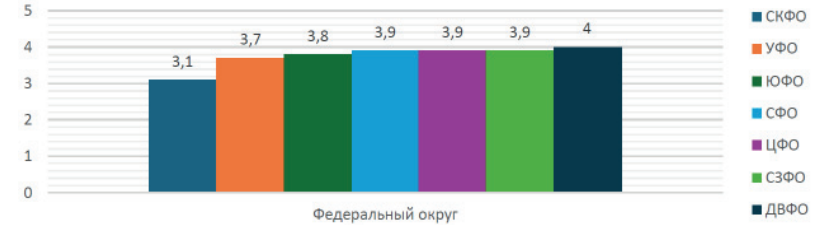

Рисунок 5 — Уровень финансовой автономии (в баллах) в разрезе информации о Федеральных округах [2, с. 86]

Исходя из приведенных данных, можно сделать вывод о том, что уровень финансовой автономии также варьируется в зависимости от региона (более низкий в Северо-Кавказском Федеральном круге и более высокий в Дальневосточном Федеральном круге).

Третьим индикатором финансового благополучия также является **наследственный статус**. Для социально-экономического статуса характерна высокая степень устойчивости: вероятность сохранения за индивидом крайних позиций в распределении (как в нижней, так и в верхней его части) существенно превышает случайный уровень. Так, около трети миллиардеров всего мира унаследовали свое состояние.

Для оценки этого критерия зачастую используется «Индекс Серебряной Ложки» (Silver Spoon Index), который предполагает 10-балльную шкалу, где 1 — полное наследование богатства без трудовой активности, 10 — достижение успеха без унаследованных ресурсов. Оценка 8 (верхний сегмент среднего класса) также предполагает наличие элитного образования, семейных связей и финансовой поддержки, хотя и без прямого наследования бизнеса.

По данным Forbes среди 400 богатейших людей мира в 2024 году высокие показатели (6–10 баллов) имеют около 67%. При этом, лишь четверть из них имеют максимально возможные оценки в 9–10 баллов [6].

В связи с этим, неравенство возможностей и ограниченность доступа к социальным лифтам также является важным критерием благополучия страны.

Таким образом, для улучшения финансового благосостояния необходима качественно построенная система образования, а также развитие социальных связей и инклюзивных государственных институтов, способных сглаживать существующие «пробелы» рынка.

Список литературы

1. Абасова, Х. У. Взаимосвязь потребления, сбережений и инвестиций в концепции уровня жизни / Х. У. Абасова // Региональные проблемы преобразования экономики.— 2025.— № 11(181).— С. 423–431.

2. Кузина, О.Е., Абдураманов, А. Я. Финансовая грамотность, финансовая культура и финансовая автономия молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 6. С. 71–97.

3. De Beckker K., Frijns B., Hubers F., Derkx S. The long-term impact of financial literacy on wealth: Evidence from longitudinal data // Economics Letters.— 2025.— Vol. 257.— Art. 112682. DOI: https://doi.org/10.1016/j.econlet.2025.112682.

4. Исследование уровня финансовой грамотности: пятый этап// Банк России.— URL: https://cbr.ru/analytics/szpp/fin_literacy/research/fin_ed_5/ (дата обращения: 15.03.2026).

5. Investing in Poverty Reduction // World Bank Group.— URL: https://www.worldbank.org/ext/en/topic/poverty (дата обращения: 15.03.2026).

6. The 2024 Forbes 400 Self-Made Billionaire Score: From Bootstrappers To Silver Spooner // Forbes.— URL: https://www.forbes.com/sites/gigizamora/2024/10/01/the-2024-forbes-400-self-made-billionaire-score-from-bootstrappers-to-silver-spooners/ (дата обращения: 15.03.2026).

7. The Labor Market for Recent College Graduates // Federal Reserve Bank of New York.— URL: newyorkfed.org (дата обращения: 15.03.2026).

DOI 10.34660/INF.2026.81.24.208

ВЗАИМОСВЯЗЬ КАЗНАЧЕЙСКОГО КОНТРОЛЯ И КАЧЕСТВА ФИНАНСОВОГО МЕНЕДЖМЕНТА ГЛАВНЫХ РАСПОРЯДИТЕЛЕЙ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ

Пряжников Дмитрий Сергеевич
магистрант
Научный руководитель — **Пилипчук Надежда Валерьевна**
кандидат экономических наук, доцент
Тверской государственный университет

Стратегические цели развития России требуют перевода бюджетных реформ, вызванных управлением общественными финансами, на качественно иной уровень. К наиболее насущным вопросам, решение которых требуется незамедлительно, относят следующие: отсутствие целостной системы комплексного мониторинга показателей государственных финансов, неэффективный учетный механизм в отношении в части расходных обязательств за пределами обычного трехлетнего периода бюджетного планирования, недостаточная полнота и актуальность данных учета федерального имущества, разрозненность информационных систем, используемых для целей регионального (муниципального) управления, формирование полных баз данных подтвержденных получателей мер господдержки и пр. Для решения этих вопросов этому будет способствовать казначейский контроль и финансовый менеджмент главных распорядителей бюджетных средств (ГРБС). Для начала необходимо определиться с понятиями.

В Бюджетном кодексе РФ (ст. 165) [1] определены бюджетные полномочия Минфина России, согласно которым оно выполняет контрольные функции, в его контрольный орган — Федеральное казначейство. Согласно Постановлению Правительства РФ от 01.12.2004 № 703 (в ред. от 16.10.2025) «О Федеральном казначействе» [2], на Казначейство России возложены функции контроля, в связи с чем возникает понятие казначейского контроля. Казначейский контроль представляет собой контроль за исполнением бюджета и государственными финансами, который осуществляют на всех стадиях финансовой деятельности: в процессе формирования, распределения, перераспределения и использования фондов денежных средств [4, с. 55].

Важнейшие аспекты казначейского контроля:

– контроль за лимитами бюджетных обязательств. Казначейство проверяет, не превышают ли лимиты бюджетных обязательств, распределённые главными распорядителями средств федерального бюджета между получателями этих средств, утверждённые лимиты;

– контроль за кассовыми расходами. Казначейство следит за тем, чтобы расходы не превышали доведённые до получателей лимиты бюджетных обязательств и бюджетные ассигнования;

– контроль за соответствием операций коду бюджетной классификации РФ. Казначейство проверяет, соответствует ли содержание проводимой операции коду бюджетной классификации РФ, который указан в платёжном документе, представляемом получателем средств федерального бюджета в казначейство;

– контроль за наличием у получателя средств документов, которыми подтверждается возникновение у него денежных обязательств.

Финансовый менеджмент ГРБС представляет собой периодический формализованный процесс, которым обеспечивается комплексная оценка и анализ процессов и процедур формирования, распределения и использования бюджетных средств, иного рода финансовых и нефинансовых ресурсов. Мониторинг качества финансового менеджмента проводится согласно Приказу Минфина России от 03.10.2024 № 437 «Об утверждении методических указаний по проведению мониторинга качества финансового менеджмента» [3].

Цель оценки качества финансового менеджмента ГРБС — определение степени соответствия системы финансового менеджмента современным требованиям к управлению общественными финансами и тенденциями его развития.

Задача оценки качества финансового менеджмента ГРБС -отслеживание негативных изменений, которые возникают при управлении средствами бюджета и иного рода ресурсами, для дальнейшего принятия своевременных мер, которые направлены на их минимизацию [5, с. 386].

Казначейский контроль и качество финансового менеджмента ГРБС взаимосвязаны, потому что оба направления связаны с управлением государственными финансами.

Казначейский контроль направлен на проверку соблюдения финансового законодательства и целесообразности финансовой деятельности всех государственных и муниципальных органов власти, учреждений и организаций.

Финансовый менеджмент представляет собой систему руководства финансами государственной организации, которая обеспечивает способы оптимального характера использования ограниченных объёмов бюджетных ресурсов для эффективного и результативного достижения целей, которые стоят перед организацией — ГРБС. Исходный пункт качества финансового менеджмента

в секторе госуправления — сопоставление расходов с результатами и определение сложившихся между ними соотношений.

Таким образом, казначейский контроль обеспечивает контроль за использованием бюджетных средств, а финансовый менеджмент — качественное управление финансами ГРБС, включая распределение средств и достижение поставленных целей.

Список использованных источников

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения 16.11.2025).

2. Постановление Правительства РФ от 01.12.2004 № 703 (в ред. от 16.10.2025) «О Федеральном казначействе» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50565/db291c5e47ac2c8c220c6f7b0707974f32dcb201/ (дата обращения 16.11.2025).

3. Приказ Минфина России от 03.10.2024 № 437 «Об утверждении методических указаний по проведению мониторинга качества финансового менеджмента» [Электронный ресурс]: Минфин России. — URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=308827-prikaz_minfina_rossii_ot_03.10.2024__437_ob_utverzhdenii_metodicheskikh_ukazanii_po_provedeniyu_monitoringa_kachestva_finansovogo_menedzhmenta (дата обращения 16.11.2025).

4. Мартьянова В. А., Максимов А. В., Поникар С. В. Под контролем казначейства // Журнал Бюджет. — 2024. — № 12. — С. 55–57.

5. Янькова Е. И. К вопросу оценки эффективности финансового менеджмента главных распорядителей бюджетных средств // Актуальные вопросы техники, науки, технологии: сборник научных трудов национальной конференции. — Брянск: БГИТУ, 2025. — С. 385–390.

DOI 10.34660/INF.2026.82.27.137

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОНТРОЛЯ ЗА ЦЕЛЕВЫМ И ЭФФЕКТИВНЫМ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СУБСИДИЙ ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦАМ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Пряжников Дмитрий Сергеевич
магистрант
Научный руководитель — **Пилипчук Надежда Валерьевна**
кандидат экономических наук, доцент
Тверской государственный университет

Государственные субсидии юридическим лицам все более активным образом применяют с целью поддержки их для формирования технологического суверенитета государства. У данного финансового инструмента имеются неоспоримые преимущества перед налоговыми льготами, потому что:

– субсидии — инструмент воздействия прямого характера на поведение юридического лица, обязывая его совершить определенного рода действия, которые определены в соглашении с главным распорядителем бюджетных средств или финансовым институтом, в том числе за счет средств субсидий и за счет собственных средств юридического лица;

– софинансирование в качестве ключевой характеристики субсидии делает последнюю мощным инструментом для достижения намеченных целей [4, с. 293].

Процедуры по выделению и расходованию средств субсидий нормативным образом определены Бюджетным кодексом РФ (БК РФ) и соответствующими нормативно-правовыми актами. Согласно ст. 78 БК РФ, установлено, что субсидии юридическим лицам — получателям целевых средств направляются на безвозмездной и безвозвратной основе для возмещения недополученных доходов, а также для финансового обеспечения или возмещения затрат, связанных с производством товаров, выполнением работ и оказанием услуг [1].

С целью обеспечения контроля целевого и эффективного использования средств субсидии, выделенных юридическим лицам — получателям целевых средств в последующие годы широко применяется механизм казначейского сопровождения, в российской практике полномасштабным образом применяют механизм казначейского сопровождения целевых средств. Основной характеристикой данного института контроля выступают разносторонние

проверочные мероприятия со стороны органов Федерального казначейства, которые направлены на движение средств субсидии на различных этапах проведения расходов по ним.

Условия казначейского сопровождения целевых средств, предоставленных из бюджетов субъектов РФ, устанавливаются в их законах о бюджете, к примеру закон Тверской области от 25.12.2024 № 64-ЗО «Об областном бюджете Тверской области на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов».

Таким образом, именно казначейский контроль за целевым и эффективным использованием субсидий юридическим лицам на региональном уровне продолжает совершенствоваться в рамках проводимой политики цифровизации государственного управления, что в целом делает любую систему проверки более совершенной.

Для того чтобы улучшить казначейское исполнение в регионе в рамках цифровизации можно предложить:

– перевод в электронный формат все носители финансовых информационных сведений целевого и эффективного использования субсидий юридическим лицам;

– организовать условия для того, что вести учет в электронной форме для всех участников процесса субсидирования с применением портальных решений, реестров и классификаторов единого характера;

– провести увязку информационных сведений по поводу финансовых ресурсов и целей на всех этапах субсидий — от момента подачи заявок на предоставлении субсидии из регионального бюджета до момента представления отчета о ее целевом и эффективном использовании [3, с. 58];

– обеспечить рост уровня доступности информационных сведений по поводу финансовой деятельности и финансового положения юридических лиц, получающих субсидию;

– выполнить мониторинг достижений итогов реализации программ субсидирования и результатов, которые характеризуют их объемы и качественный уровень;

– обеспечить интеграцию всевозможных процессов по приему заявок и предоставлению субсидий юридическим лицам, ведению учета, а вместе с тем по подготовке финансовой и иного рода регламентированной отчетности по целевому и эффективному использованию субсидий юридическим лицам на региональном уровне.

Следствием всего изложенного выше будет то, что контролирующим органом казначейского исполнения в регионе для улучшения и эффективного развития всей системы по мониторингу и контролю субсидий юридическим лицам может проводиться исследование бизнес-процессов подконтрольных объектов в системах информационного характера, которыми автоматизируется

вся их финансово-хозяйственная деятельность [2, с. 11], также будет доступ к информационным системам, которые автоматизируют иного рода аспекты их функционирования.

Таким образом, возможные совершенствования казначейского контроля целевого и эффективного использования субсидий юридическим лицам на региональном уровне в условиях цифровизации будут способствовать повышению его эффективности.

Список использованных источников

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения 16.11.2025).

2. Закон Тверской области от 25.12.2024 № 64-ЗО «Об областном бюджете Тверской области на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».— URL: h https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW436&n =125824#VlLAi2Vez84Rnv0r (дата обращения 16.11.2025).

3. Арасланова Д. В., Земцова Н. В. Особенности казначейского контроля в условиях цифровизации экономики // Ногаевские чтения: материалы конференции.— Казань: РИЦ «Школа», 2024.— С. 57–60.

4. Балтина А. М. Развитие механизма предоставления субсидий юридическим лицам // Тенденции и перспективы развития финансов в условиях цифровизации: материлы II Междун. науч.-практ. конференции.— Донецк: ФГБОУ ВО «ДНУЭиТ им. М. Туган-Барановского», 2025.— С. 293–296.

DOI 10.34660/INF.2026.82.28.198

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫМИ ФИНАНСАМИ: РОССИЙСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Пряжников Дмитрий Сергеевич
магистрант
Научный руководитель — **Пилипчук Надежда Валерьевна**
кандидат экономических наук, доцент
Тверской государственный университет

Регионы России предпринимают усилия для повышения эффективности расходов и доходов бюджета путём использования новых инструментов, однако, часто это приводит к усложнению бюджетных процессов, что в итоге снижает уровень информационной открытости и прозрачности доходов и расходов. Применение эффективной методики оценки эффективности управления региональными финансами позволяет ее улучшить.

Оценка эффективности управления региональными финансами методически проводится посредством анализа таких видов эффективности, как: экономическая, социальная и социально-экономическая [4].

Характеризуя экономическую эффективность, стоит отметить, что она является классической экономической категорией, что предоставляет возможность оценки результатов в сопоставлении с затратами на них, что для бюджетного сектора означает соотношение размера предоставляемых услуг государством заданного уровня качества и осуществлённых затрат на их предоставление.

Все расходы, производимые бюджетами российских субъектов, должны быть обязательно социально ориентированными. О степени эффективности деятельности региональных властей можно делать вывод как раз по уровню доступности социальных услуг и степени удовлетворённости их качественным уровнем. Оценка социальной эффективности управления региональными финансами предоставляет возможность определить, с одной стороны, уровень достижения общественно значимых результатов от величины предоставляемых государством услуг, а с иной стороны — степень его зависимости от качественного уровня таких услуг [5].

Суммарный эффект предоставляет возможность провести диагностику социально-экономической эффективности, которая с позиции социального эффекта демонстрирует соотношение размера достигнутого в итоге реализации

государственного проекта либо программы общественно значимого результата и размера затрат, а с позиции экономического эффекта происходит оценка степени результативности как соотношения достигнутых по факту результатов с теми, которые были запланированы. При этом наибольшее значение в проведении оценки социально-экономического эффекта управления региональными финансами имеют решения экономичного характера, которые обеспечивают более высокий уровень экономической эффективности, которая вместе с тем влечет за собой более высокий уровень социальной эффективности, это показано на рис. 1.

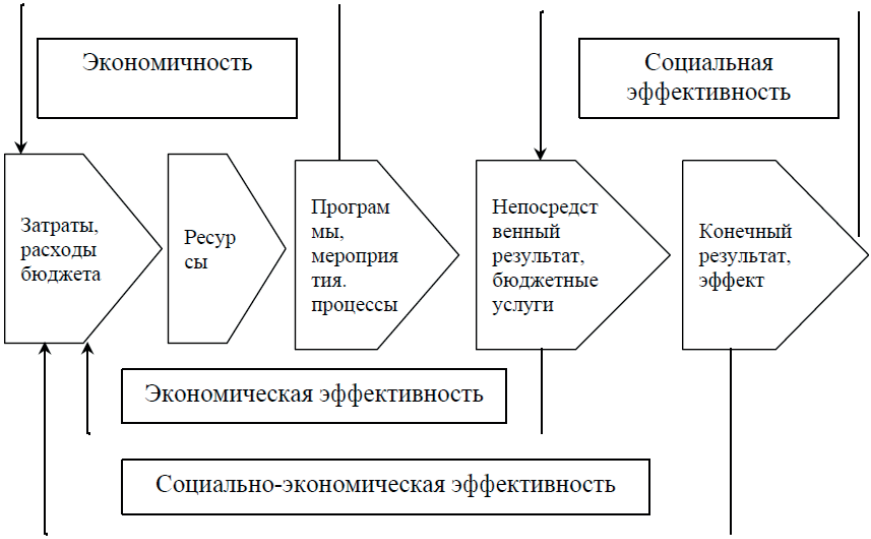

Рис. 1. Взаимосвязь видов эффективности управления региональными финансами [5]

Согласно мнению Р. С. Афанасьеву и некоторых иных учёных, в процессе формирования в России программного бюджета на региональном уровне оценка эффективности управления региональными финансами должна быть выполнена отдельно по каждой государственной программе, национальному проекту либо отдельному виду расходов регионального бюджета [2]. Как раз этот методический подход реализовали в Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 гг. по определению критериев и методики оценки эффективности управления региональными финансами с учётом особенностей конкретных типов бюджетных расходов [1].

Но при этом в российской практике возникла сложность реализации таких критериев, которая обусловлена неточностью трактовки понятия «результативности управления региональными финансами», а это дает определенные отклонения в итогах выполняемых контрольных мероприятий при проведении оценке эффективности управления региональными финансами.

Если рассматривать зарубежный опыт оценки эффективности управления региональными финансами, то можно начать с опыта США, где присутствует опыт проведения комплексных оценок эффективности управления финансами на уровне штатов. К примеру, в рамках Проекта эффективности деятельности правительства в США администрациям штатов, графств на базе обследований, исследования документов и разных интервью присваивают рейтинги эффективности государственного управления в области региональных финансов в том числе, которое ориентировано на результаты [3]. Методология оценки в США предоставила возможность определить наиболее «узкие места» в деятельности так называемых субнациональных администраций и выработать мероприятия по улучшению определённого рода аспектов их функционирования.

Во Франции функции государственного аудита расширяют в сторону проведения оценки уровня эффективности использования средств региональных бюджетов (и в метрополии Франции (в Европе), и на заморских территориях Франции) и оценки действий управляющих структур с точки зрения уровня эффективности их функционирования. С целью проведения оценки используют 3 критерия: социальную и экономическую результативность, качественный уровень услуг и уровень их эффективности.

Интересен опыт Нидерландов, где методика оценки эффективности региональных финансов была разработана, и введение системы оценки предоставило возможность сделать выше показатель эффективности использования средств бюджета провинций. Принцип оценки изначальным образом был направлен на достижение большего результата при меньшем уровне затрат, он предусматриваем чётко прописанную ответственность каждого чиновника, на основе этого и производят оценку.

Проведенное исследование позволяет заметить, что во главе методики оценки эффективности управления региональными финансами должно быть заложено понятие «эффективности — результативности», т.е. достижение самого лучшего результата при применении определённой региональным бюджетом величины средств нужно оценивать именно как эффективность использования ресурсов, а показатель результативности целесообразно понимать в качестве степени соответствия полученных результатов тем, которые были запланированы.

Таким образом, рассмотрение отечественного и зарубежного опыта в методических подходах к оценке эффективности управления региональными

финансами позволяет отметить, что в их основе лежит всегда соотношение результатов с запланированными показателями, но только в России отмечено использование трех видов эффективности при оценке: экономической, социальной и социально-экономической. Из зарубежного опыта можно использовать опыт Нидерландов для назначения ответственности региональных чиновников в сфере финансов за достижение показателей эффективности, за своевременность и правильность применения методики оценки эффективности управления региональными финансами.

Список использованных источников

1. Распоряжение Правительства РФ от 31.01.2019 N 117-р «Об утверждении Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 годах» [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс.— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317187/ (дата обращения: 22.03.2026).

2. Афанасьев Р. С. Правовая основа прогнозирования доходов региональных бюджетов // Финансы.— 2024.— № 12.— С. 17–20.

3. Беляев Ю. А. Оценка эффективности и результативности расходов бюджетов: зарубежный опыт и возможности его использования в России // Вестник евразийской науки.— 2024.— Т. 16.— № 4.— С. 65–67.

4. Косов М. Е. Совершенствование механизмов управления государственными программами регионов: разработка. Реализация и оценка эффективности // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.— 2025.— Т. 22.— № 6.— С. 88–100.

5. Макейкина С. М., Еремина О. И. Эффективность как важнейший индикатор финансирования расходов регионального бюджета // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия: Экономика и управление.— 2025.— № 1.— С. 34–43.

DOI 10.34660/INF.2026.82.60.010

УДК 005

АНАЛИТИКА СУЩЕСТВУЮЩИХ ПОДХОДОВ К КЛАССИФИКАЦИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ УПРАВЛЕНИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ КРИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Кравцов Алексей Яковлевич
аспирант
Университет «Синергия», Москва, Россия
ORCID ID: 0009–0003–7533–5016,
SPIN-код автора: 2084–8402
Научный руководитель — **Хабаров В. И.**
доктор экономических наук, профессор

Аннотация. *Статья посвящена аналитике существующих подходов к классификации цифровых технологий управления и выявлению ограничений их применения на промышленных предприятиях критической информационной инфраструктуры (КИИ). Рассмотрены четыре доминирующих подхода — технологический, функциональный, по уровням цифровой зрелости и по эффектам цифровой трансформации. Для каждого установлено, что именно не позволяет ему ответить на управленческий вопрос о выборе и обосновании цифровых инициатив применительно к объектам КИИ. Показано, что общим ограничением всех четырёх подходов является разрыв между описанием технологии и управленческим процессом, который она должна совершенствовать. Этот разрыв особенно критичен для КИИ, где цифровизация оценивается не по факту внедрения, а по способности повышать надёжность, качество и функциональную безопасность производственного контура.*

Ключевые слова: *классификация цифровых технологий; КИИ; цифровая трансформация; управленческие процессы; ограничения; цифровая зрелость; Industry 4.0; функциональная безопасность.*

Актуальность

На первый взгляд, классификация цифровых технологий выглядит как техническая задача: разложить IoT, MES, аналитику данных и цифровые двойники по группам в зависимости от их природы. Но для менеджера, который планирует программу цифровой трансформации, это совсем другой вопрос. Ему нужно знать не что такое предиктивная аналитика как технология, а что именно в системе управления изменится, когда она будет внедрена,— и как это измерить. Для большинства промышленных предприятий неопределённость в этом вопросе неудобна, но терпима. Неправильно выбранная технология обойдётся деньгами и временем. Для объекта КИИ ставки выше: ошибочная расстановка приоритетов в программе цифровизации может означать, что управленческий разрыв, создающий прямые риски для функциональной безопасности производственного контура, останется незакрытым — пока ресурсы тратятся на технологии, которые этот разрыв не закрывают [13]. Именно поэтому аналитика существующих подходов к классификации имеет самостоятельную научную ценность: она позволяет выявить, и сформулировать, что именно должен делать подход, которого ещё нет.

В первую очередь необходимо провести анализ доминирующих подходов к классификации. Самый распространённый в литературе по Industry 4.0 подход группирует технологии по их технической природе: IoT / IIoT, облачные вычисления, большие данные и аналитика, искусственный интеллект и машинное обучение, цифровые двойники, киберфизические системы, блокчейн. В работе Лу [1] в одном из наиболее цитируемых систематических обзоров именно так организует описание поля технологий Industry 4.0 — как перечень технологических «кирпичиков» с характеристикой их взаимосвязанности. Сильная сторона подхода — инженерная конкретность. Сравнивать технологии по требованиям к инфраструктуре, совместимости, зрелости и стоимости владения удобно именно в технологических категориях. Для объектов КИИ это критично при оценке требований к надёжности и непрерывности, которые задают «допустимое множество» решений ещё до управленческого выбора. Ограничение — слабая связь с управленческим механизмом. Перечень «облака, IoT, аналитика» не объясняет, почему и как изменится качество управленческих решений или снизится вероятность ошибок персонала. Технология описана сама по себе, без привязки к процессу управления, который она трансформирует.

Функциональный подход классифицирует технологии по их назначению в бизнес-функциях предприятия: технологии управления производством (MES, SCADA), технологии управления ресурсами (ERP), технологии управления взаимоотношениями с клиентами (CRM), технологии управления техническим обслуживанием (EAM/CMMS). В своей работе Пошибаев [2] использует именно

такую логику, рассматривая влияние ERP-систем и CRM-платформ на эффективность бизнес-процессов. Сильная сторона — управленческий контекст явен и понятен. Менеджер видит, что ERP — это про управление ресурсами, а MES — про производство. Это лучше, чем просто «облако» или «аналитика», или data lake. Ограничение — функции и процессы управления разные вещи. ERP управляет ресурсами, но это не говорит ничего о том, какую именно функцию управленческого цикла: мониторинг, анализ, принятие решений она поддерживает на каком уровне управления. Кроме того, функциональная классификация ориентирована на корпоративный уровень и плохо переносится на специфику объектов КИИ, где оперативный уровень управления технологическим процессом — отдельный и принципиально другой контур.

Следующий подход основан на модели цифровой зрелости, где оценивают, насколько предприятие освоило цифровые технологии, и выстраивают уровни от «начальной автоматизации» до «полной цифровой интеграции». В работах таких авторов как Сенна [3] и Нджах [4] разрабатывают такие модели для Industry 4.0, связывая их с технологическими, организационными и внешними факторами. Сильная сторона — диагностическая ценность. Модели зрелости позволяют предприятию понять своё текущее положение и наметить траекторию развития. Ограничение — разрыв между диагнозом и действием. Модели зрелости описывают, где предприятие находится, но не дают стратегически применимого выхода — конкретного перехода от диагностики к портфелю инициатив с обоснованием, какая инициатива закрывает какой управленческий разрыв [5]. Для КИИ это означает, что предприятие знает, что оно на «уровне 2 из 5», но не знает, что именно внедрить следующим и почему.

Подход через эффекты цифровой трансформации, этот подход классифицирует технологии по достигаемым результатам: технологии, повышающие операционную эффективность; технологии, создающие новые бизнес-модели; технологии, улучшающие взаимодействие с клиентами; технологии, обеспечивающие устойчивость и адаптивность. Систематический обзор в работе Плеханова [6] показывает, что именно такая многоуровневая логика постепенно утверждается как более зрелый взгляд на цифровую трансформацию по сравнению с технологическими перечнями. Сильная сторона — ориентация на результат, а не на технологию. Это ближе к логике менеджмента. Ограничение — связь с конкретным управленческим процессом по-прежнему остаётся размытой. «Технология, повышающая операционную эффективность» — это всё ещё не ответ на вопрос «какой именно управленческий процесс она меняет и по какому показателю это будет измерено». В работе Винера [7] фиксируют этот разрыв как исследовательскую проблему: процессное измерение цифровой трансформации остаётся методологически недоработанным. Можно систематизировать всё выше сказана в таблице 1.

Таблица 1 — Ограничения существующих подходов к классификации цифровых технологий применительно к управлению предприятиями КИИ

Подход	Принцип классификации	Сильная сторона	Ключевое ограничение для КИИ
Технологический [1, 2]	По технической природе и архитектуре системы	Инженерная конкретность; пригоден для оценки требований к инфраструктуре	Не связывает технологию с управленческим процессом; нет целевого показателя совершенствования; нельзя использовать для обоснования портфеля инициатив
Функциональный [2, 8]	По бизнес-функции или домену применения (ERP, CRM, MES)	Понятный управленческий контекст; различает корпоративный и операционный уровни	Функции и процессы управления — разные сущности; не указывает, какую функцию цикла (мониторинг/анализ/решение/воздействие/контроль) поддерживает технология
Цифровая зрелость [3, 4, 5]	По степени освоения технологий и готовности к трансформации	Диагностическая ценность; позволяет оценить текущий уровень предприятия	Разрыв «диагноз — действие»: не даёт перехода к конкретным инициативам с обоснованием управленческого эффекта каждой
Через эффекты [6, 7]	По достигаемым результатам (операционная эффективность, новые бизнес-модели)	Ориентация на результат; ближе к логике менеджмента, чем к технологическому каталогу	Связь между технологией и конкретным управленческим процессом по-прежнему размыта; нет измеримых KPI-показателей для КИИ

Источник: составлено автором.

Таблица 1 показывает, что ограничения четырёх подходов разные по форме, но одинаковые по сути: ни один из них не отвечает на вопрос «какой управленческий процесс изменится при внедрении данной технологии и по какому показателю это будет оценено». Именно этот вопрос является центральным для менеджмента предприятий КИИ.

Объекты КИИ не просто не охвачены существующими классификациями — они создают дополнительные требования, при которых общие ограничения становятся

критическими. [11] Требование разграничения уровней управления. На объекте КИИ оперативный уровень управления технологическим процессом и корпоративный уровень управления предприятием — принципиально разные контуры с разными требованиями к надёжности, безопасности и допустимым изменениям. Функциональные классификации (ERP vs MES) это разграничение делают, но не связывают уровни с функциями управленческого цикла — что именно происходит на каждом уровне в части мониторинга, анализа и принятия решений.[12]

Требование измеримости управленческого эффекта. Для КИИ недостаточно знать, что технология «повышает операционную эффективность». Нужно знать конкретно: снижается ли вероятность ошибочных действий персонала (Роп), растёт ли коэффициент готовности оборудования (Кг), сокращается ли доля управленчески обусловленного брака (Iуд). Ни один из четырёх рассмотренных подходов не предоставляет такой конкретики.

Требование обоснования архитектурных решений. Программа импортозамещения на объектах КИИ создаёт дополнительный управленческий вопрос: при выборе между технологическими альтернативами какую архитектуру выбрать — открытую или закрытую — и как это скажется на управляемости изменений в дальнейшем. Это вопрос о вендорной зависимости, стоимости и скорости изменений, интероперабельности — параметрах, которые существующие классификации не включают как управленческие критерии.

Требование нормативного фильтра. На объектах КИИ первой и второй категории значимости любое изменение в АСУ ТП требует согласования с регулятором (ФСТЭК). Это означает, что управленческая оценка инициативы должна включать не только ожидаемый эффект, но и допустимость перехода с точки зрения требований функциональной безопасности в переходный период. Ни один из четырёх рассмотренных подходов к классификации этот фильтр не предусматривает [9].

Из проведённого анализа вытекает, что недостающий методологический инструмент должен удовлетворять четырём требованиям одновременно.

– Привязка к управленческому процессу, а не к технологии. Единицей анализа должен быть тип управленческого процесса (мониторинг, анализ, принятие решений, управляющее воздействие, контроль), а не техническое описание системы.

– Дифференциация по уровням управления. Одна и та же технологическая категория должна рассматриваться отдельно для операционного, тактического и стратегического уровней, поскольку управленческий эффект на каждом уровне разный.

– Связь с измеримыми показателями результативности. Каждая ячейка классификации должна содержать целевой KPI — конкретный показатель, по которому оценивается управленческий эффект внедрения.

– Применимость к задаче формирования портфеля инициатив. Классификация должна давать не диагноз и не перечень, а инструмент: выявив управленческий разрыв, определить класс технологий, которые его закрывают, и обосновать приоритет инициативы.

Заключение

Четыре доминирующих подхода к классификации цифровых технологий — технологический, функциональный, через цифровую зрелость и через эффекты трансформации — покрывают разные стороны проблемы, но все имеют одно общее ограничение. Ни один из них не устанавливает прямой связи между классом технологии, управленческим процессом, который она совершенствует, и измеримым целевым показателем этого совершенствования. Для большинства промышленных предприятий это неудобство. В рамках исследования объектов КИИ это можно выделить как методологический пробел, влекущий управленческие риски: программа цифровизации может оказаться набором технически правильных, но управленчески разрозненных проектов, не связанных с показателями надёжности, качества и функциональной безопасности. Выявленный пробел формулируется как исследовательская задача: разработать классификацию, где единицей анализа является управленческий процесс, а не технология, где каждый класс технологий привязан к конкретному уровню управления и измеримому целевому показателю, и где классификация пригодна для обоснования портфеля инициатив, а не только для описания технологического ландшафта.

Список литературы

1. Lu, Yang. (2017). Industry 4.0: A Survey on Technologies, Applications and Open Research Issues. Journal of Industrial Information Integration. 6. 10.1016/j.jii.2017.04.005.

2. Пошибаев, А. Ю. Влияние цифровых технологий на эффективность деятельности организации / А. Ю. Пошибаев // Вестник евразийской науки.— 2024.— Т. 16.— № s5.— URL: https://esj.today/PDF/51FAVN524.pdf

3. Senna, Pedro & Barros, Ana & Bonnín Roca, Jaime & Américo, Azevedo. (2023). Development of a digital maturity model for Industry 4.0 based on the technology-organization-environment framework. Computers & Industrial Engineering. 185. 109645. 10.1016/j.cie.2023.109645.

4. Njah, Syrine & Danjou, Christophe & Armellini, Fabiano & Beaudry, Catherine & Mosconi, Elaine. (2025). A Digital Maturity Model for assessing SMEs in the manufacturing sector. Digital Engineering. 9. 100084. 10.1016/j.dte.2025.100084.

5. Plekhanov, Dmitry & Franke, Henrik & Netland, Torbjørn. (2023). Digital transformation: A review and research agenda. European Management Journal. 41. 821–844. 10.1016/j.emj.2022.09.007.

6. Wiener, Martin & Strahringer, Susanne & Kotlarsky, Julia. (2025). Where are the processes in IS research on digital transformation? A critical literature review and future research directions. SSRN Electronic Journal. 10.2139/ssrn.5219575.

7. Putra, H. (2024). The Role of Business Process Management in Digital Innovation and Digital Transformation: A Systematic Literature Review. Procedia Computer Science. https://doi.org/10.1016/J.PROCS.2024.03.069

8. Tian, Meng & Chen, Yang & Tian, Guanghao & Huang, Wei & Hu, Chuan. (2023). The role of digital transformation practices in the operations improvement in manufacturing firms: A practice-based view. International Journal of Production Economics. 262. 108929. 10.1016/j.ijpe.2023.108929.

9. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».

10. Хабаров, В. И. Влияние цифровых технологий на процессы управления безопасностью критической инфраструктуры / В. И. Хабаров, А. Я. Кравцов // Проблемы теории и практики управления.— 2025.— № 12.— С. 251–268.— EDN UHKSUV.

11. Хабаров, В. И. Проблемы оценки человеческого фактора на предприятиях критической инфраструктуры с использованием цифровых двойников / В. И. Хабаров, А. Я. Кравцов // Проблемы теории и практики управления.— 2026.— № 2.— С. 72–85.— EDN GDXRGN.

12. А. Я. Кравцов, Управленческие эффекты цифровых технологий на промышленных объектах критической информационной инфраструктуры // SOCIAL PHENOMENA AND PROCESSES. 2026. № 1(10). С.21–27.

13. Кравцов, А. Я. Аналитика цифровых технологий в контексте управления критической инфраструктурой / А. Я. Кравцов // Актуальные вопросы современной науки и инноватики: Сборник научных статей по материалам X Международной научно-практической конференции, Уфа, 03 марта 2026 года.— Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-издательский центр "Вестник науки", 2026.— С. 91–101.— EDN SAUIHO.

DOI 10.34660/INF.2026.82.66.212

УДК 01

РОЛЬ ЕВРО В МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕЗЕРВАХ (ЗА 5 ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ, СОВОКУПНЫХ МИРОВЫХ И БАНКА РОССИИ – СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Орлов Рафаэль Рустамович
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия
Научный руководитель — **Крылова Любовь Вячеславовна**
доктор экономических наук, профессор
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия

Аннотация. *В статье представлен сравнительный анализ роли евро в структуре международных резервов за 2020–2025 гг. на глобальном уровне и в контексте резервов Банка России. Исследованы теоретические основы функционирования евро как резервной валюты, проанализирована динамика его доли в мировых резервах по данным МВФ (COFER) и в резервных активах российского ЦБ. Выявлено, что на мировом уровне евро сохраняет позиции второй по значимости резервной валюты с долей около 20%, тогда как в структуре резервов Банка России наблюдается существенное снижение доли евро с 33,9% (2021 г.) до прогнозируемых 15% (2025 г.) из-за санкционных рисков. Установлено, что глобально евро остается стабильным резервным активом, в то время как для России происходит переориентация резервной политики в сторону девалютизации.*

Ключевые слова: *международные резервы, евро, резервная валюта, валютная структура, Банк России, золотовалютные резервы, дедолларизация, диверсификация, санкционное давление, монетарная политика, ЕЦБ, COFER, валютная политика, международные расчеты, финансовая безопасность.*

ВВЕДЕНИЕ

Экономические обстоятельства последних лет демонстрируют, что международные резервы отдельных государств остаются решающим фактором поддержки финансовой устойчивости. Вопрос распределения этих резервов по валютам стал особенно важен для экспертов и политических кругов[1]. На первый план выходит анализ позиций ведущих мировых резервных валют, среди которых евро традиционно считается второй по значимости.

В период с 2020 по 2025 год накопились указания на значительные подвижки в структуре валютных активов. На глобальном уровне отмечаются медленные процессы диверсификации, при которых экономические агенты перераспределяют средства из доллара США в пользу евро, золота и корзины «прочих» валют[2]. Одновременно происходит заметная переориентация политики Банка России. Санкционное давление, блокировка части российских золотовалютных запасов дают повод говорить о специфическом положении евро в структуре резервов страны[3].

Актуальность темы усиливается внешнеполитической средой. Участившиеся экономические ограничения стимулируют поиск устойчивых валютных активов. Российский случай особенно интересен: с одной стороны, евро активно продвигался в резервах, замещая доллар, а с другой — в последние годы эта стратегия переоценивается[4].

Объект исследования: международные (золотовалютные) резервы, сформированные крупнейшими центробанками мира и Банком России.

Предмет исследования: роль евро в структуре данных резервов.

Цель работы: провести сравнительный анализ динамики роли евро в мировых официальных резервах и в резервных накоплениях Банка России за период 2020–2025 гг.

---

[1] Антропов В. В. Развитие расчетов в национальных валютах как фактор интенсификации предпринимательской деятельности в ЕАЭС // Экономика. Налоги. Право. 2023. Т. 16, № 5. С. 94.

[2] Озарнов Р. В. Диверсификация международных резервных активов с использованием единой валюты евро // Национальная безопасность / nota bene. 2023. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diversifikatsiya-mezhdunarodnyh-rezervnyh-aktivov-s-ispolzovaniem-edinoy-valyuty-evro (дата обращения: 25.02.2026).

[3] Там же.

[4] Пилипенко И. В. Методика применения валютного клиринга во внешней торговле Российской Федерации в условиях санкций. М.: Научная библиотека, 2022. С. 155–156.

Для достижения этой цели ставятся следующие задачи:

1. Рассмотреть теоретическую основу функционирования евро как резервной валюты.

2. Проанализировать динамику доли евро в структуре мировых резервов на базе данных МВФ (COFER).

3. Оценить динамику и место евро в структуре резервов Банка России.

4. Сравнить ключевые факторы, влияющие на роль евро в мире и в России.

Степень научной разработанности темы достаточно высока благодаря широкому спектру исследований по вопросам резервных валют. Однако внимание к «евровому сегменту» продолжает возрастать из-за множества противоречивых тенденций в мировой экономик. Данная работа, опираясь на официальные статистические отчёты МВФ (IMF COFER) и Банка России, а также на научные публикации российских и зарубежных специалистов, стремится дать целостную оценку темпам и характеру движения евро в структуре резервов.

Практическая значимость исследования состоит в том, что итоги сравнительного анализа могут помочь финансово-экономическим институтам и аналитическим центрам точнее ориентироваться в вопросе резервной политики, которая с каждым годом приобретает всё больше стратегических черт.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЕВРО КАК РЕЗЕРВНОЙ ВАЛЮТЫ

Понятие, функции и критерии резервной валюты

Обращение к понятию «резервная валюта» подразумевает рассмотрение денежных единиц, которые центральные банки держат в своих резервах для покрытия платёжного баланса, поддержания курса национальной денежной единицы и снижения внешних рисков[1]. В большинстве случаев под резервной валютой понимают универсальный инструмент накопления, доступный для быстрого обмена и признанный крупными экономическими союзами.

Существует несколько критериев, по которым валюта получает статус резервной[2]. Во-первых, высокая ликвидность, позволяющая без затруднений переводить актив из одного состояния в другое. Во-вторых, широкое международное признание: валюта должна приниматься для расчётов в значительном

[1] Кочергин Д. А. Цифровые валюты центральных банков: мировой опыт // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 5. С. 70.

[2] Кравченко Ю. Б. Институциональный кризис современной международной валютной системы и пути выхода из него // Мировая экономика и мировые финансы. 2024. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnyy-krizis-sovremennoy-mezhdunarodnoy-valyutnoy-sistemy-i-puti-vyhoda-iz-nego (дата обращения: 25.02.2026).

числе стран. В-третьих, относительная стабильность — умеренные колебания курса и надёжная экономическая база эмитента. В-четвёртых, развитый финансовый рынок с широким выбором инструментов для вложений.

Резервная валюта выступает фундаментом для глобальных финансовых отношений. Сегодня наибольшее распространение имеют доллар США, евро, фунт стерлингов и иена[1]. Однако современная ситуация даёт предпосылки к использованию иных вариантов, в частности китайского юаня[2].

Евро, будучи официальной денежной единицей стран Еврозоны, выделяется качественными характеристиками. Европейский центральный банк (ЕЦБ) располагает независимой денежно-кредитной политикой, ориентированной на стабильность цен, а экономика Евросоюза формирует крупнейший рынок[3]. Именно эти особенности способствовали продвижению евро до статуса второй главной резервной валюты.

Стоит отметить, что вес резервной валюты не определяется только экономической силой эмитента: политические факторы, международные договора также оказывают существенное влияние, что особенно заметно в периоды кризисов или санкционных кампаний[4].

Эволюция роли евро в мировой валютной системе

Введение евро как безналичного средства датируется 1999 годом, а наличные знаки были выпущены в 2002 году. Главная цель заключалась в укреплении экономической интеграции и повышении глобального влияния региона[5]. За первые пять лет многие центральные банки начали формировать часть резервов в этой валюте.

До мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. доля евро неуклонно росла. Несмотря на трудности, евро смог удержаться на высоких позициях

---

[1] International Monetary Fund (IMF). Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER) // IMF Data. URL: https://data.imf.org/?sk=E6A5F467-C14B-4AA8–9F6D-5A09EC4E62A4 (дата обращения: 20.02.2026).

[2] Глебова А. Г., Лялькова М. С. Юань и цифровые валюты центральных банков: опыт Китая и глобальные последствия // Мировая экономика и мировые финансы. 2025. Т. 4, № 4. С. 93.

[3] Сибирская А. В. Мировой опыт валютных союзов: выгоды и риски для стран-участниц // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2025. Т. 44, № 2. С. 75–76.

[4] Соколова Е. С., Поспелов В. К., Торопова Н. В., Мехдиев Э. Т. Анализ эффективности мер финансовой поддержки экспорта в России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Том 9. № 6А. С. 345.

[5] Сибирская А. В. Указ. соч. С. 73.

благодаря масштабам экономик Еврозоны и мерам ЕЦБ по стабилизации[1]. Некоторые экономисты обращали внимание на риски, связанные с проблемными долгами южноевропейских стран, однако совокупная мощь блока поддерживала спрос на евро.

Новый виток событий пришёлся на середину 2010-х годов: «брекзит», миграционные противоречия, замедление роста. Тем не менее Евросоюз сохранил экономическую целостность[2].

С 2014 года большое значение приобрело санкционное давление. В отношении ряда государств вводились ограничения, что побудило их уходить от доллара США, поскольку именно долларовые каналы считались наиболее уязвимыми[3]. Евро выступил естественной альтернативой.

В постпандемический период (2021–2022 гг.) доля евро держалась около 20 % в мировом разрезе[4]. По мнению ряда экспертов, это свидетельствует о ровном положении евро: он не перетягивает на себя сверхкрупные объёмы, но и не утрачивает позиций[5].

Современный этап (2022–2025 гг.) характеризуется тремя основными моментами. Во-первых, переход развивающихся экономик к «полицентричной» модели запасов. Во-вторых, осторожность подсанкционных государств в отношении всех западных валют. В-третьих, поддержка евро международными организациями как второй главной резервной единицы[6]. Таким образом, эволюция евро демонстрирует тесную связь между геополитикой, экономической интеграцией и макроэкономическими показателями[7].

---

[1] Орлова Д. Р. Теневая экономика: учебное пособие. М.: Проспект, 2023. С. 34.

[2] Антропов В. В. Указ. соч. С. 96.

[3] Мамаева Ю. А. О текущих проблемах банковских платежей между Россией и Китаем // Аналитические записки ИКСА РАН. 2024. № 6. С. 20.

[4] IMF COFER. URL: https://data.imf.org/?sk=E6A5F467-C14B-4AA8–9F6D-5A09EC4E62A4 (дата обращения: 20.02.2026).

[5] Кочергин Д. А. Указ. соч. С. 75.

[6] Фетисов Н. И. Цифровой рубль и цифровой юань как примеры обеспеченных цифровых валют // Современные проблемы развития экономики России и Китая. Благовещенск: АмГУ, 2024. С. 206.

[7] Голиков В. В. Влияние теневой экономики на целостность экономической системы // Экономическая безопасность. 2023. Т. 6, № 2. С. 506.

АНАЛИЗ РОЛИ ЕВРО В МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕЗЕРВАХ (2020–2025 ГГ.)

Динамика доли евро в мировых валютных резервах

Развернутый анализ мировых тенденций по формированию официальных золотовалютных резервов базируется главным образом на статистических отчётах МВФ (COFER). Сведения этого источника включают данные по распределению резервов по основным валютам и отражают расстановку сил на глобальном финансовом рынке[1].

Таблица 1. Валютная структура мировых официальных резервов в 2020–2025 гг. (в % от общего объема)

Год	Доллар США	Евро	Китайский юань	Японская иена	Фунт стерлингов	Прочие валюты
2020	58,9%	21,3%	2,3%	6,0%	4,7%	6,8%
2021	58,9%	20,6%	2,7%	5,5%	4,8%	7,5%
2022	58,4%	20,5%	2,6%	5,2%	4,9%	8,4%
2023	58,5%	19,9%	2,3%	5,4%	4,8%	9,1%
2024	57,8%	20,1%	2,2%	5,3%	4,9%	9,7%
2025*	57,5%	20,0%	2,2%	5,2%	5,0%	10,1%

Источник: составлено автором по данным IMF COFER[2].

Уже при беглом взгляде на цифры становится понятно, что доля евро на протяжении рассматриваемых пяти лет держится у рубежа 20% (от 21,3% в 2020 г. до 20,0% в 2025 г.). При этом нет резких скачков, что свидетельствует об устойчивом положении евро как второй по значимости мировой резервной валюты[3]. Снижение показателя с 21,3% до 20,0% не выглядит критичным, особенно с учётом роста доли «прочих валют» с 6,8% до 10,1%.

Параллельно можно отметить поддержку евро со стороны предсказуемости экономической политики в Евросоюзе. ЕЦБ настойчиво выстраивает денежно-кредитную стратегию для стабилизации инфляционных процессов и снижения волатильности, что позволяет евро сохранять доверие среди центробанков[4].

[1] IMF COFER. URL: https://data.imf.org/?sk=E6A5F467-C14B-4AA8–9F6D-5A09EC4E62A4 (дата обращения: 20.02.2026).

[2] IMF COFER. URL: https://data.imf.org/?sk=E6A5F467-C14B-4AA8–9F6D-5A09EC4E62A4 (дата обращения: 20.02.2026).

[3] Сибирская А. В. Указ. соч. С. 74.

[4] Антропов В. В. Указ. соч. С. 95.

Согласно данным МВФ, доллар США по-прежнему лидирует, хотя его доля понемногу уменьшается — с 58,9% до 57,5%. Снижение является постепенным и частично компенсируется ростом юаня и иных активов[1]. Ряд экспертов предполагает, что такой тренд к диверсификации будет продолжаться[2].

Таким образом, на глобальном фоне евро остаётся популярным инструментом, удерживая крепкую «вторую» позицию, что соответствует результатам предыдущих лет.

Анализ структуры резервов Банка России и место евро

Переходя к специфике политики Банка России, следует подчеркнуть, что за последние годы на ситуацию повлияли прежде всего факторы санкционного характера. Ещё до 2022 года руководство ЦБ РФ курсировало между идеями дедолларизации и поддержания ликвидных резервов. Основная аргументация в пользу снижения доли доллара опиралась на опасения, что США в любой момент могут применить блокирующие меры[3].

К 2021 году евро считался одним из предпочтительных валютных компонентов: доля евро достигла максимума — 33,9%. Так реализовывалась стратегия ЦБ РФ: «уходя от одной валютной зависимости, логично спастись во второй крупной зоне»[4].

Таблица 2. Валютная структура международных резервов Банка России в 2020–2025 гг. (в %)

Год	Доллар США	Евро	Китайский юань	Золото (монетарное)	Фунт стерлингов	Прочие валюты
2020	21,1%	29,2%	12,8%	23,3%	5,9%	7,7%
2021	16,4%	33,9%	17,1%	21,5%	4,8%	6,3%
2022	10,9%	25,7%	20,5%	23,9%	3,1%	15,9%
2023	н/д	н/д	29,5%	26,0%	н/д	н/д
2024	н/д	н/д	32,0%	28,0%	н/д	н/д
2025*	н/д	~15% (оценка)	35,0%	30,0%	н/д	20,0%

[1] Голиков В. В. Указ. соч. С. 508.

[2] Озарнов Р. В. Диверсификация финансово-экономических отношений как фактор снижения асимметричной взаимозависимости стран // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Том 9. № 8А. С. 470.

[3] Жэнь И. Технические вызовы и решения для трансграничных платежей в цифровых валютах между Китаем и Россией // Научный потенциал. 2024. № 3(46). С. 48.

[4] Пилипенко И. В. Методика применения валютного клиринга. С. 152–153.

Примечание. Данные с 2023 года являются оценочными, поскольку детальная валютная структура с этого периода официально не раскрывается; оценка дана по материалам.

Источник: составлено автором по материалам ЦБ РФ и экспертным оценкам[1].

До санкционных ограничений траектория политики Банка России выглядела относительно последовательной: шёл заметный переход от доллара к евро и одновременно укреплялись позиции юаня. Золото также занимало крупную долю — около 23,3% в 2020 году, обеспечивая высокую устойчивость к внешним шокам[2].

Ключевым переломом стал 2022 год. По данным экспертов, доля евро упала с 33,9% до 25,7%[3]. К 2025 году евро может составлять около 15% от общего объёма резервов. Причина: Банк России опасается новых блокировок и выводит активы в юань, золото и «прочие валюты», которые считаются менее уязвимыми к санкционному давлению[4].

Сравнительный анализ и ключевые выводы

Для наглядного сопоставления глобальной динамики доли евро и российской ситуации рассмотрим сводные данные (таблица 3).

Таблица 3 — Сравнительный анализ роли евро в мировых резервах и резервах Банка России

Критерий сравнения	Мировые резервы (данные МВФ)	Резервы Банка России
Динамика доли евро	Стабильность на уровне 19,9–21,3%	Резкий рост (до 33,9% в 2021 г.), затем обвальное падение (до ~15% в 2025 г.)
Ключевой тренд	Медленная диверсификация в пользу «прочих валют» и золота	Переход от дедолларизации к девалютизации (избавлению от валют недружественных стран)
Основные конкуренты евро	Доллар США, юань, иена, фунт	Юань, золото, рубль
Факторы, определяющие роль евро	Экономическая эффективность, доходность, надежность	Геополитические риски, санкционные ограничения, проблема «токсичных» валют

Источник: составлено автором.

[1] Центральный банк РФ. Статистика внешнего сектора. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/; Пилипенко И. В. Указ. соч.; Кочергин Д. А. Указ. соч.

[2] Мамаева Ю. А. Указ. соч. С. 22.

[3] Жэнь И. Указ. соч. С. 47.

[4] Лю С. Перспективы сотрудничества между цифровым рублем и цифровым юанем // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 10(184). С. 99.

В глобальном масштабе евро остаётся институционально защищённой и признанной резервной валютой с долей ~20 %. Небольшое снижение отражает общую тенденцию к диверсификации[1].

В российской системе: если до 2022 года евро воспринимался почти как «альтернативный доллару вариант», то теперь Банк России относит его к «недружественному инструменту». Геополитика перевесила чисто экономические аргументы[2].

Сравнение показывает: для мира евро — вторая резервная валюта, тогда как для России он фактически теряет ключевой статус, уступая место юаню и золоту. Глобальный курс на многовалютность не уничтожает евро. В российском финансовом секторе евро проходит путь от «основного активного компонента» до переформатирования в «рискованный инструмент»[3].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ, представленный в работе, касался двух ключевых аспектов: мировой статус евро и особенности его присутствия в структуре резервов Банка России с 2020 по 2025 год.

Первая глава рассмотрела теоретические основы функционирования евро как резервной валюты, его исторические истоки и критерии, обеспечивающие ему почётное место в глобальной денежной системе. Вторая глава, опираясь на статистические данные МВФ (COFER) и экспертные отчёты, наглядно отразила динамику доли евро, подчеркнула стабильность его позиций в мире и существенные колебания в российской практике.

Ключевые выводы по каждой задаче, заявленной во введении:

1. Теоретические основы функционирования евро как резервной валюты. Рассмотренные источники показывают, что для получения статуса резервной валюты необходимо соответствовать ряду критериев: ликвидность, глобальное признание, стабильность и развитый финансовый рынок. Евро удовлетворяет всем этим критериям, поскольку зона Евросоюза представляет

[1] Озарнов Р. В. Диверсификация международных резервных активов. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diversifikatsiya-mezhdunarodnyh-rezervnyh-aktivov-s-ispolzovaniem-edinoy-valyuty-evro (дата обращения: 25.02.2026).

[2] Антропов В. В. Указ. соч. С. 99; Фетисов Н. И. Указ. соч. С. 205.

[3] Федюнин А. С. Международный опыт деятельности финансовых институтов для поддержки международной торговли // Мировая экономика и мировые финансы. 2023. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-opyt-deyatelnosti-finansovyh-institutov-dlya-podderzhki-mezhdunarodnoy-torgovli (дата обращения: 25.02.2026).

одну из крупнейших экономических «площадок» мира, а деятельность ЕЦБ направлена на обеспечение доверия к валюте[1].

2. Динамика евро в мировых резервах (данные МВФ COFER). За период 2020–2025 гг. доля евро сохраняется на уровне 19–21 %. Это означает, что евро уверенно удерживает позицию второй резервной валюты. Стабильность евро объясняется широкой поддержкой стран Еврозоны и устойчивыми торговыми связями. Небольшое снижение доли компенсируется рыночной диверсификацией[2].

3. Анализ структуры международных резервов Банка России. Евро испытал колоссальный подъём в российских резервах, достигнув 33,9 % к 2021 году. Однако после 2022 года его доля быстро уменьшилась (по прогнозам, к 2025 году приблизится к 15 %). Этот поворот связан не с чисто экономическими факторами, а преимущественно с геополитикой и санкционными ограничениями[3].

4. Ключевые факторы и сравнительный анализ. Глобально евро остаётся стабильным вторым резервным выбором, в то время как в России происходит «девалютизация» евро — уход от валют государств, признанных недружественными. Евро целенаправленно вытесняется золотом и китайским юанем[4].

Итоговая констатация: во всём мире евро сохраняет статус ключевого резерва наряду с долларом, теряя лишь небольшие доли на фоне плавной диверсификации, тогда как в России его роль рекордно сократилась после 2022 года под влиянием геополитической напряжённости и санкционных мер.

Практическая значимость работы определяется тем, что результаты сравнительного анализа дают ясное обоснование для финансовых институтов, планирующих структуру своих резервов. Государствам, не подверженным санкционному давлению, целесообразно сохранять позицию в евро как средстве диверсификации.

Перспективы дальнейших исследований непосредственно связаны с тем, как изменится внешнеэкономическая политика и санкционное воздействие в ближайшие годы. Если диалог между Россией и Евросоюзом будет

---

[1] Соколова Е. С. Механизмы использования финансовых технологий общественными организациями // Мировая экономика и мировые финансы. 2024. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-ispolzovaniya-finansovyh-tehnologiy-obschestvennymi-organizatsiyami (дата обращения: 25.02.2026).

[2] IMF COFER. URL: https://data.imf.org/?sk=E6A5F467-C14B-4AA8–9F6D-5A09EC4E62A4 (дата обращения: 20.02.2026).

[3] Пилипенко И. В. Подход к развитию международной торговли РФ со странами-партнерами // Экономика и управление: проблемы, решения. 2022. Т. 4, № 9(129). С. 50–53.

[4] Кравченко Ю. Б. Указ. соч.

возобновлён, нельзя исключить возвращения евро в структуру российских резервов. Если же санкционное давление сохранится, вероятно, акцент Банка России сместится ещё дальше от западных валют.

Список использованной литературы

1. Антропов В. В. Развитие расчетов в национальных валютах как фактор интенсификации предпринимательской деятельности в ЕАЭС // Экономика. Налоги. Право. 2023. Т. 16, № 5. С. 93–103.

2. Глебова А. Г., Лялькова М. С. Юань и цифровые валюты центральных банков: опыт Китая и глобальные последствия // Мировая экономика и мировые финансы. 2025. Т. 4, № 4. С. 90–99.

3. Голиков В. В. Влияние теневой экономики на целостность экономической системы с позиции национальной экономической безопасности // Экономическая безопасность. 2023. Т. 6, № 2. С. 505–518.

4. Жэнь И. Технические вызовы и решения для трансграничных платежей в цифровых валютах между Китаем и Россией // Научный потенциал. 2024. № 3(46). С. 47–50.

5. Кочергин Д. А. Цифровые валюты центральных банков: мировой опыт // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 5. С. 68–77.

6. Кравченко Ю. Б. Институциональный кризис современной международной валютной системы и пути выхода из него // Мировая экономика и мировые финансы. 2024. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnyy-krizis-sovremennoy-mezhdunarodnoy-valyutnoy-sistemy-i-puti-vyhoda-iz-nego (дата обращения: 25.02.2026).

7. Лю С. Перспективы сотрудничества между цифровым рублем и цифровым юанем // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 10(184). С. 169–175.

8. Мамаева Ю. А. О текущих проблемах банковских платежей между Россией и Китаем и взаимодействии по платежам с китайскими банками // Аналитические записки ИКСА РАН. 2024. № 6. С. 19–25.

9. Озарнов Р. В. Диверсификация международных резервных активов с использованием единой валюты евро как одного из «полюсов» полицентричной модели мировой валютно-финансовой системы // Национальная безопасность / nota bene. 2023. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diversifikatsiya-mezhdunarodnyh-rezervnyh-aktivov-s-ispolzovaniem-edinoy-valyuty-evro (дата обращения: 25.02.2026).

10. Озарнов Р. В. Диверсификация финансово-экономических отношений как фактор снижения асимметричной взаимозависимости стран // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Том 9. № 8А. С. 467–474.

11. Орлова Д. Р. Теневая экономика: учебное пособие. М.: Проспект, 2023. 112 с.

12. Пилипенко И. В. Методика применения валютного клиринга во внешней торговле Российской Федерации в условиях санкций. М.: Научная библиотека, 2022. 448 с.

13. Пилипенко И. В. Подход к развитию международной торговли Российской Федерации со странами-партнерами через механизм многостороннего клиринга (часть II) // Экономика и управление: проблемы, решения. 2022. Т. 4, № 9(129). С. 48–63.

14. Сибирская А. В. Мировой опыт валютных союзов: выгоды и риски для стран-участниц // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2025. Т. 44, № 2. С. 73–87.

15. Соколова Е. С. Механизмы использования финансовых технологий общественными организациями // Мировая экономика и мировые финансы. 2024. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-ispolzovaniya-finansovyh-tehnologiy-obschestvennymi-organizatsiyami (дата обращения: 25.02.2026).

16. Соколова Е. С., Поспелов В. К., Торопова Н. В., Мехдиев Э. Т. Анализ эффективности мер финансовой поддержки экспорта в России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Том 9. № 6А. С. 343–353.

17. Федюнин А. С. Международный опыт деятельности финансовых институтов для поддержки международной торговли // Мировая экономика и мировые финансы. 2023. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-opyt-deyatelnosti-finansovyh-institutov-dlya-podderzhki-mezhdunarodnoy-torgovli (дата обращения: 25.02.2026).

18. Фетисов Н. И. Цифровой рубль и цифровой юань как примеры обеспеченных цифровых валют центральных банков // Современные проблемы развития экономики России и Китая. Благовещенск: АмГУ, 2024. С. 203–206.

19. Центральный банк Российской Федерации. Статистика внешнего сектора: Международные резервные активы Российской Федерации. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: 20.02.2026).

20. International Monetary Fund (IMF). Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER). URL: https://data.imf.org/?sk=E6A5F467-C14B-4AA8–9F6D-5A09EC4E62A4 (дата обращения: 20.02.2026).

DOI 10.34660/INF.2026.82.75.288

ВЛИЯНИЕ САНКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ США И ЕС НА РОССИЙСКО-ЯПОНСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (2022–2025)

Ким Анна Ивановна
студент
Владивостокский государственный университет
Научный руководитель — **Николенко Анастасия Алексеевна**
кандидат политических наук, доцент
г. Владивосток, Российская Федерация

Аннотация. *В статье анализируется влияние санкционной политики США и Европейского союза на российско-японские экономические отношения в 2022–2025 гг. Особое внимание уделено изменениям в торговых потоках, инвестиционной активности и стратегических секторах экономики, а также роли геополитических факторов в формировании двустороннего сотрудничества и перспективах его восстановления.*

Ключевые слова: *Российско-японские отношения, санкции США, санкции ЕС, торгово-экономические связи, инвестиции, энергетика, высокие технологии, геополитика, 2022–2025 гг.*

Российско-японские отношения на протяжении последних десятилетий характеризовались сложным сочетанием политических противоречий и экономического прагматизма. Несмотря на нерешённый территориальный спор вокруг Курильских островов, экономическое сотрудничество между Россией и Японией активно развивалось, особенно в сфере энергетики, торговли сырьевыми ресурсами и промышленного взаимодействия. До 2022 года Япония рассматривала Россию как важного экономического партнёра в регионе Северо-Восточной Азии. Экономические связи двух стран формировались на основе взаимодополняемости экономик: Россия выступала поставщиком природных ресурсов, а Япония обеспечивала технологические решения, инвестиции и промышленное оборудование.

Однако после 2022 г. ситуация претерпела существенные изменения. Под влиянием союзнических обязательств и стратегического партнерства с США Япония присоединилась к масштабным санкционным мерам, введенным

против России западными государствами. В рамках санкционной политики были введены ограничения на экспорт высокотехнологичной продукции, финансовые операции, инвестиционную деятельность и сотрудничество в ряде ключевых отраслей. Кроме того, японское правительство заморозило активы российских компаний и физических лиц, ввело ограничения на операции с российскими банками, а также поддержало меры по ограничению импорта ряда российских товаров. Данные шаги привели к существенной трансформации российско-японских экономических отношений. Сократились объемы торговли, значительно снизилась инвестиционная активность японских компаний на российском рынке, а ряд крупных корпораций приостановил или свернул свою деятельность в России.

Одновременно сохранялись отдельные направления сотрудничества, прежде всего в энергетической сфере, где Япония продолжала участвовать в проектах по добыче сжиженного природного газа на российском Дальнем Востоке, что было обусловлено соображениями энергетической безопасности страны. Санкционная политика США и ЕС оказала влияние на российско-японские отношения не только в экономическом, но и в геополитическом плане.

Усиление конфронтации между Россией и западными странами способствовало изменению баланса сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где Япония стремится укрепить стратегическое сотрудничество с США и другими союзниками. В этих условиях российско-японские отношения оказались вовлечены в более широкий контекст глобального геополитического противостояния, что существенно осложнило перспективы восстановления экономического сотрудничества между двумя странами.

Санкционная политика Запада и участие Японии в трансформации российско-японских отношений

Начало специальной военной операции России на Украине в феврале 2022 года вызвало мгновенную реакцию западных государств, прежде всего Соединённых Штатов и Европейского союза. В считанные месяцы был сформирован широкий пакет санкций, который затронул все ключевые секторы российской экономики. Меры включали заморозку активов российских банков, отключение части финансовых учреждений от системы SWIFT, ограничения на экспорт технологий и оборудования, а также запрет на поставку высокотехнологичной продукции, необходимой для промышленности, энергетики и оборонного сектора.

В дополнение к этим мерам были введены ограничения на торговлю энергоресурсами, включая нефть, уголь и сжиженный природный газ, а также финансовые и страховые барьеры для транспортировки российских энергоресурсов на международные рынки. Всё это создавалось с целью ограничить экономические возможности России и снизить её интеграцию в глобальную

экономическую систему, а также увеличить цену для государства за действия, нарушающие международный порядок. [1]

Япония, в свою очередь, обвинила Россию в агрессии по отношении к Украине, а также угрозой всему «цивилизационному» миру, полностью поддержав западную санкционную политику. Японское правительство заявило, что действия России подрывают принципы международного права, включая уважение суверенитета и территориальной целостности государств. В связи с этим Япония присоединилась к масштабному санкционному давлению на Россию, введя ограничения в отношении российских банков, компаний, технологий и отдельных физических лиц. Кроме того, были введены экспортные ограничения на высокотехнологичную продукцию и оборудование, а также заморожены активы ряда российских организаций и граждан. [2]

Введение санкций со стороны Японии стало переломным моментом в двусторонних отношениях. Российская сторона расценила действия Токио как недружественные и в ответ объявила о прекращении переговоров по заключению мирного договора между двумя странами, которые велись на протяжении десятилетий после окончания Второй мировой войны. Москва также остановила консультации по совместной хозяйственной деятельности на южных Курильских островах и ограничила ряд программ сотрудничества.

Следует отметить, что отсутствие мирного договора между Россией и Японией является одной из ключевых проблем двусторонних отношений. Основным препятствием для его заключения остаётся территориальный спор вокруг южной части Курильской гряды (острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и группа островов Хабомаи), которые в Японии называют «северными территориями». После начала конфликта на Украине этот вопрос оказался фактически заморожен, поскольку дипломатический диалог между странами значительно сократился. Японское руководство неоднократно подчеркивало, что ухудшение отношений с Россией напрямую связано с событиями на Украине.

В официальных документах Министерства иностранных дел Японии отмечается, что российско-японские отношения находятся «в крайне сложной ситуации» из-за действий России. При этом Токио продолжает формально придерживаться курса на заключение мирного договора и урегулирование территориального спора.

Со своей стороны российские официальные лица заявляют, что при нынешней политике Японии возобновление переговоров по мирному договору не представляется возможным. Российская сторона связывает ухудшение двусторонних отношений прежде всего с поддержкой Японией санкций против России и её участием в коллективных мерах стран Запада. В результате дипломатические контакты между двумя государствами оказались сведены к минимуму. [3]

Помимо политического измерения, специальная военная операция оказала влияние и на экономическое сотрудничество между Россией и Японией. Хотя часть энергетических проектов, таких как участие японских компаний в проектах «Сахалин-1» и «Сахалин-2», продолжает функционировать по прагматическим причинам, общий уровень экономического взаимодействия заметно сократился.

Торгово-экономические связи России и Японии в условиях санкций за 2022–2025 г.

Начало специальной военной операции России на Украине в феврале 2022 года оказало существенное влияние на систему международных экономических отношений, включая двусторонние торгово-экономические связи между Россией и Японией. Япония, являясь одним из ключевых союзников стран «Большой семёрки», присоединилась к санкционной политике в отношении Российской Федерации. Ограничительные меры включали замораживание активов российских компаний и физических лиц, запрет на экспорт ряда технологий и оборудования, а также ограничения в финансовой и инвестиционной сферах. В результате данные меры оказали заметное влияние на структуру и динамику российско-японской торговли. [4]

В 2022 году торгово-экономические отношения между Россией и Японией находились в переходном состоянии. Несмотря на ухудшение политических отношений и введение санкционных ограничений, общий товарооборот между странами временно увеличился. Это объяснялось прежде всего ростом мировых цен на энергоресурсы, которые занимают значительную долю российского экспорта в Японию. Увеличение стоимости поставок нефти, угля и сжиженного природного газа привело к росту стоимостных показателей импорта японской стороной российских товаров. При этом структура торговли в целом сохраняла традиционный характер: Россия экспортировала энергоресурсы, сырьевые товары и морепродукты, тогда как японский экспорт был представлен в основном автомобилями, промышленным оборудованием и технологической продукцией.

В 2023 году санкционная политика начала оказывать более заметное влияние на двустороннюю торговлю. Ограничения на поставки технологий и промышленного оборудования из Японии в Россию, а также общее сокращение экономического взаимодействия привели к значительному снижению объёмов торговли. Снижение коснулось как японского экспорта в Россию, так и импорта российских товаров. При этом энергетические поставки продолжали играть важную роль в торговых отношениях двух стран, поскольку Япония сохраняла интерес к российскому сжиженному природному газу в связи с задачами обеспечения энергетической безопасности.

В 2024 году тенденция к сокращению торгово-экономических связей между Россией и Японией продолжилась. На фоне сохраняющихся санкционных

ограничений и общей напряжённости в политических отношениях объёмы торговли снизились ещё больше. Особенно заметным стало сокращение импорта российских угля и нефти, поскольку Япония постепенно диверсифицировала источники энергоснабжения. В то же время поставки сжиженного природного газа продолжали сохраняться, поскольку японские компании остаются участниками энергетических проектов на российском Дальнем Востоке.

По итогам финансового года 2024–2025 торгово-экономическое взаимодействие между странами продолжило сокращаться, хотя темпы снижения стали менее резкими. В структуре торговли по-прежнему сохранялось доминирование энергетических ресурсов в российском экспорте и транспортных средств в японском экспорте. При этом многие компании обеих стран адаптировались к новым условиям, что позволило сохранить определённый уровень экономических контактов, несмотря на действующие санкции. [5]

Для более наглядного анализа динамики торгово-экономических отношений между Россией и Японией в период 2021–2025 гг. целесообразно представить сравнительные статистические показатели (таблица 1).

Таблица 1Торгово-экономические связи России и Японии (2021–2025)

Год	Общий товарооборот (млрд дол.)	Изменение к предыдущему году (%)	Экспорт в Японию (млрд дол.)	Импорт в РФ (млрд дол.)	Основные тенденции
2021	19,9	+22,9	10,8	9,1	Восстановление после COVID-19, рост экспорта энергоносителей из России; Япония экспортирует машины, оборудование и высокотехнологичную продукцию.
2022	20	+0,5	11,5	8,5	Начало санкций после февраля 2022 г.; высокий рост цен на энергоносители компенсировал сокращение поставок некоторых категорий.
2023	8,4	-58	4,8	3,5	Резкое сокращение торговли: ограничение импорта и экспорта технологических и энергетических товаров из-за санкций.

2024	7,6	-10	5,5	2,6	Снижение поставок угля и СПГ; японские машины и оборудование остаются основной импортной позицией.
2025	8,2	+8,7	5,9	2,3	Относительная стабилизация товарооборота на новом уровне; сохраняются экспорт энергоресурсов и импорт японских автомобилей и оборудования.

Анализ таблицы показывает, что торгово-экономические отношения России и Японии в период 2021–2025 гг. претерпели существенные колебания под воздействием внешних факторов. В 2021–2021 гг. наблюдался рост товарооборота на фоне восстановления мировой экономики после пандемии COVID 19: общий оборот достиг почти 20 миллиарда долларов США, при этом экспорт России в Японию оставался выше импорта благодаря поставкам энергоносителей.

С 2022 года начался переходный период: рост цен на нефть и газ частично компенсировал сокращение некоторых поставок, однако после начала санкций и ограничений на экспорт технологичной продукции торговля резко сократилась. В 2023 г. общий товарооборот упал почти вдвое по сравнению с 2021 г. и составил 8,4 миллиарда долларов США, а доля экспорта России уменьшилась, хотя энергоносители сохраняли ключевое значение. В таблице 2 представлена структура основных торговых потоков между странами. [6]

Таблица 2. Структура торговых потоков России и Японии (2020–2025), млрд дол.

Год	Энергоносители из России	Металлы и лес из России	Импорт оборудования и химии из Японии	Импорт автомобилей из Японии
2021	6,5	2,7	3,4	3,77
2022	6	2,6	2,7	3,2
2023	5,1	1,9	2,1	2,5
2024	5,5	2,1	2,5	2,1
2025	5,7	2,3	0,7	2,3

В 2024–2025 гг. наблюдается относительная стабилизация на новом низком уровне: экспорт РФ ориентирован на энергоносители, а импорт из Японии — на машины и оборудование.

Данные показывают, что даже в условиях санкций двусторонняя торговля сохраняет структурную специализацию. Это означает, что Российский экспорт преимущественно ориентирован на энергоресурсы — нефть, уголь и СПГ — которые остаются ключевым компонентом товарооборота и после введения санкций, хотя их объёмы и логистика претерпели изменения.

Импорт России из Японии по-прежнему сосредоточен на автомобилях, промышленном оборудовании и высокотехнологичных изделиях, хотя санкции и снижение поставок в 2022–2024 гг. временно сокращали объёмы. Данные таблицы 2 позволяют наглядно увидеть, как ключевые товарные категории сохраняли свои позиции в торговле, а динамика по годам отражает влияние внешнеполитических факторов, падение и последующую стабилизацию товарооборота. Эта таблица подтверждает вывод о том, что структура двусторонней торговли остаётся взаимодополняющей и сохраняет потенциал для постепенного восстановления экономических связей.

Экономические отношения России и Японии в будущем: перспективы и возможности улучшения

Экономические отношения между Россией и Японией на протяжении последних десятилетий характеризовались устойчивой взаимодополняемостью: Россия обеспечивала Японию энергоресурсами, а Япония — высокотехнологичной продукцией, машинами и оборудованием. Несмотря на резкое сокращение товарооборота в 2022–2024 годах из-за санкций и международной напряжённости, сохраняется фундаментальная заинтересованность обеих сторон в восстановлении и расширении экономического сотрудничества. Этот потенциал формирует основу для прогнозирования будущего развития двусторонних связей.

Перспективы экономического сотрудничества в будущем во многом зависят от структурных особенностей внешней торговли. Российский экспорт энергоносителей остаётся стратегически важным для Японии, которая стремится диверсифицировать источники энергии, снизив зависимость от конкретных поставщиков.

Одновременно российская промышленность нуждается в японских технологиях и оборудовании для поддержания производственных цепочек и модернизации инфраструктуры. Такой взаимный интерес создаёт условия для постепенного восстановления торговых потоков при смягчении внешнеполитической напряжённости.

Одним из ключевых факторов улучшения экономических отношений является диверсификация торговых каналов и инвестиционных проектов. Россия может предложить Японии новые совместные проекты в сфере энергоснабжения, транспортной и логистической инфраструктуры на Дальнем Востоке, а также в сфере инновационных технологий и промышленного производства. Для Японии важным стимулом является доступ к долгосрочным поставкам

сырьевых ресурсов и участие в модернизации российских региональных проектов, что может компенсировать риски, связанные с изменчивостью глобальных рынков.

Для практического улучшения экономических связей необходимы меры по повышению прозрачности и предсказуемости торговых и инвестиционных процессов. Это включает обеспечение стабильности валютных и финансовых расчётов, создание совместных механизмов страхования рисков, упрощение логистических цепочек и юридическую поддержку совместных проектов. Такие меры способны укрепить доверие между предпринимателями обеих стран и стимулировать новые формы взаимовыгодного сотрудничества. [7]

Не менее значимым является восстановление и расширение инвестиционной активности. Японские компании традиционно проявляли интерес к энергетическому сектору России, промышленному машиностроению и логистике.

Перспективным направлением могут стать совместные проекты по развитию инфраструктуры портов, транспортных коридоров и промышленных кластеров на Дальнем Востоке, что создаёт эффект синергии: Россия получает приток технологий и капитала, Япония — долгосрочную доходность и стратегическую стабильность поставок.

Вывод

Анализ российско-японских отношений в период 2020–2025 годов показывает, что двусторонние связи обладают высокой степенью структурной взаимодополняемости, которая сохраняется несмотря на значительное политическое и экономическое давление со стороны санкций. Санкционная политика США, ЕС и поддержка Японией этих мер привели к резкому сокращению товарооборота и инвестиционной активности, особенно в 2023 году, когда общий торговый оборот упал почти вдвое по сравнению с докризисным уровнем. Однако даже в условиях ограничений сохранялись отдельные направления сотрудничества, прежде всего в энергетическом секторе, где российский экспорт СПГ и нефти продолжал удовлетворять потребности Японии.

Динамика торговых потоков показывает, что российская сторона по-прежнему ориентирована на экспорт энергоносителей, сырья и морепродуктов, а японская — на машины, промышленное оборудование и высокотехнологичную продукцию. Такая специализация формирует основу для постепенного восстановления экономического взаимодействия при изменении внешнеполитической и санкционной обстановки. Перспективы улучшения двусторонних экономических отношений зависят от нескольких факторов. Во-первых, стратегическая взаимодополняемость экономик создаёт объективный интерес к восстановлению и расширению торговли. Во-вторых, диверсификация торговых каналов и инвестиционных проектов, особенно в сфере инфраструктуры, энергетики и высоких технологий, способна смягчить риски и обеспечить

долгосрочную стабильность сотрудничества. В-третьих, повышение прозрачности финансовых и юридических механизмов, а также совместное страхование рисков могут укрепить доверие между компаниями обеих стран.

Таким образом, несмотря на период резкого сокращения товарооборота и заморозку дипломатических инициатив, существует фундаментальный потенциал для восстановления и постепенного расширения экономических отношений России и Японии. Долгосрочное сотрудничество может быть обеспечено за счет сохранения энергетических поставок, совместных инфраструктурных и технологических проектов, а также постепенной адаптации бизнес-процессов к новым внешнеполитическим реалиям. Эти факторы позволяют прогнозировать, что российско-японские экономические отношения будут иметь перспективу постепенного роста и стабилизации после завершения активной фазы санкционного давления.

Список использованных источников

1. U. S. Department of State (USDOS).— URL: https://2021–2025.state.gov/division-for-counter-threat-finance-and-sanctions/ukraine-and-russia-sanctions/ (дата обращения: 10.03.2026).

2. Kim V. Japan dials up measures against Russia, aligning itself with the U.S. and Europe / V. Kim // The New York Times.— 2022.— Apr. 9.— URL: https://www.nytimes.com/2022/04/09/world/asia/japan-russia-ukraine.html

3. Antonov D. Russia sees no reason to discuss peace with Japan, the Kremlin says / D. Antonov // Reuters.— 2025.— Apr. 8.— URL: https://www.reuters.com/world/russia-sees-no-reason-discuss-peace-with-japan-kremlin-says-2025–04–08/

4. Nohara Y. Japan Adds Sanctions Against Russia in Line with G-7 Allies / Y. Nohara // Bloomberg.— 2024.— Mar. 1.— URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2024–03–01/japan-adds-sanctions-against-russia-in-line-with-g-7-allies

5. TASS Russian News Agency.— URL: https: https://tass.com/economy/ (дата обращения: 26.02.2026).

6. Trade Statistic of Japan Ministry of Finance 2025 // Statistics Bureau, Ministry of Finance.— URL: https://www.customs.go.jp/toukei/info/index_e.htm

7. Weidel H. Japan Seeks Improved Relations With Russia / H. Weidel // Jamestown.— 2024.— Jan. 9.— URL: https://jamestown.org/japan-seeks-improved-relations-with-russia/

DOI 10.34660/INF.2026.85.54.284

КИБЕРТЕРРОРИЗМ И КИБЕРРАДИКАЛИЗМ: СУЩНОСТЬ, ПОНЯТИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Тусупов Куаныш Муратханович
докторант, независимый эксперт
г. Алматы, Республика Казахстан

Аннотация: *В статье рассматриваются ключевые аспекты кибертерроризма и киберрадикализма, определяются их сущность, признаки и основные механизмы реализации. Особое внимание уделяется современным угрозам национальной безопасности, возникающим в результате активности террористических и радикальных организаций в киберпространстве. Проанализированы существующие подходы к противодействию данным угрозам, включая государственные стратегии, международное сотрудничество и технологии информационной защиты. Работа носит междисциплинарный характер и направлена на формирование целостного понимания рисков киберугроз и путей их нейтрализации.*

Ключевые слова: *кибертерроризм, киберрадикализм, национальная безопасность, информационная безопасность, киберугрозы, радикализация в сети.*

Современное общество стремительно интегрируется с цифровыми технологиями, что приводит к росту значимости киберпространства как сферы стратегических интересов государства. Наряду с развитием информационных технологий усиливаются угрозы, связанные с кибертерроризмом и киберрадикализмом. Эти явления представляют собой не только новые формы насилия и дестабилизации, но и прямую угрозу национальной безопасности, функционированию критической инфраструктуры, экономике и социальной стабильности. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа современных угроз, выявления механизмов их реализации и разработки стратегий противодействия.

В научной литературе вопросы кибертерроризма, киберрадикализма и связанных с ними угроз национальной безопасности исследуются рядом как зарубежных, так и отечественных ученых. Среди зарубежных исследователей особое внимание уделялось проблемам информационной безопасности и угрозам

в киберпространстве, в том числе работам G. Weimann, M. Sageman, O. Roy, V. M. Hashemi, а также российским авторам В. М. Грызлову и А. Б. Перцеву.

В последние годы отечественные ученые, такие как А. А. Умирзакова, Г. К. Чунгулова и другие, активно исследуют вопросы киберугроз и виртуальных рисков.

В научной литературе вопросы кибертерроризма и киберрадикализма освещаются в работах по кибербезопасности, международной безопасности и криминологии. Значительное внимание уделяется законодательным аспектам, методам предотвращения киберугроз и анализу кейсов кибератак. Однако существует пробел в комплексном междисциплинарном анализе социально-политических причин радикализации в цифровой среде, а также в изучении взаимодействия киберугроз с национальной безопасностью. Это подчеркивает необходимость дальнейшего системного исследования темы, направленного на формирование эффективных стратегий противодействия кибертерроризму и киберрадикализму.

Целью статьи является исследование сущности и понятий кибертерроризма и киберрадикализма, выявление современных угроз национальной безопасности.

Развитие цифровой коммуникации кардинально изменило характер распространения радикальных религиозных идей. Интернет стал основной средой формирования, усиления и институционализации религиозного радикализма вне традиционных социальных и идеологических каналов влияния. Радикальные группы активно адаптируют свои стратегии к особенностям сетевой среды, используя её технологические, психологические и социокультурные возможности для расширения своей аудитории и повышения эффективности воздействия на целевые группы.

В современную эпоху глобализации интернет превратился в важный инструмент, охватывающий все сферы жизни человечества. Поскольку он используется для обмена информацией, получения знаний и обмена мнениями, он играет особую роль и в распространении религиозной информации. Доступ к религиозному контенту через интернет стал значительно более доступным и быстрым: теперь нет необходимости обращаться только к традиционным религиозным институтам, онлайн-платформы предоставляют информацию круглосуточно.

Казахстанские и международные исследования рассматривают влияние интернет-пространства на процессы религиозной радикализации как многогранное социально-психологическое явление. В последние годы виртуальная среда стала основной площадкой для идеологической пропаганды радикальных групп, привлечения новых сторонников и расширения транснациональных религиозно-фундаменталистских сетей. Этот процесс особенно распространён среди молодежи и активных пользователей информационных технологий.

Исследование И. У. Сакеиной выделяет систематическое использование интернет-ресурсов вооружёнными группами, действующими под прикрытием религиозной риторики, в качестве одного из ключевых факторов религиозной радикализации [1, с. 16–17]. В частности, радикальные организации распространяют следующие идеологические конструкции:

– целенаправленное искажение аятов Корана и хадисов;
– представление джихада как «обязанности каждого мусульманина»;
– интерпретацию отказа от присоединения к организации как «неверия»;
– изображение женщин как «источника зла» в обществе.

Эти нарративы распространяются через глобально доступные платформы, такие как YouTube, Facebook, X, WhatsApp. При этом радикальные организации используют двойную стратегию: с одной стороны, публикуют откровенно экстремистский контент (насилие, инструкции, военные материалы), с другой — распространяют нейтральный информационный и религиозно-просветительский контент, что позволяет обходить политику платформ в отношении запрещённого контента.

Скрытые методы вербовки также активно применяются в онлайн-среде. Радикальные группы:

– идентифицируют потенциальных сторонников на основе профильной информации;
– устанавливают контакт через личные сообщения;
– приглашают в закрытые чаты и небольшие группы;
– проводят идеологическое влияние скрытно, постепенно формируя приверженность к организации.

В то же время исследование RAND Corporation, посвящённое 15 британским террористам, показало, что интернет способствовал распространению экстремистских идей, но не являлся главным фактором радикализации [2, с. 59]. Данные исследования позволяют сделать следующие выводы:

– радикализация никогда не происходила исключительно под влиянием онлайн-контента;
– онлайн-активность всегда сопровождалась оффлайн идеологическими связями;
– радикальные идеи у некоторых субъектов возникали ещё до появления интернета;
– значительное влияние на радикализацию оказывали члены семьи и близкое социальное окружение.

Таким образом, интернет следует рассматривать как инструмент, ускоряющий и поддерживающий процессы радикализации, но не как их основу. Основой процесса являются социально-психологические отношения, формирующие восприимчивость к радикальным идеям.

Киберрадикализм определяется как использование цифровых платформ, инструментов онлайн-коммуникации и социальных сетей для пропаганды экстремистских идеологий, привлечения новых сторонников и координации действий радикальных групп [3].

Если традиционная радикализация чаще зависела от географических и социальных ограничений, то киберрадикализм использует глобальные возможности интернета, создавая сетевые сообщества и транснациональные группы единомышленников. При этом внимание уделяется не только распространению экстремистского контента, но и взаимодействию пользователей в режиме онлайн, обсуждению и адаптации радикальных нарративов в реальном времени.

Сущность киберрадикализма заключается в преодолении традиционных временных, пространственных и социально-структурных ограничений. Он представляет собой гибридную форму радикализации, в которой сочетаются идеологическая пропаганда, цифровая грамотность, сетевые коммуникации и алгоритмическая доставка контента. Основное значение имеет использование социальных, психологических и когнитивных уязвимостей потенциальных участников, особенно подростков и молодежи, представляя проблемы общества как вопросы справедливости, личного недовольства или кризиса личности, требующие милитаристских решений.

Благодаря высокой адаптивности киберрадикализм позволяет радикальным группам корректировать стратегию в зависимости от политики платформ, реакции аудитории и глобальных событий, что делает его динамичной и устойчивой формой экстремизма.

Киберрадикализм, тесно связанный с кибертерроризмом, представляет собой использование цифровых платформ, онлайн-коммуникаций и социальных сетей для пропаганды экстремистских идеологий, привлечения новых сторонников и координации действий радикальных групп [3, 4]. Содержание киберрадикализма включает несколько ключевых элементов:

1. Идеологические нарративы — искажение религиозных текстов, экстремистские политические идеи, оправдание насилия и нетерпимости. Например, радикальные исламские группы могут представлять джихад как обязательный для каждого верующего, искажая аяты Корана и хадисы.

2. Привлечение и таргетирование аудитории — использование личных сообщений, закрытых чатов и алгоритмического таргетинга для воздействия на социально изолированных или психологически уязвимых пользователей.

3. Операционные инструкции — распространение материалов, направленных на подготовку насильственных действий (изготовление взрывчатки, участие в протестах или кибератаках).

4. Символические и культурные элементы — визуальные символы, лозунги и специфические языковые конструкции, укрепляющие идентичность группы.

5. Манипуляция социальными платформами — стратегическое использование алгоритмов социальных сетей для вирусного распространения контента, формирования «эхо-камер» и поддержки онлайн-сообществ.

Таким образом, киберрадикализм представляет собой сложное технологическое, социальное и идеологическое явление. Его исследование требует учета психологических уязвимостей пользователей, возможностей цифровых платформ и социально-политического контекста, в котором развиваются радикальные нарративы. Понимание киберрадикализма, его сущности и содержания имеет критическое значение для разработки современных программ цифровой безопасности, профилактических мероприятий и стратегий защиты молодежи от радикализации.

Особенностью киберрадикализма является устранение виртуальным пространством географических, культурных и политических барьеров, что обеспечивает доступ радикального контента для неограниченной аудитории.

Теоретически киберрадикализм можно рассматривать как трехуровневый процесс, основанный на цифровой природе коммуникаций:

– Уровень распространения идей: радикальные группы распространяют свою идеологию в мультимедийном формате (видео, аудио, мемы, лекции);

– Уровень социальных связей: установление коммуникаций через сети, привлечение в закрытые группы, формирование внутригрупповой идентичности;

– Организационный уровень: распространение инструкций, координация действий и распределение задач через закрытые чаты.

Кибертерроризм рассматривается как использование информационно-коммуникационных технологий, цифровых платформ и сетей для организации террористических действий, распространения экстремистских идей и координации деятельности радикальных групп с целью воздействия на политические, экономические и социальные структуры государства. Основная особенность кибертерроризма заключается в преодолении географических, временных и организационных ограничений, что позволяет террористическим структурам атаковать критическую инфраструктуру, финансовые системы и государственные информационные ресурсы в глобальном масштабе.

Кибертерроризм — комплекс незаконных действий в киберпространстве, создающих угрозу государственной безопасности, личности и обществу. Может привести к порче материальных объектов, искажению информации или другим проблемам. Основной целью кибертерроризма является влияние на решение социальных, экономических и политических задач [5].

Кибертерроризм представляет собой серьезную угрозу национальной безопасности, так как он позволяет радикальным и террористическим организациям:

– обходить физические и географические барьеры, действуя на глобальном уровне;

– воздействовать на критическую инфраструктуру, государственные информационные системы и финансовые сети;

– использовать цифровые каналы для вербовки новых сторонников и радикализации граждан;

– адаптироваться к изменениям в политическом и социальном контексте, а также к политике платформ, обеспечивая устойчивость своих стратегий [3, 4].

Таким образом, кибертерроризм и киберрадикализм представляют собой комплексные социально-технологические явления, объединяющие идеологическое, организационное и коммуникационное воздействие в цифровой среде. Их изучение имеет критическое значение для разработки современных стратегий информационной безопасности, противодействия радикализации и защиты национальных интересов.

В Республике Казахстан противодействие киберугрозам, терроризму и радикализации в цифровой среде продолжает оставаться важным направлением государственной политики. Одним из ключевых нормативно-правовых документов в этой сфере является Закон Республики Казахстан «О национальной безопасности» от 6 января 2012 года № 527-IV, в котором в качестве одной из угроз прямо указана информационная безопасность [6]. Кроме того, основу правового регулирования противодействия экстремизму и терроризму составляют Закон Республики Казахстан «О противодействии терроризму» от 18 июня 1999 года № 360-I [7] и Закон Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» [8] регулирующий меры профилактики и ответственности за экстремистскую деятельность, включая распространение радикальных идей.

В целях реализации положений этих законов и укрепления киберзащиты на национальном уровне была принята Постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 года № 269 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации, развития сферы информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023–2029 годы» [9], направленная на совершенствование правовой, организационной и технической базы обеспечения кибербезопасности, защиту критической информационной инфраструктуры и предотвращение распространения радикальных идей через цифровые платформы.

Принятые меры демонстрируют системный подход Казахстана к формированию устойчивой цифровой среды, повышению уровня национальной безопасности и созданию комплексной системы противодействия кибертерроризму и киберрадикализму.

В заключение, кибертерроризм и киберрадикализм представляют собой современные угрозы национальной безопасности, обусловленные глобальной интеграцией цифровых технологий и широким распространением интернет-платформ. Киберрадикализм использует идеологические нарративы,

операционные инструкции и алгоритмические возможности социальных сетей, что позволяет преодолевать географические и социальные ограничения. Кибертерроризм проявляется как организационно-техническая угроза критической инфраструктуре и государственным системам. Эффективное противодействие этим угрозам требует комплексного подхода, включающего законодательное регулирование, развитие киберинфраструктуры и профилактические меры. Понимание сущности и особенностей кибертерроризма и киберрадикализма необходимо для формирования стратегий информационной безопасности и защиты населения от вовлечения в экстремистские сети.

Список литературы

1. Sakeena Ishfaq U. The Role of Social Media in Propagating the Religious' Popular Narratives and Radicalization // Global Digital & Print Media Review. 2023. Vol. 6. No. 3.— Pp. 16–27

2. Von Behr I., Reding A., Edward C., Gribbon L. Radicalisation in the digital era. The use of the internet in 15 cases of terrorism and extremism. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2013.— 59 p.

3. Davidson C., Harris J. CyberRadicalism: A New Left for a Global Age.— Chicago, 2005.— 310 p.

4. Sevde Kapu Triangle of cyber, terrorism and radicalization — 2021 — URL: https://www.academia.edu/54181658/triangle_of_cyber_terrorism_and_radicalization (дата обращения: 17.02.2026).

5. Кибертерроризм. URL:// https://www.anti-malware.ru/threats/cyberterrorism (дата обращения: 10.03.2026).

6. О национальной безопасности Республики Казахстан Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года № 527-IV. URL:// https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000527/z1200527.htm (дата обращения: 10.03.2026).

7. О противодействии терроризму Закон Республики Казахстан от 13 июля 1999 года № 416. URL://https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000416_(дата обращения: 10.03.2026).

8. О противодействии экстремизму Закон Республики Казахстан от 18 февраля 2005 года N 31. URL://https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000031_(дата обращения: 10.03.2026).

9. Об утверждении Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023–2029 годы Постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 года № 269. URL://https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269 (дата обращения: 10.03.2026).

DOI 10.34660/INF.2026.85.82.044

ЦИФРОВАЯ ЭПОХА И НОВЫЕ ФОРМЫ СЕПАРАТИЗМА

Нуржигит Нурболат Сейткулулы
докторант, независимый эксперт
г. Алматы, Республика Казахстан

Аннотация: *В статье рассматриваются особенности трансформации сепаратизма в условиях цифровой эпохи. Анализируются новые формы и механизмы функционирования сепаратистских движений, обусловленные развитием информационно-коммуникационных технологий. Особое внимание уделяется роли социальных сетей, цифровых платформ и онлайн-коммуникаций в процессе мобилизации сторонников, распространения идеологий и координации действий. Отмечается, что цифровая среда существенно расширяет возможности сепаратистских движений, одновременно создавая новые вызовы для государств и международного сообщества. Делается вывод о необходимости разработки современных подходов к противодействию цифровым формам сепаратизма.*

Ключевые слова: *сепаратизм, цифровая эпоха, социальные сети, информационное пространство, политические процессы, государственный суверенитет.*

В условиях стремительной цифровизации общественных и политических процессов сепаратизм приобретает новые формы и инструменты реализации. Развитие интернет-технологий, социальных сетей и цифровых платформ существенно трансформирует способы мобилизации сторонников, распространения идеологий и координации действий сепаратистских движений. Цифровая среда способствует усилению транснациональных связей, анонимности и скорости распространения информации, что усложняет контроль со стороны государств и международных институтов. В связи с этим исследование новых форм сепаратизма в цифровую эпоху представляется особенно актуальным как с теоретической, так и с практической точек зрения.

В современных условиях глобальной нестабильности и усиления информационного воздействия особую значимость приобретает проблема сепаратизма как угрозы государственной целостности и общественной стабильности. Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев неоднократно

подчеркивал необходимость противодействия данному явлению, рассматривая его в контексте современных вызовов безопасности. Так, Глава государства отмечает, что необходимо «жестко противостоять любым проявлениям радикализма, экстремизма и сепаратизма», поскольку подобные явления направлены на подрыв общественного единства и стабильности государства [1].

Более того, в условиях развития цифровых технологий и распространения деструктивной информации сепаратизм может усиливаться за счет манипуляций в информационном пространстве и внешнего воздействия.

Таким образом, позиция высшего политического руководства Казахстана подтверждает, что сепаратизм рассматривается как одна из ключевых угроз современности, требующая комплексного научного осмысления, особенно в контексте цифровой трансформации общества.

Проблематика сепаратизма достаточно широко освещена в зарубежной (Е. А. Нарочницкая, А. В. Баранов, С. В. Погорельская, О. Ю. Курныкин, А. В. Авраменко, А. Д. Козуева) и отечественной (Д. Сатпаев, А. Сырым, Р. Жумалы, М. Шибутов и др.) научной литературе, где рассматриваются его политические, правовые, исторические и этнокультурные аспекты. Вместе с тем вопросы трансформации сепаратизма под влиянием цифровых технологий остаются недостаточно изученными. В существующих исследованиях лишь частично затрагиваются проблемы использования социальных сетей, цифровых коммуникаций и информационных технологий в деятельности сепаратистских движений. Таким образом, наблюдается дефицит комплексных исследований, посвящённых анализу новых форм сепаратизма в условиях цифровой эпохи.

Целью настоящей статьи является анализ трансформации сепаратизма в условиях цифровой эпохи, выявление его новых форм и инструментов, а также оценка влияния цифровых технологий на развитие и распространение сепаратистских движений.

Своевременное выявление факторов, способных привести к росту сепаратизма, а также качественная и объективная оценка политических процессов в обществе и совершенствование системы государственного управления позволяют снизить риск распространения подобных движений, а также угрозу радикализации и подрыва территориальной целостности государства.

Сепаратизм (фр. séparatisme, от лат. separatus — «отдельный») представляет собой теорию, политику и практику, направленные на отделение части территории от государства (сецессию). Он рассматривается как особый тип политических движений, основанных на идеологии, обосновывающей необходимость обособления определённой территории или сообщества [2, с. 33]. Подобные движения, как правило, возникают на фоне социально-политической нестабильности и могут быть направлены на ослабление или ликвидацию государственного суверенитета над частью территории.

В научной литературе сепаратизм нередко определяется как крайняя форма реализации права на самоопределение, сопровождающаяся дезинтеграционными процессами, представляющими угрозу международной, региональной и национальной стабильности [3, с. 14–26].

Казахстанские исследователи также обращают внимание на современные проявления сепаратизма. Так, Д. Сатпаев подчёркивает опасность так называемого «идейного сепаратизма», указывая, что внутренний раскол общества повышает уязвимость государства к внешнему воздействию [4]. В свою очередь, А. Сарым отмечает наличие в информационном пространстве провокационных материалов, способных способствовать разжиганию сепаратистских настроений и дестабилизации общественно-политической ситуации [5].

На международном уровне проблема сепаратизма также рассматривается как одна из ключевых угроз безопасности. В частности, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) относит сепаратизм к числу трёх основных угроз наряду с терроризмом и экстремизмом. В рамках организации принимаются комплексные меры по противодействию данным явлениям, включая Программу сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2025–2027 годы [6].

В условиях цифровой трансформации общества сепаратизм приобретает качественно новые формы, обусловленные развитием информационно-коммуникационных технологий. Одной из таких форм является так называемый «идейный» сепаратизм, который проявляется преимущественно в виртуальном пространстве и не всегда сопровождается активными политическими действиями, однако формирует устойчивую идеологическую базу для потенциальных сепаратистских настроений. Важную роль в данном процессе играют цифровые сообщества, объединяющие пользователей по признаку общей идентичности, взглядов или региональной принадлежности. В рамках таких сообществ происходит формирование альтернативных политических дискурсов, зачастую противопоставляемых официальной государственной позиции.

Особое значение в распространении сепаратистских идей приобретают современные формы цифровой коммуникации, включая мемы, нарративы и элементы сетевой пропаганды. Упрощённые визуальные образы, эмоционально окрашенные сообщения и повторяющиеся информационные конструкции способствуют быстрому усвоению и тиражированию определённых установок, формируя у аудитории искажённое восприятие политической реальности. Например, в ряде зарубежных исследований показано, что в рамках конфликта в Каталонии 2017 года активное использование мемов и онлайн-нарративов в социальных сетях усиливало сепаратистские настроения и формировало устойчивые идентичностные группы среди молодёжи [7, с. 456–474].

В Казахстане, несмотря на отсутствие крупных открытых сепаратистских движений, эксперты отмечают, что в сети периодически появляются публикации, способные стимулировать обсуждение региональной автономии и этнической идентичности, что указывает на потенциальные риски цифрового распространения радикализированных идей [5].

Инструментальная база цифрового сепаратизма значительно расширилась в последние годы. Социальные сети выступают ключевым каналом распространения информации и мобилизации сторонников, обеспечивая широкий охват аудитории и оперативность коммуникации.

Так, в ходе движения за независимость Каталонии в 2017 году активное использование платформ Twitter, Facebook и YouTube позволило распространять политические сообщения и координировать акции протеста, обходя традиционные средства массовой информации и государственный контроль [8, с. 1–12].

Особую роль играют мессенджеры и видеохостинги, позволяющие распространять контент в закрытых группах и каналах. Например, исследование использования Telegram показало, что закрытые каналы создают среду для обмена политическими нарративами и инструкциями без возможности мониторинга со стороны государства [9, с. 45–61].

Аналогичные процессы наблюдаются и в Казахстане, где цифровые платформы могут способствовать обсуждению региональных и этнических вопросов, создавая потенциальную платформу для радикализированных дискуссий.

Дополнительным инструментом воздействия выступают автоматизированные технологии, включая ботов и алгоритмы продвижения контента. Их применение позволяет искусственно усиливать значимость определённых тем, формировать иллюзию массовой поддержки и влиять на общественное мнение. Алгоритмические механизмы рекомендаций способствуют закреплению информационных «пузырей», в рамках которых пользователи получают преимущественно однородную информацию, усиливающую их первоначальные убеждения.

Механизмы влияния цифрового сепаратизма базируются на использовании технологий манипуляции общественным сознанием. Через целенаправленное распространение фейковой информации и дезинформации формируются искажённые представления о политической и социальной ситуации. Информационные кампании, направленные на дискредитацию государственных институтов и усиление протестных настроений, способны оказывать значительное влияние на общественную стабильность. В совокупности данные факторы формируют благоприятную среду для распространения сепаратистских идей и усиления дезинтеграционных процессов в обществе.

Подводя итог, можно отметить, что цифровая эпоха существенно трансформировала формы и методы реализации сепаратизма. Современные

информационно-коммуникационные технологии, социальные сети, мессенджеры и видеоплатформы создают новые возможности для формирования идейного поля, координации действий и мобилизации сторонников, одновременно усложняя контроль со стороны государственных и международных институтов. Мемы, нарративы и сетевые пропагандистские конструкции ускоряют распространение идей, формируют устойчивые цифровые сообщества и усиливают дезинтеграционные процессы в обществе.

Инструменты цифрового сепаратизма, включая автоматизированные алгоритмы, ботов и закрытые каналы коммуникации, повышают эффективность информационного воздействия, способствуют формированию искажённого восприятия политической реальности и создают благоприятные условия для манипуляций общественным сознанием. В совокупности эти факторы трансформируют традиционный сепаратизм в новые формы, требующие комплексного научного изучения и разработки современных методов противодействия.

В заключение следует подчеркнуть, что исследование цифровых аспектов сепаратизма актуально как для теоретического понимания процессов дезинтеграции в обществе, так и для практического формирования государственных и международных стратегий предотвращения угроз национальной и региональной безопасности. Дальнейшие исследования могут быть направлены на выявление конкретных цифровых механизмов распространения сепаратистских идей, а также на разработку эффективных инструментов мониторинга и информационно-просветительской деятельности, позволяющих снижать потенциальные риски цифрового сепаратизма.

Список литературы

1. Мы должны жестко противостоять проявлениям радикализма, экстремизма и сепаратизма — Токаев.— 20.10.2022.— URL: http://www.kaztag.kz/ru/news/ (дата обращения: 17.02.2026).

2. Сепаратизм / А. И. Тэвдой-Бурмули // Сен-Жерменский мир 1679 — Социальное обеспечение.— М.: Большая российская энциклопедия, 2015.— С. 33.

3. Нарочницкая Е. А. Понимание сепаратизма // Актуальные проблемы Европы: Научный журнал.— 2015.— № 1.— С. 14–26.

4. Ключевые риски для Казахстана обозначил политолог Д. Сатпаев.— 14.04.2016 — URL: http://www.vlast.kz/politika/16752-klucevye-riski-dla-kazahstana-oboznacil-politolog-dosym-satpaev.html (дата обращения: 19.03.2026).

5. Сарым А. «Западный сепаратизм» — анализ публикаций в интернет — СМИ Казахстана.— 2013 — URL: http://www.abai.kz/post/16298 (дата обращения: 15.02.2026).

6. Об утверждении Программы сотрудничества государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в противодействии терроризму, сепаратизму и экстремизму на 2025–2027 годы (№ 6 от 4 июля 2024 года).— 2024 — URL: http://www. rus.sectsco.org/images/07e8/0b/15/1598919.pdf (дата обращения: 02.03.2026).

7. Rodríguez P., Feixa C. Social media and the Catalan independence movement: The role of memes and narratives. Journal of Political Communication, 35(4).— 2018.— p.456–474.

8. Graham T., Wright S. Social media, mobilization, and the Catalan independence movement. Social Media + Society, 4(3),— 2018.— p.1–12.

9. Zeng J., Li X. Telegram and the diffusion of political content in protest movements. Journal of Digital Politics, 6(2),— 2020.— p. 45–61.

DOI 10.34660/INF.2026.82.79.237

КРИПТОАКТИВЫ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: МУЛЬТИПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Фурсов Андрей Викторович
аспирант
РУДН им. Патриса Лумумбы

Аннотация. *Данная статья, на основе мультипарадигмальности теоретический социологии, коцептуализирует криптоактивы как многомерный объект социальной реальности. В рамках данной работы криптоактивы концептуализируются с позиций макросоциологических (структурный функционализм, неоинституционализм), микросоциологических (социология денег, символический интеракционизм) и мезоподходов (теория структурации, акторно-сетевая теория), каждый из которых обозначает теоретические рамки, на основании которых можно выдвигать гипотезы и проводить эмпирические исследования.*

Ключевые слова: *криптоактивы, теоретическая социология, структурный функционализм, неоинституционализм, теория структурации, акторно-сетевая теория, социология денег, символический интеракционизм*

Появление Биткоина в 2008 году и его активная массовизация в 2010-х и 2020-х годах спровоцировали цепь социально-экономических процессов, частью которых на данный момнет являются как отдельно взятые акторы, так и крупные институты, включая крупнейшие государства. Криптосфера, несмотря на её относительно малый процент в мировых экономических процессах, вышла далеко за рамки Биткоина и стала неотъемлемой частью социальной реальности.

Однако, в настоящее время существует дефицит работ, рассматривающих криптоактивы с точки зрения социологической науки. Однако, присущая социологическому знанию мультипарадигмальность способна представлять набор исследовательских оптик, каждая из которых позволяет исследовать различные грани данного феномена. Теоретическая рефлексия в рамках макро-, микро- и мезоуровней дает возможность рассмотреть криптоактивы не просто как технологический продукт, но как динамический элемент социальной системы, обладающий собственным набором функций, институциональных правил и символических смыслов.

Так, для макроподходов первично то, каким образом функционируют крупные социальные структуры, институты и государства, ввиду чего с данных позиций криптоактивы возможно исследовать как элемент этих структур. Например, с точки зрения структурного функционализма в интерпретации Т. Парсонса [7] возникновение криптоактивов можно интерпретировать как адаптивный ответ на цифровизацию и кризис доверия к традиционным финансовым институтам, вследствие событий 2008 года (мировой экономический кризис). В рамках схемы AGIL данный феномен уже реализует функции адаптации (A) (криптоактивы как адаптация к цифровизации и реакция на макроэкономическую нестабильность) и целедостижения (G) (обеспечение децентрализованной системы неподконтрольной напрямую государственным институтам); на данный момент наблюдается процесс интеграции (I) данной сферы в глобальный социальный порядок. Однако, на текущем этапе криптосфера выступает скорее фактором энтропии, чем стабилизации, поскольку механизмы воспроизводства образца (L) еще не прошли полный цикл институционализации в глобальном масштабе, ввиду того, что сфера пока является «молодой» (первые скачки роста Биткоина произошли в 2013 году на фоне кипрского кризиса, а массовый «бум» с 2017 года).

С позиции Р. Мертона [6], генезис криптовалют можно рассматривать как тип адаптации к состоянию аномии, возникшему вследствие дисфункции традиционных финансовых и политических институтов. Явная функция криптоактивов заключается в создании альтернативной системы транзакций, накоплений и инвестиций, тогда как латентные дисфункции могут проявляться в подрыве государственного контроля. Следствием перечисленных особенностей является то, что на данный момент государства реагируют на криптосферу с различных позиций, от полного запрета (КНР, Непал) и частичного регулирования (США, РФ) до полной легализации в качестве денежных средств (Сальвадор).

С точки зрения неоинституционализма Д. Норта, криптоактивы представляют собой попытку создания альтернативного социально-экономического института. Основная цель этого института может заключаться в радикальном снижении транзакционных издержек за счет исключения посредников (банков, регуляторов) и замены их алгоритмическими протоколами. Например, смарт-контракты выступают как «самоисполняющиеся правила», минимизирующие издержки на мониторинг и принуждение к исполнению обязательств, которые в традиционной экономике обеспечиваются государственным аппаратом.

Однако внедрение этого нового института сталкивается с «эффектом колеи». Старые финансовые и правовые институты, обладая огромным ресурсом и инерцией, сопротивляются изменениям, создавая институциональные барьеры. Таким образом, социологический анализ по Д. Норту [4] фокусируется на конфликте между формальными правилами (государственное

регулирование) и новыми институциональными нормами, перекладывающие доверие с традиционных финансовых систем, поддерживаемых юридической системой, к децентрализованным цифровым активам, обеспечивающихся математическими алгоритмами.

Социологическая наука, помимо макроподходов, рассматривающих криптосферу как элемент глобальных систем, который оказывает институциональное влияние, важными являются и микроподходы, смещающие фокус анализа с социетальных структур, на микроструктуры. В отличие от макроструктурных подходов, фокусирующихся на системных эффектах, микроанализ позволяет исследовать интеграцию криптоактивов в повседневную реальность на уровне малых групп и индивидов. Так, в рамках символического интеракционизма (Г. Блумер) [1] криптоактивы рассматриваются как социальный конструкт, значение которого производно от коллективных интерпретаций и определяет реальное финансовое поведение участников. Например, для одних акторов социальной реальности Биткоин воспринимается как «цифровое золото» — актив, способный приносить при правильном использовании долгосрочную прибыль, другие акторы могут наделять его же символическим значением «спекулятивного актива», превращая финансовые операции в некую игру; иные категории акторов могут являться противниками данных активов, считая их ненадежными и наделяя его символом «финансовая пирамида/пузырь» или «актив для совершения преступлений».

В микросоциологическом подходе выделим также социологию денег (Г. Зиммель [8], В. Зелизер [2]). В классической теории Г. Зиммеля криптоактивы выступают как высшая точка «интеллектуализации» и абстрагирования обмена. Зиммель рассматривал деньги как инструмент, освобождающий личность от жестких социальных связей; в этом ключе криптовалюта — это «чистая форма» денег, отделенная от государственного надзора и материальной оболочки, что максимизирует индивидуальную свободу и рациональность актора.

Подход В. Зелизер позволяет увидеть социальную «укорененность» криптоактивов. Согласно её теории «множественных денег», индивиды постоянно занимаются «маркировкой» своих средств, что частично связывает данный подход с символическим интеракционизмом. Так, с точки зрения данных концепций криптоактивы целесообразно рассматривать не как обезличенные финансовые инструменты, но как активы, наделяемые особыми социальными смыслами (например, «инвестиции в будущее», «деньги для идеологического протеста» или «лотерейные билеты»).

Несмотря на неоспоримую важность как макро, так и микроподходов, современная социологическая мысль богата на концепции, преодолевающие жесткое разделение на глобальные структуры и индивидуальные взаимодействия. На «мезо-уровне» криптоактивы рассматриваются как сложные

системы, где технологические инновации и социальные практики переплетаются, формируя новые способы организации социальной реальности.

Например, в рамках теории структурации Э. Гидденса [3], криптоактивы можно рассматривать через призму дуальности «агент-труктура». Так, совершая транзакции, индивиды не просто обмениваются ценностью, но и воспроизводят саму структуру децентрализованной сети. Таким образом, криптосфера — это динамический процесс, существующий только до тех пор, пока акторы своими повседневными практиками подтверждают легитимность алгоритмических правил. Структура существует до тех пор, пока акторы воспроизводят её своими действиями.

Также применительно для криптосферы, всецело полагающуюся на цифровые технологии релеватной теорией выступает акторно-сетевая теория (Б. Латур) [5]. С точки зрения данной теоретической рамки криптоактивы и связанные с ними инструменты (блокчейн, биржи, смарт-контракты, нарративы и т. д.) обладают собственной агентностью, выступая в роли полноправных «нечеловеческих акторов». Например, смарт-контракты, являющиеся «самоисполняющимися договорами» активно «предписывают» человеческим акторам определенные модели поведения. Социологический анализ в этой оптике фокусируется на делегировании социальных функций алгоритмам, что пересобирает социальный ландшафт, исключая традиционных посредников в виде людей, банков или государства.

Таким образом, представленный обзор различных теоретических оптик показывает, что криптосфера является не просто финансовым инструментом, но и динамичным пространством пересборки отношений власти, доверия и идентичности, что открывает широкое поле для дальнейших эмпирических исследований в рамках социологической науки.

Список источников:

1. Блумер Г. Общество как символическая интеракция //Современная зарубежная социальная психология: тексты/Под ред Т М Андреевой [и др] М: Изд-во МГУ.— 1984.— С. 173–179.

2. Вивиана З. Создание множественных денег //Экономическая социология.— 2002.— Т. 3.— № . 4.— С. 58–72.

3. Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структурации.— 2005.

4. Дуглас Н. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики/пер. с англ. АН Нестеренко; предисл. и науч. ред. БЗ Мильнера //М.: Фонд экономической книги «Начала.— 1997.— Т. 74.

5. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию.— Litres, 2022.

6. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия //Социология власти.— 2010.— № . 4.— С. 212–223.

7. Парсонс Т. Социальные системы //Вопросы социальной теории.— 2008.— Т. 2.— № . 1.— С. 2.

8. Simmel G. Philosophy of Money. Boston, 1978.

DOI 10.34660/INF.2026.82.98.273

ФОРМИРОВАНИЕ НАДПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕДИКО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО И ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТОВ

Онбыш Татьяна Евгеньевна
кандидат фармацевтических наук, доцент ВАК
Скалозуб Дмитрий Владимирович
Косянок Дарья Андреевна
Рыбасов Юрий Александрович
Кубанский государственный медицинский университет, Краснодар, Российская Федерация

Аннотация: *В статье представлены результаты тестирования надпрофессиональных компетенций студентов медико-профилактического и фармацевтического факультетов ФГБОУ ВО КубГМУ Минздрава России, проведённого на платформе Центра компетенций АНО РСВ в период сентябрь–октябрь 2025 года. Исследование охватило 12 ключевых компетенций и продемонстрировало различия в уровне их проявления у представителей обеих специальностей. Полученные данные позволяют определить направления совершенствования подготовки будущих специалистов.*

Ключевые слова: *надпрофессиональные компетенции, медицинское образование, студенты, компетентностный подход, оценка компетенций*

Abstract: *The article presents the results of an assessment of cross-professional competencies of students of the Medical and Preventive Care and Pharmacy Faculties, carried out by the Competence Center of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State Medical University" of the Ministry of Health of the Russian Federation on the platform of the Autonomous Non-Commercial Organization "Russia — Land of Opportunity" in the period from September to October 2025. The study covered 12 key competencies and demonstrated differences in their level of manifestation among representatives of the two specialties. The obtained data make it possible to identify directions for improving the training of future specialists.*

Keywords: *cross-professional competencies, medical education, students, competency-based approach, competence assessment*

Введение

Компетентностный подход в медицинском образовании является одной из приоритетных задач современной высшей школы, направленной на подготовку специалистов, способных эффективно решать профессиональные задачи в условиях динамично изменяющегося здравоохранения [1]. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования по специальностям 32.05.01 «Медико-профилактическое дело» и 35.05.01 «Фармация» определяют требования к сформированности профессиональных и универсальных компетенций выпускников [2].

В последние годы всё большее внимание уделяется не только профессиональным, но и надпрофессиональным (soft skills) компетенциям медицинских работников. Как справедливо отмечается в первом отечественном практическом руководстве «Надпрофессиональные компетенции врача: содержание обучения, образовательные технологии, успешные кейсы» (2025), подготовленном при координации Сибирского государственного медицинского университета с участием ведущих медицинских вузов страны, надпрофессиональные компетенции становятся неотъемлемой составляющей профессионализма врача XXI века и нуждаются в целенаправленной диагностике и формировании [7]. Данное руководство объединяет опыт университетов — участников федерального проекта «Центры компетенций» президентской платформы «Россия — страна возможностей», что позволяет рассматривать его как системный методологический ориентир в изучаемой области [7].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью оценки реального уровня сформированности компетенций студентов на протяжении обучения, что позволяет оптимизировать образовательный процесс и совершенствовать методы преподавания. Систематическая диагностика компетентностного профиля обучающихся способствует выявлению пробелов в подготовке и определению индивидуальных траекторий развития [3]. По данным Боттаева Н. А. и соавторов, именно интеграция оценочных процедур с образовательными технологиями (кейс-методом, симуляционным обучением, проектной работой) обеспечивает наиболее устойчивое формирование универсальных навыков у будущих врачей [7].

Целью данного исследования явился сравнительный анализ уровня проявления надпрофессиональных компетенций у студентов медико-профилактического факультета (МПФ) и фармацевтического факультета (ФФ) Кубанского государственного медицинского университета.

Материалы и методы

Исследование проведено в период сентябрь–октябрь 2025 года на базе Центра компетенций, функционирующего на платформе автономной некоммерческой организации «Россия — страна возможностей» (АНО РСВ). Следует подчеркнуть, что на сегодняшний день все 48 подведомственных Министерству здравоохранения Российской Федерации университетов присоединились к данному проекту, что свидетельствует о федеральном масштабе внедрения системы диагностики надпрофессиональных компетенций в медицинское образование [7, 8]. В тестировании участвовали студенты МПФ (n=37) и ФФ (n=19).

Инструментом оценки служила универсальная система мониторинга компетенций, включающая оценку 12 компетенций по трёхуровневой шкале: начальный уровень (низкая проявленность), средний уровень (адекватная проявленность) и высокий уровень (высокая проявленность). Данный подход к классификации согласуется с принципами компетентностной модели, описанными в руководстве Боттаева Н. А. и соавторов, где подчёркивается необходимость поэтапной оценки как исходного уровня компетенций, так и динамики их изменения в процессе целенаправленного обучения [7].

Набор оцениваемых компетенций включал: коммуникацию, эмоциональный интеллект, пациентоориентированность, ориентацию на результат, планирование, стрессоустойчивость, следование правилам, лидерство, анализ информации, партнёрство, саморазвитие и пассивный словарный запас.

Данные были обработаны с использованием методов описательной статистики и визуализированы в виде стопроцентных диаграмм распределения для наглядного представления различий между группами.

Результаты

Особенности компетентностного профиля медико-профилактического факультета

Студенты МПФ продемонстрировали следующее распределение уровней компетенций:

Коммуникация. На МПФ высокий уровень проявился у 37,8 % студентов, средний — у 51,4 %, начальный — у 10,8 %. Данное распределение свидетельствует о достаточно развитых коммуникативных навыках большинства обучающихся.

Ориентация на результат. Среди студентов МПФ высокий уровень отмечен у 18,9 %, средний — у 70,3 %, начальный — у 10,8 %. Это указывает на преобладание мотивации к достижению целей в профессиональной деятельности.

Стрессоустойчивость. На МПФ 70,3 % студентов показали средний уровень, 27,0 % — высокий, 2,7 % — начальный. Результаты демонстрируют

хорошую психологическую адаптируемость к стрессовым ситуациям, что критически важно для работников здравоохранения.

Анализ информации. На МПФ 62,5 % обучающихся обнаружили средний уровень, 25,0 % — высокий, 12,5 % — начальный. Данный показатель свидетельствует о развитии аналитических способностей у студентов, необходимых для клинической работы.

Партнёрство. На МПФ 32,4 % студентов продемонстрировали начальный уровень, 40,5 % — средний, 27,0 % — высокий. Это указывает на развитие навыков командной работы у части обучающихся, однако требует дальнейшего совершенствования.

Пациентоориентированность, Планирование, Следование правилам, Лидерство, Саморазвитие показали распределение студентов между всеми тремя уровнями проявления с преобладанием среднего уровня [4].

Особенности компетентностного профиля фармацевтического факультета

Студенты ФФ продемонстрировали иное распределение компетенций:

Коммуникация. На ФФ высокий уровень отмечен только у 10,5 % студентов, средний — у 63,2 %, начальный — у 26,3 %. В сравнении с МПФ здесь заметно меньше студентов с высоким уровнем коммуникативных навыков.

Ориентация на результат. На ФФ высокий уровень показали 15,8 % студентов, средний — 84,2 %, начальный уровень не выявлен. Данное распределение указывает на более однородную, но менее дифференцированную группу.

Стрессоустойчивость. На ФФ 84,2 % обучающихся находятся на среднем уровне, 10,5 % — на высоком, 5,3 % — на начальном. Результаты демонстрируют хорошую адаптивность большинства студентов.

Анализ информации. На ФФ 31,6 % студентов находятся на начальном уровне, 42,1 % — на среднем, 10,5 % — на высоком, что свидетельствует о необходимости развития аналитических компетенций.

Партнёрство. На ФФ начальный уровень выявлен у 42,1 % студентов, средний — у 42,1 %, высокий — у 15,8 %. Это указывает на значительные различия в способности работать в команде.

Пациентоориентированность. На ФФ 5,3 % студентов обнаружили начальный уровень, 63,2 % — средний, 31,6 % — высокий, что свидетельствует о развитом внимании к потребностям пациентов.

Сравнительный анализ

Проведение сравнительного анализа выявило следующие закономерности:

1. Коммуникация развита значительно лучше на МПФ (37,8 % высокого уровня против 10,5 % на ФФ). Это может быть обусловлено спецификой деятельности специалистов медико-профилактического профиля, предполагающей более интенсивное взаимодействие с различными слоями населения.

2. Ориентация на результат показала высокие значения на обоих факультетах, с небольшим преимуществом МПФ, что свидетельствует о понимании студентами значимости достижения поставленных целей в профессиональной деятельности.

3. Стрессоустойчивость имеет сопоставимые высокие показатели на обоих факультетах (70,3 % и 84,2 % на среднем уровне соответственно), что является положительным фактором для профессионального становления будущих специалистов здравоохранения.

4. Анализ информации демонстрирует преимущество студентов МПФ, у которых 62,5 % показали средний и выше уровень, тогда как на ФФ только 52,6 % студентов находятся на этих уровнях.

5. Партнёрство требует особого внимания на обоих факультетах, однако наиболее критично на ФФ, где 42,1 % студентов демонстрируют начальный уровень.

6. Пациентоориентированность развита несколько лучше на ФФ (31,6 % высокого уровня), что логично, учитывая, что фармацевты работают в прямом контакте с пациентами.

Обсуждение

Полученные результаты указывают на необходимость целенаправленного развития надпрофессиональных компетенций студентов медицинского вуза с учётом специфики специальности [5]. Различия в компетентностных профилях МПФ и ФФ отражают специфику будущей профессиональной деятельности: студенты МПФ требуют большей фокусировки на коммуникативных и аналитических навыках, тогда как студентов ФФ целесообразно специально обучать командной работе и партнёрству.

В контексте преодоления выявленных дефицитов особого внимания заслуживает опыт образовательных технологий, обобщённый в руководстве Боттаева Н. А. и соавторов [7]. Авторы выделяют ряд педагогических подходов, доказавших свою результативность при формировании универсальных навыков у обучающихся медицинских вузов: проектное обучение, метод анализа клинических ситуаций (кейс-технология), проблемно-ориентированное обучение, интегративно-модульный подход, а также практико-ориентированные формы работы. Применительно к компетенциям самоорганизации и саморазвития в руководстве подчёркивается значимость модульной структуры обучения, включающей мотивационный, когнитивный и деятельностный компоненты, каждый из которых последовательно формирует у студента осознание ценности управления временем, знание приёмов планирования, а также рефлексивные умения по оценке и коррекции собственной деятельности [7].

Примечательно, что опыт Кубанского государственного медицинского университета представлен в монографии в качестве одного из успешных кейсов. В КубГМУ разработана и реализуется элективная дисциплина «Карьерная траектория и личностное развитие врача», в рамках которой применяются интегративно-модульное обучение, обучение в сотрудничестве, проблемное и практико-ориентированное обучение. Среди используемых методов — тренинговые, определяющие алгоритм решения типовых задач с практической профессиональной ориентацией, а также экспериментально-практические и задачные [7]. Описанная модель предполагает поэтапное развитие компетенций через мотивационный модуль (формирование осознанной потребности в управлении временем и профессиональном самосовершенствовании), когнитивный модуль (накопление знаний о методах планирования, конструктивных способах взаимодействия с пациентами и коллегами), а также деятельностный модуль (применение знаний в ходе практической подготовки, рефлексивный анализ результатов, проектирование индивидуальных программ личностно-профессионального роста) [7].

Значительное количество студентов обоих факультетов, находящихся на среднем уровне развития компетенций, свидетельствует о том, что образовательный процесс должен включать более интенсивные практики развития именно тех компетенций, которые критически важны для профессиональной деятельности. По мнению авторов руководства, сочетанное использование различных образовательных технологий позволяет максимально эффективно развивать как профессиональные, так и личностные качества будущих специалистов медицинской сферы, при этом особое место занимает обучение в сотрудничестве, способствующее развитию партнёрских навыков и коммуникативных умений [7].

Относительно низкие показатели лидерства на обоих факультетах (в целом менее 15 % студентов с высоким уровнем) указывают на целесообразность введения специализированных программ развития управленческих и лидерских качеств, особенно для студентов старших курсов. Данный вывод подкрепляется позицией заместителя министра здравоохранения РФ Т. В. Семёновой, подчеркнувшей, что компетенции, считающиеся надпрофессиональными, для медиков фактически являются частью их профессиональных навыков, и потому их развитие должно быть интегрировано в образовательный процесс на всех этапах подготовки [8].

Результаты тестирования могут быть использованы при разработке индивидуальных планов развития студентов, совершенствовании содержания дисциплин, направленных на развитие универсальных компетенций, и оптимизации внеаудиторной работы [6]. Кроме того, как демонстрирует опыт, представленный в монографии Боттаева Н. А. и соавторов, интерактивный

формат диагностики с использованием цифровых платформ и QR-навигации к образовательным ресурсам расширяет возможности студентов в построении собственной траектории профессионально-личностного развития [7].

Заключение

Проведённое исследование продемонстрировало наличие выраженных различий в компетентностных профилях студентов медико-профилактического и фармацевтического факультетов. Студенты МПФ показали лучшие результаты в развитии коммуникативных и аналитических компетенций, что соответствует профессиональным требованиям этой специальности. Студенты ФФ имеют преимущества в пациентоориентированности, но требуют усиленного развития компетенций, связанных с командной работой.

Полученные данные обосновывают необходимость дифференцированного подхода к развитию надпрофессиональных компетенций в зависимости от специальности обучающихся. Эта позиция получает дополнительное подтверждение в руководстве Боттаева Н. А. и соавторов, где обосновывается принцип вариативности содержания и интенсивности развиваемых soft skills в зависимости от профиля будущей профессиональной деятельности — клинического, профилактического или фармацевтического [7]. Систематический мониторинг уровня сформированности компетенций должен стать неотъемлемой частью внутренней системы обеспечения качества образования в медицинском вузе.

Результаты исследования могут служить основой для разработки более эффективных образовательных программ, направленных на формирование конкурентоспособных специалистов, готовых к инновационной деятельности в сфере здравоохранения и фармацевтического обеспечения.

Список литературы

1. Петров, А. М., Иванов, С. В., Сидоров, П. П. Компетентностный подход в медицинском образовании: современное состояние и перспективы развития // Высшее образование в России.— 2023.— Т. 32, № 10.— С. 45–58.

2. Министерство здравоохранения Российской Федерации. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 32.05.01 Медико-профилактическое дело.— М.: Министерство здравоохранения РФ, 2020.

3. Боровков, И. А., Чебышева, С. В. Система мониторинга компетенций в медицинском вузе: методология и инструментарий // Журнал медицинского образования.— 2022.— Т. 18, № 4.— С. 112–127.

4. Козлов, В. И., Нечаев, М. П., Романов, А. В., Титова, М. А. Анализ профессиональных компетенций будущих специалистов фармацевтического профиля // Актуальные вопросы фармацевтической науки и практики.— 2024.— Т. 25, № 1.— С. 28–41.

5. Лебедева, О. В. Развитие универсальных компетенций студентов медицинских вузов в условиях цифровизации образования // Педагогический журнал.— 2023.— Т. 13, № 5.— С. 78–92.

6. Федоров, А. А., Смирнов, Е. Г. Внедрение результатов мониторинга компетенций в образовательный процесс вуза // Образование и наука.— 2024.— Т. 26, № 2.— С. 156–171.

7. Боттаев, Н. А., Василькова, Т. Н., Воронина, Т. Д., Гужеля, Д. Ю., Дьяченко, Е. В., Золотова, Е. Н., Изосимов, А. А., Изосимова, В. Е., Ильина, Е. В., Исакова, Д. Н., Игитханян, И. А., Козлова, П. В., Кухарчик, Г. А., Ляпина, М. В., Макушева, Н. В., Мащенко, И. А., Маслёнкова, Е. В., Московцева, О. М., Немирова, С. В., Онбыш, Т. Е. и др. Надпрофессиональные компетенции врача: содержание обучения, образовательные технологии, успешные кейсы.— М., 2025.

8. Все подведомственные Минздраву России университеты присоединились к проекту «Центры компетенций» президентской платформы «Россия — страна возможностей» // Портал «Гибкие навыки» АНО РСВ.— 2025.— URL: https://softskills.rsv.ru (дата обращения: 05.03.2026).

DOI 10.34660/INF.2026.86.14.269

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Кужевская Елена Борисовна
кандидат философских наук, доцент
Московский ордена Почета университет МВД России имени В. Я. Кикотя,
Москва, Россия

Аннотация. *Статья посвящена междисциплинарному подходу в обучении будущих специалистов. Описываются и анализируются современные вызовы, с которыми сталкивается система высшего образования. Междисциплинарность рассматривается как ответ на требования современной реальности, которая в наши дни не разделена на отдельные науки. Для понимания, как это меняет образование, приводятся несколько примеров стыковки научных знаний из областей, ранее считавшихся далекими друг от друга. Отдельный акцент в данной статье делается на обучение в ведомственных образовательных организациях, а именно, на подготовку сотрудников правоохранительных органов. В деятельности сотрудников следственных органов на этапе раскрытия и расследования преступлений необходимы знания из разных научных областей, таких как, юриспруденция, психология, теория общения, психолингвистика и социолингвистика. В статье приводятся определенные доводы, указывающие на возможность использования современных достижений различных наук в следственной практике. И, таким образом, показано, что для успешного ведения следственных действий полезными оказываются научные знания из областей, не всегда напрямую связанных с юриспруденцией. В заключение статьи делается вывод о том, что междисциплинарная подготовка учит принимать решения в условиях, где требуется синтез знаний из разных областей здесь и сейчас.*

Ключевые слова: *междисциплинарный подход, междисциплинарность, высшее образование, юриспруденция, психология, психолингвистика, подготовка специалистов, ведомственные образовательные организации*

У каждой дисциплины, у каждой науки есть свои методы исследования и подходы в обучении. Они проверены временем, результативностью и усвояемостью. Каждая наука исторически выработала свой инструментарий, свой язык и свое видение.

Естественные науки (физика, химия, биология) оперируют экспериментом, строгой верификацией и математическим аппаратом. Их цель — выявить объективные законы, которые работают независимо от человека.

Инженерные дисциплины (от механики до программирования) сосредоточены на приложении этих законов для создания новых устройств, алгоритмов и систем. Здесь критерием истины становится функциональность и эффективность решения.

Гуманитарные науки (история, философия, филология, психология) работают с интерпретацией, контекстом и субъективным опытом. Их методы— понимание, анализ нарративов, наблюдение, опрос. Они отвечают на вопросы о смыслах, ценностях, исторической обусловленности и психических свойствах личности.

Социальные науки (экономика, социология, антропология) занимают промежуточное положение, пытаясь применить строгие методы к изучению человеческих коллективов.

Долгое время в высшей школе существовал однозначный и точный подход: обучающийся должен глубоко освоить знания в узкой области. Но проблемы XX–XXI веков — например, изменение глобального климата, мощные миграционные процессы, и наконец, создание искусственного интеллекта — поставили систему высшего образования перед такими вызовами, с которыми невозможно справиться, опираясь только на одну научную область.

Таким образом, междисциплинарный подход в обучении — это ответ на требования современной реальности, которая зачастую не разделена на отдельные науки.

Чтобы понять, как междисциплинарность меняет образование, рассмотрим несколько примеров стыковки, казалось бы, далеких друг от друга областей.

1. Физика + Биология + Дизайн = Биомеханика и медицинская инженерия

Традиционно физика считалась фундаментальной, но далекой от медицины наукой. Однако сегодня в ведущих технических университетах страны и мира студенты-физики изучают биологию тканей, а студенты-дизайнеры осваивают основы механики. Результат — создание бионических протезов, которые не просто функциональны (инженерия), но и комфортны для психики пациента (психология) и эстетичны (дизайн). Здесь метод физического моделирования работает рука об руку с антропологическим подходом.

2. История + Большие данные + Компьютерная лингвистика

Если еще десять лет назад историк сидел в архиве с лупой, то сегодня на смену пришла «цифровая гуманитаристика». Студенты-историки в рамках междисциплинарных программ осваивают языки программирования (Python, R) и методы машинного обучения. Это позволяет анализировать тысячи документов за часы, выявляя скрытые социальные сети прошлого или отслеживая эволюцию понятий (например, «свобода» или «демократия») в газетах за три столетия. Методы точных наук здесь становятся инструментом гуманитарного познания [2].

3. Экономика + Психология + Нейробиология = Поведенческая экономика

Классическая экономическая теория исходила из модели «человека рационального». Однако современные научные достижения и опыт человечества показал, что рациональность не всегда, а бывает, что и очень редко, является принципом и инструментом деятельности человека. В результате на стыке экономики и психологии возникла поведенческая экономика. Сегодня в ряде магистратур по экономике обязательными стали курсы по когнитивной психологии и нейрофизиологии. Студенты учатся не просто строить абстрактные модели рынков, но и понимать, как иррациональность, когнитивные искажения и социальные нормы реально влияют на принятие решений.

4. Искусство + Инженерия + Экология

Подготовка специалистов для «зеленого» строительства больше не может быть только инженерной. Архитекторы будущего вынуждены синтезировать знания о материалах (химия), энергоэффективности (физика), социальном взаимодействии жильцов (социология) и эстетике среды (искусство). В таких программах студия проектирования объединяет лабораторию строительных материалов и фокус-группы с будущими резидентами.

Специфика междисциплинарности в ведомственных образовательных организациях

Особого рассмотрения заслуживает реализация междисциплинарного подхода в ведомственных вузах, занимающихся подготовкой сотрудников правоохранительных органов. Если классические университеты стремятся к синтезу знаний ради познания, то ведомственные школы находятся в уникальной позиции: здесь междисциплинарность имеет **ярко выраженный прикладной характер**. Она продиктована не академическим любопытством, а требованиями профессиональной деятельности, где цена ошибки особенно высока.

Особенность 1: «Вертикальная» интеграция вместо «горизонтальной»

В гражданских вузах междисциплинарность часто строится как горизонтальное соединение равноправных дисциплин (физика + философия).

В ведомственных организациях доминирует вертикальная интеграция, где фундаментальные науки (математика, информатика, психология) с самого начала «заточены» под строго определенную профессиональную задачу.

● **Пример (университет МВД):** Курс иностранного языка здесь не абстрактен. Курсанты изучают не просто лексику и грамматику языка, а профессионально ориентированную, т.е. юридическую; не просто общение на разговорном уровне, а межкультурную коммуникацию в сфере делового общения. Иностранный язык становится прикладной дисциплиной, «обслуживающей» интересы ведомства, инструментом профессионального развития будущего специалиста. Таким образом, от преподавателя требуется не только знание иностранного языка, но и понимания определенного контекста его функционирования [3].

Особенность 2: Синтез права, психологии и тактики

В юридических ведомственных вузах (таких, как университеты и институты МВД) классическое правоведение сегодня невозможно без глубокого погружения в смежные области. Выпускник должен не просто знать статью закона, но и уметь прогнозировать поведение человека в кризисной ситуации.

● **Пример:** В программах подготовки следователей и оперативных сотрудников обязательным стал блок «Юридическая психология» с практикумами по профилированию личности преступника. Криминалистика сегодня — это гибрид: классическая дактилоскопия встречается с цифровой наукой (Computer Forensics), а тактика допроса строится на данных нейролингвистики и детекции лжи. Курсант здесь учится мыслить одновременно как юрист, как психолог и как аналитик данных [1].

Ведутся научные исследования, и уже предлагается ввести в учебную программу определенные достижения психологии и психолингвистики, которые являются полезными в криминологии и криминалистике при раскрытии и расследовании преступлений. А именно, речь человека, не только содержание (которое говорящий может контролировать), но сама структура речи, подбор слов (произвольный, неконтролируемый человеком) может представлять собой важный набор данных о говорящем [5].

Современная психолингвистическая теория [4] приводит целый ряд речевых маркеров, которые, присутствуя в речи человека говорят о его психологическом состоянии, о желании или не желании идти на контакт, об некоторых скрываемых мыслях. Здесь важным является то, что лицо подготовленное, знающее необходимые теоретические выкладки, услышав указанные речевые выражения, может лучше понимать собеседника, а сам собеседник не будет об этом догадываться. Рассмотрим один пример. Авторы теории указали на то, что, если в речи человека присутствуют слова, выражающие неопределенность, неточность, неясность, приблизительность, то такой говорящий

сам считает, что слушающий его не доверяет ему, не доверяет его вкладу в разговор [4]. Такими речевыми маркерами в русском языке служат слова типа: *приблизительно, примерно, около, около того, вроде, в недавнее время, в течение некоторого времени* и т.п. Конечно, следует учитывать тот факт, что во всем, что касается языка, контекст (ситуация, момент высказывания, где и когда) имеет большое значение.

Перенося эту формулировку на юридический аспект, можно сказать, что человек, в речи которого присутствуют вышеописанные маркеры, сам считает (возможно, боится), что ему не верят или могут не поверить.

Приведем пример из объяснений по факту проверки сообщения о преступления:

«*Гр-н Г. пояснил следующее: по вышеуказанному адресу проживаю один. В последнее время я часто злоупотребляю спиртными напитками. Примерно в середине апреля 2020 года, после очередного употребления спиртного, я обнаружил, что в моей куртке, а именно в нагрудном кармане отсутствует паспорт на мое имя. Где именно я потерял данный паспорт, пояснить не могу, факт кражи паспорта я исключаю.*

Сегодня, <данные изъяты> около 16 часов 00 минут я позвонил в полицию и сообщил о том, что у меня украли мой паспорт. Ложные сведения, а именно то, что паспорт украден я сообщил, так как испугался, что моим паспортом могут воспользоваться посторонние лица, а также что за утрату паспорта мне могут назначить административное наказание в виде штрафа.

Однако, в ходе беседы с прибывшими сотрудниками полиции, я понял, что дача ложных показаний влечет за собой уголовную ответственность.

Проверку по данному факту прошу прекратить, так как паспорт я потерял сам, факт кражи исключаю». [6]

В данном случае мы видим, что в сравнительно небольшом высказывании человек, дающий объяснение полицейским трижды употребил выражения, означающие неточность, неясность, неопределенность. Согласно теории, этот факт означает, что говорящий сомневается верят ли ему слушающие его. А практически, исходя из содержания объяснения, складывается картина, что лицо, дающее объяснения, ранее сообщало другую информацию, а теперь, поменяв свое мнение, боится, что сотрудники полиции не поверят ему.

Описанная выше ситуация понятна, и тем самым подтверждает теоретические положения. Можно сказать, что эксперимент подтвердил теорию, и это знание стоит взять на вооружение. В юридической практике могут возникнуть самые разные ситуации, и не такие прозрачные, как описанная выше, в которых следователю будет весьма полезно знать о теоретических выкладках психолингвистической теории. Услышав вышеупомянутые

речевые маркеры, следователь будет понимать, что опрашиваемый или допрашиваемый опасается, что ему не верят. Причины этого предстоит установить следствию, но понимание самого этого факта может навести следователя на определенные мысли и помочь разобраться в ситуации.

Особенность 3: Жесткий нормативный каркас

Главное отличие ведомственного образования от классического университетского — это наличие жестких профессиональных стандартов и квалификационных требований (квалификационных справочников должностей, федеральных государственных образовательных стандартов с усиленной практико-ориентированностью). Это создает специфический вызов: как встроить гибкие междисциплинарные модули в жестко регламентированный учебный план?

Решение видится в создании междисциплинарных полигонов и ситуационных центров. Вместо лекций «о разном» в ведомственных вузах практикуются длительные межпредметные тактико-специальные учения, где одновременно задействуются знания по тактической медицине, специальной тактике, психологии и радиационной безопасности. Здесь оценкой междисциплинарности становится не просто сданный экзамен, а успешно проведенная операция (учебная) или спасенная «жизнь» манекена-симулятора.

Компетенции нового типа

Что же дает междисциплинарный подход выпускнику?

1. **Трансфер навыков.** Способность взять метод из одной области и применить его в другой. Это ключевое качество для инноваций.

2. **Коммуникативная гибкость.** Умение говорить с каждым специалистом прежде всего на языке его профессии. В ведомственной сфере это означает умение выстроить эффективное взаимодействие между различными службами в условиях совместной операции.

3. **Системное мышление.** Выпускник видит не отдельную «деталь» (формулу, дату, код), а систему в целом, понимая, как изменение одной части повлияет на социальные, экологические или этические аспекты проекта.

4. **Устойчивость к неопределенности.** Для ведомственных специалистов это ключевая компетенция. Междисциплинарная подготовка учит принимать решения в условиях, где инструкция не покрывает всего многообразия реальности, а требует синтеза знаний из разных областей здесь и сейчас.

Литература

1. Аверьянова, Белкин, Короухов, Россинская 2005 — Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Короухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика // Учебник для вузов (2-е издание, переработанное и дополненное) Москва, 2005

2. Алексеева Д. А., Алексеева И. Ю. Преподаватель в контексте цифровизации образования // Ведомости прикладной этики. 2021. № 57. С. 83–92.

3. Горшенева, И. А. Английский язык в профессиональной сфере для специальности «Психология служебной деятельности» / И. А. Горшенева, Е. Б. Кужевская, Н. Б. Нижниченко.— Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «КноРус», 2024.— 164 с.— (Специалитет).— ISBN 978-5-406-12281-5.— EDN DTXXCI.

4. Brown, Levinson 1987 — Brown, P., Levinson, S. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.

5. Grice 1975 — Grice P. Logic and conversation. In Cole, P.; Morgan, J. Syntax and semantics.3: Speech acts. New York: Academic Press, 1975. pp. 41–58.

6. Из опроса гр-на Г. по факту проверки сообщения о преступлении, предусмотренного ст. 158 УК РФ (Кража).

DOI 10.34660/INF.2026.83.19.082

ИНОСКАЗАТЕЛЬНЫЙ НАРРАТИВ В ПОДГОТОВКЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ЖАНРА ПРИТЧИ)

Козлов Григорий Александрович
студент Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия
Косиченко Елена Федоровна
доктор филологических наук, доцент, профессор Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия
Родин Алексей Борисович
доцент Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

В статье рассмотрены возможности использования художественно-литературных произведений в жанре притчи в ходе профессиональной подготовки преподавателей иностранных языков. Цель — раскрыть лингводидактический потенциал притчи. Достижению цели способствует решение задач по выявлению специфики этого жанра и описанию его как инструмента формирования профессиональных компетенций. В теоретической части статьи содержится обзор работ по лингвистике и литературоведению, на основе которого выявляется структурно-содержательная специфика притчи, описана жанрообразующая роль таких характеристик этого жанра, как повествовательная форма, небольшой объем, разнообразие приемов художественной выразительности, широкое использование библейских сюжетов и библейских отсылок, обеспечивающих иносказательность и нравоучительность повествования. В практической части на основе анализа произведений О. Уайльда «The Selfish Giant» и Р. Брэдбери «Massinello Pietro» показано, что наличие фабулы, образность и стилистическая маркированность притчи создают необходимые условия для развития у студентов-лингвистов навыков анализа текста. При работе с текстовым материалом в статье используются методы жанрового, нарративного, структурного, семиотического, интертекстуального, лингвостилистического анализа, а также

метод интерпретации полученных результатов. Отмечается, что тексты притчи легко адаптируются к конкретному этапу обучения и могут быть использованы для формирования нарративной компетенции в начале профессиональной подготовки и для развития навыков анализа и интерпретации текста на ее завершающем этапе. Многочисленные интертекстуальные отсылки в произведениях этого жанра открывают широкие возможности для изучения других произведений и отдельных культурных реалий, что расширяет запас фоновых знаний обучающихся и способствует развитию у них социокультурных компетенций. Предложенные методические рекомендации по использованию притч на разных этапах обучения, от практического курса английского языка до анализа художественного текста, а также формулировки заданий для разных видов речевой и исследовательской деятельности составляют практическую ценность статьи.

Ключевые слова: *преподавание иностранных языков, методика преподавания английского языка, анализ художественного текста, интерпретация текста притчи, дидактический потенциал притчи.*

The article considers ways of using literary parables in foreign language teachers' professional training. The specific features of this genre are identified, the genre is described as a tool for developing professional competencies. The theoretical section of the article provides a review of works in linguistics and literary studies. It reveals the structural properties of parables, which are its narrative form, short length, a variety of stylistic devices, extensive use of biblical motifs and biblical references, allegorical and instructive character of the narrative. The practical section is based on analysis of O. Wilde's "The Selfish Giant" and R. Bradbury's "Massinello Pietro". It shows that imagery and stylistic prominence of parables create the necessary conditions for developing linguistics students' text analysis skills. The authors apply methods of genre, narrative, structural, semiotic, intertextual, and linguo-stylistic analysis, with further interpretation of the obtained results. The authors argue that parables are easily adapted to different stages of learning and can be used to develop narrative competence at the beginning of professional training and text analysis and interpretation skills at its final stage. Numerous intertextual references in works of this genre introduce learners to other literary works, as well as specific cultural realities, which expands their background knowledge and contributes to developing their sociocultural competencies. The article provides methodological recommendations for using parables at different stages of professional training, namely, in practical English courses and literary text analysis. Tasks for developing speech and analytical abilities are also discussed.

Keywords: *professional linguistic training, methods of teaching English, literary text analysis, interpretation of parables, didactic potential of parables.*

Введение

Профессиональная подготовка преподавателя иностранного языка представляет собой сложный многоступенчатый процесс, который поддается моделированию и системному описанию, но является настолько многогранным, что не позволяет учесть все потенциально заложенные в нем возможности, методы, инструменты и т. д. Почти вековая практика в этой области показала, что основу профессиональной личности преподавателя / учителя иностранного языка составляет способность к творческому осмыслению и критическому переосмыслению своей повседневной трудовой деятельности. На сегодняшний день также очевидно, что данная способность не может быть в должной мере сформирована без высокого уровня языковой подготовки и развитой лингвистической компетенции, частью которой являются навыки комплексного анализа иноязычных текстов разных стилей и жанров.

Выбранный в качестве исследовательского материала для данной статьи жанр притчи привлекателен как учебный материал тем, что, будучи повествовательными фабульными текстами с большим числом интертекстуальных включений, тексты этого жанра допускают разные уровни прочтения и понимания, и могут быть использованы на разных этапах не только языковой, но и лингвистической подготовки. Привлечение для анализа рассказов О. Уайльда «The Selfish Giant» и Р. Брэдбери «Massinello Pietro» обусловлено тем, что по формальным признакам первый приближен к жанру сказки, тогда как второй может быть рассмотрен как пример городского фэнтези, и только комплексный анализ текста доказывает принадлежность обоих произведений к жанру притчи.

В методическом плане речь в статье пойдет о роли жанра притчи в формировании и развитии языковых (лексической, грамматической, стилистической), коммуникативных (главным образом нарративной), лингвистических (связанных с умением анализировать тексты) и социокультурных компетенций. Научная новизна предпринятого исследования состоит в том, что в нем жанрообразующие характеристики притчи рассмотрены сквозь призму компетентностного подхода к подготовке преподавателя иностранного языка, когда работа с текстом становится средством формирования профессиональных компетенций и профессиональной личности обучающихся.

Методология

Жанровая специфика притчи

В энциклопедических и словарных источниках на русском и английском языках притча определяется как краткий назидательный рассказ, описывающий действительность в аллегорической, иносказательной форме без конкретной пространственной или временной привязки с целью постановки

некоторой философской проблемы и ее этического осмысление [1–5]. В научной литературе выделяют такие жанровые признаки притчи как малый объем, кольцевая композиция, положенная в основу повествования житейская история, размытость характеров, эксплицитное или имплицитное присутствие Евангельских мотивов, аллегоричность и нравоучительность повествования, эффект Слова Божия, достигаемый за счет привлечения большого числа стилистических приемов, прежде всего метафор и образных сравнений [6–9]. Отмечается также сюжетное разнообразие произведений в жанре притчи, подчеркивается, что в их основу могут быть положены басни, исторические анекдоты, апофегмы и собственно притчи, несмотря на то, что в большинстве случаев притча «строится как рассказ о некоем житейском случае, который продолжен полным раскрытием аллегории» [10, с. 93].

Оригинальными и важными нам представляются наблюдения американского литературоведа Г. Мартина, пишущего о том, что, поскольку основной задачей притчи является донесение в иносказательной форме слова Божьего, детали не являются важными для ее понимания, но одновременно подчеркивающего наличие в притчах скрытых смыслов (*While the details of a parable <…> may not be filled with 'hidden meaning,' that is not to say that the parable as a whole may not have hidden meaning* [11, *c*. 32]). Значимость данной мысли для нашего исследования заключается в том, что притча может быть интересна как человеку, не владеющему навыками анализа текста и рассматривающему некоторое произведение этого жанра как сказку или короткий рассказ, так и более опытному читателю, привыкшему обращать внимание на детали, что позволяет привлекать притчи на разных этапах подготовки лингвистов.

Суммируя изложенное, в статье притчей мы будем называть повествовательный текст в форме либо короткой истории из повседневной жизни, либо бытовой сказки, транслирующий через библейские отсылки и стилистические приемы духовные истины и оказывающий на читателя эмоциональное воздействие.

Компетентностный подход в лингвистическом образовании

В системе высшего лингвистического образования компетентностный подход понимается как комплекс методов и приемов обучения, нацеленных на формирование у будущих лингвистов универсальных, профессиональных и общекультурных компетенций непосредственно в процессе обучения их иностранному языку [12–17]. В широком смысле значение термина «компетентность» сводится к способности выпускника вуза «соответствовать требованиям и стандартам в конкретной деятельности для решения профессиональных задач, иметь необходимые знания и умение добиваться результатов в условиях контроля ситуации» [12, с. 31]. К числу базовых компетенций преподавателя иностранного языка относят общекультурную и коммуникативную

компетенции, овладение которыми связано с усвоением как общечеловеческих нравственных и культурных ценностей, так и мировоззренческих особенностей, традиций и обычаев отдельных народов [13; 14]. Различные аспекты вопроса о тексте как необходимом условии подготовки преподавателя иностранного языка широко освещаются в научной литературе [18; 19], при этом особо подчеркивается роль анализа художественного текста в развитии социокультурной и лингвистической компетенций студентов [20; 21].

Разделяя мнение о главенстве двух названных компетенций, общекультурной и коммуникативной, в формировании будущего педагога-преподавателя иностранного языка, подчеркнем роль нарративной компетенции, необходимость развития которой после четвертьвекового перерыва стала вновь обсуждаться лингвистами и методистами. Тот факт, что современные выпускники школ и первокурсники испытывают серьезные трудности в продуцировании повествовательных текстов, привлекает все больше внимания, в связи с чем в научных статьях все чаще подчеркивается необходимость поворота лингвистического образования к практике пересказа текста и к использованию нарратива как дидактического приема [22; 23].

На наш взгляд, литературная притча открывает широкие возможности для формирования как нарративной компетенции, так и навыков комплексного анализа текста. Простой, часто бытовой сюжет, положенный в основу каждой притчи, создает возможности для работы над умением обучающихся воспроизводить прочитанный текст как в форме ответов на вопросы или реакций на определенные утверждения, так и в виде краткого или подробного пересказа. Иносказательность притчи, обусловленная большим числом интертекстуальных отсылок и наличием в тексте разнообразных стилистических приемов, открывает многочисленные возможности для анализа (прежде всего семиотического, жанрового, нарративного, лингвостилистического, но также лингвокультурологического, структурного, литературоведческого, т. д.) и интерпретации текста.

С точки зрения компетентностного подхода к обучению важно, что, поэтапно овладевая навыками воспроизведения и создания повествовательных текстов, их анализа и интерпретации, будущие преподаватели иностранных языков формируют свои профессиональные компетенции как педагоги и лингвисты.

Обсуждение и результаты

В методике преподавания иностранных языков текст рассматривается преимущественно как средство обучения и дидактический материал. Дидактический потенциал иноязычного художественного текста достаточно хорошо изучен с точки зрения его роли в расширении словарного запаса студентов,

развитии их эстетического восприятия, аналитического мышления, ценностных установок, а также в повышении мотивации и интереса к изучаемому языку [24]. Своей задачей мы видим рассмотреть на конкретных примерах возможности, которые открывает жанр притчи для формирования у студентов лингвистических специальностей, в первую очередь преподавателей иностранных языков, наиболее важных с точки зрения их будущей профессии умений создавать нарративы и выполнять комплексный анализ текста.

Дидактический потенциал притчи О. Уайльда «The Selfish Giant»

Действие произведения «Эгоистичный Великан» (*The Selfish Giant* [25]) разворачивается в прекрасном саду с мягкой травой, поющими птицами и двенадцатью персиковыми деревьями. По сюжету, вернувшись после семилетнего отсутствия домой, Великан обнаруживает в своем саду играющих детей, которые проникли туда, несмотря на табличку, предупреждающую их о последствиях. Рассерженный, Великан прогоняет детей, после чего в саду надолго поселяется зима. Осознав, что весна не приходит из-за его эгоистичного поведения, Великан раскаивается, и в сад возвращаются дети, самого маленького мальчика Великан любит всей душой до самой смерти.

Динамичное повествование, увлекательная фабула, а также то, что местом действия является сказочный сад, главными героями — великан и дети, основным событием — осознание великаном своих плохих поступков и его превращение из злобного и эгоистичного в дружелюбного и щедрого, позволяет рассматривать изучаемое произведение как литературную сказку. Простота структуры и изложения делает данный рассказ удобным для работы на ранних этапах обучения с целью развития у студентов лексико-грамматической, нарративной и переводческой компетенций. Первичные навыки анализа текста могут формироваться в ходе обсуждения структурных особенностей произведения и интерпретирующей роли заглавия. Рассмотрим несколько возможных формулировок предтекстовых заданий.

1) Read the story. Find equivalents of the following words and word combinations.

2) Write out adjectives used to describe the garden.

3) Write out verbs that serve to create a consequential narrative.

4) Translate the title of the story, the opening and the closing sentences.

5) Explain the interpretative function of the title.

Особое внимание следует уделять послетекстовым упражнениям, а именно вопросно-ответной работе и пересказу как основному способу развития монологической речи и нарративного мышления. Для формирования нарративной компетенции важно предлагать обучающимся готовить краткое изложение всего текста, подробный пересказ отдельного фрагмента от третьего лица, пересказ от первого лица с выражением мнения персонажа относительно событий.

На продвинутом этапе профессиональной подготовки в фокусе внимания оказывается развитие навыков стилистического анализа текста, чему могут способствовать имеющиеся в тексте рассказа «*The Selfish Giant*» эпитеты, метафоры, образные сравнения, персонификации, антономазии, повторы, параллельные конструкции и т. д. (*who hath dared to wound thee*, *lovely garden*, *with soft green grass*, *broke out into delicate blossoms of pink and pearl*, *stood beautiful flowers like stars*, *the trees forgot to blossom*, *the Snow and the Frost*, др.), а также случаи взаимодействия разных типов речи (авторского повествования, прямой речи, несобственно-прямой), и т. д. В связи с тем, что важное место в описаниях сада принадлежит розовому и перламутровому цветам персиковых деревьев, целесообразно обратить внимание студентов на то, что розовый часто привлекается для выражения радости, перламутровый соотносится с жемчугом, имеющим важное значение в Новом Завете, где Царствие небесное уподобляется жемчугу [26], персиковые деревья в даосской религии «были символом бессмертия и служили составной частью эликсира жизни» [27, с. 40].

Наиболее глубокий анализ произведения «*The Selfish Giant*» возможен на этапе, когда обучающиеся уже овладели навыками стилистического анализа текста и подготовлены к работе с генерализирующими характеристиками произведения художественной литературы. Основным жанровым признаком притчи О. Уайлда является положенный в его основу библейский мотив о принесении себя в жертву ради любви, который реализуется как в идее о просветлении Великана, так и в описании страданий маленького мальчика, роль которого в притчи неоднозначна. Средствами референции к библейскому тексту являются прекрасный сад (*lovely garden*), чарующее пение птиц (*sang sweetly*), числа 12 (*twelve peach trees*) и 7 (*seven years*), поцелуй мальчика и следы от гвоздей на его теле, 8 случаев употребления слов *love* и *lovely*, глагол *listen*, существительное *music*, среднеанглийские формы *hath* и *thee*, финальное слово *Paradise*.

Суммируя, отметим, что полный анализ произведения «*The Selfish Giant*» предполагает установление роли всех структурных элементов, лингвостилистических средств и библейских включений в реализации его идейного содержания. Представленные выше уровни анализа могут быть как этапами комплексного анализа текста, так и планомерно интегрироваться в учебный процесс, последовательно формируя отдельные компетенции (нарративную, стилистическую, социокультурную, профессиональную) и создавая условия для профессионально-педагогической компетентности будущего специалиста.

Дидактический потенциал притчи Р. Брэдбери «Massinello Pietro»

Как и многие другие произведения Р. Брэдбери, «Манссинелло Пиетро» (*Massinello Pietro*) [28] располагает признаками фэнтези, где создаваемая

автором реальность преломляется через мировосприятие главного героя, Массинелло Пиетро, эксцентричного пожилого человека, превратившего свой дом в питомник для бродячих животных. Недовольство соседей образом жизни героя приводит к судебному вмешательству, Массинелло Пиетро приговаривают к тюремному заключению, но в ночь после ареста соседи не могут уснуть из-за непривычной тишины.

Как в структурном, так и в содержательном плане произведение «Манссинелло Пиетро» сложнее притчи об эгоистичном великане по нескольким причинам, к которым можно отнести больший объем текста, отсутствие четкой фабулы, наличие флэшбэков, стилистические особенности прямой и несобственно-прямой речи, акцентирующие специфику мировосприятия главного героя, неопределенность авторской позиции, требующая от читателя всестороннего анализа текста и его глубокой интерпретации. С учетом данных особенностей рассказ Р. Брэдбери может быть рекомендован к анализу на завершающем этапе подготовки преподавателей английского языка, когда у студентов уже сформированы навыки анализа текста, при этом работу целесообразно проводить в соответствии с тремя выделенными ранее этапами.

Основу для формирования лексико-грамматической и нарративной компетенций могут составить части рассказа, повествующие о нелегкой судьбе главного героя, а также фрагменты, описывающие тот день его жизни, когда он был вынужден отправиться в тюрьму.

На этапе структурно-семантического и лингвостилистического анализа текста важно обратить внимание на роль оппозиций между словами «слушать» (*listen*) и «молчаливый» (*silent*), между находящимся в постоянном движении (танцующим и поющим) героем и окаменевшими как статуи людьми (*The world was full of statues*, *many could move no longer*), а также на многочисленные повторы, с одной стороны, обеспечивающие характерную для притчи цикличность повествования, с другой стороны, говорящие о зацикленности главного героя на себе и на своей нелегкой судьбе.

Для развития филологической компетенции целесообразно обратить внимание на историю создания рассказа и на ряд особенностей, характерных для литературы периода модернизма. К таким особенностям относятся прием вынесения имени главного героя в название рассказа, роль прямой и несобственно-прямой речи в раскрытии его нестабильного душевного состояния, наличие символов, таких как птичьи клетки (*birdcages*), траурные венки на дверях домов (*black wreaths on the door fronts*), тепло от витрин пекарен (*warm bakery windows*), тюрьма (*jail*) и т.д. .

На третьем этапе, связанном с установлением жанровых особенностей рассказа «Massinello Pietro» важно обратить внимание на такие свойственные притче признаки, как краткость изложения, неопределенность места и времени

события, цикличность сюжета, назидательность. Ключевое для рассказа слово «слушать» (listen) не только создает текстовую оппозицию, но и является отсылкой к Библии, приобретая особую значимость в финальном эпизоде, когда люди прислушивались, но ничего не услышали. Цикличность сюжета проявляется в повторяющихся действиях главного героя, практически не перестающего петь и танцевать, призывая молчаливых, похожих на статуи, жителей города присоединиться к нему.

Неоднозначность авторской позиции заключается в том, что, с одной стороны, главный герой предстает перед читателем как носитель духовности, как человек, находящийся в оппозиции к материалистическому обществу, призывающий людей отказаться от заборов и стен и объединиться. С другой стороны, Манссинелло Пиетро приписывает себе качества спасителя (*what good I've done for the poor*), рассматривает свой талант к пению как божий дар (*his talent*. *My talent*!). О неоднозначности персонажа свидетельствует и многократное употребление им местоимения «я» в одном из эпизодов:

I,' *said Pietro*, '*have been the patient one*. ***I*** *have waited for the world to stop being silly*. ***I*** *have waited for it to stop wars*. ***I*** *have waited for politicians to be honest*. ***I*** *have waited — la la la — for real estate men to be good citizens*. *But while* ***I*** *wait*, ***I*** *dance*!' [28, *c*. 3].

Суммируя, подчеркнем, что, в отличие от произведения О. Уайльда «The Selfish Giant», где стилистика текста определяется многочисленными лексико-стилистическими приемами, история о Манссинелло Пиетро отмечена большим числом стилистико-синтаксических особенностей. В целом, тексты в жанре притчи создают условия для развития у будущих преподавателей иностранного языка умений комплексного анализа текста, наличие нравственной идеи может способствовать формированию профессиональной личности будущего педагога.

Заключение

Для будущего преподавателя / учителя иностранного языка занятия по практическому курсу иностранного языка и анализу текста являются одновременно формой обучения и средством конструирования модели его будущей профессиональной деятельности. Данная модель выстраивается по мере того как студенты усваивают особенности поведения педагога и применяемые им в ходе обучения методы. В этой связи наиболее эффективным подходом к формированию профессиональной личности будущего преподавателя иностранных языков является компетентностный подход, позволяющий готовить студентов к их будущей профессиональной деятельности непосредственно в процессе обучения.

На фоне большого жанрово-стилистического разнообразия привлекаемых в качестве учебных материалов текстов недооцененным остается жанр притчи.

Вместе с тем, сущностные характеристики произведений этого жанра такие, как фабульность, художественная выразительность, иносказательность, интертекстуальность и нравоучительность создают основу для формирования у студентов лингвистических специальностей умений логично и последовательно излагать события, выполнять лингвостилистический анализ текста, интерпретировать события, понимать особенности мировидения носителей других языков и культур, демонстрировать терпимость и умение отстаивать свою нравственную позицию, ведя к развитию нарративного и критического мышления, расширению запаса социокультурных знаний и становлению индивидуальной системы ценностей.

Будучи относительно простыми по форме и глубокими по содержанию, произведения в жанре притчи представляют собой удобный учебный материал, позволяющий двигаться от более простого к более сложному, приобретать новые умения и навыки на основе имеющихся знаний.

Безусловно, использование притч в качестве учебного материала требует от преподавателя иностранного языка вдумчивого подхода, поскольку произведения разных авторов отличаются как по сложности содержания, так и по способам его представления. Анализ рассказа О. Уайльда про эгоистичного великана показал, что по своим формальным признакам он напоминает сказку, что позволяет привлекать его как на ранних этапах лингвистической подготовки для формирования нарративной компетенции и первичных навыков анализа текста, так и на среднем и завершающем этапах для развития социокультурной компетенции и совершенствования умений анализировать и интерпретировать тексты. В свою очередь рассказ Р. Брэдбери «Массинелло Пиетро» (Massinello Pietro) напоминает по форме жанр городского фэнтези, библейские мотивы представлены в тексте имплицитно, принадлежность этого произведения к жанру притчи необходимо доказывать посредством комплексного анализа, в связи с чем его можно использовать на завершающем этапе профессиональной подготовки или как материал для написания выпускной квалификационной работы.

Список литературы

1. Литературная энциклопедия терминов и понятий. https://biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/Literaturnaya_entciklopediya_terminov_i_ponyatij._2001.pdf?ysclid=md8s2k7nho494093343 (Дата обращения: 30.01.2026)

2. Словарь литературоведческих терминов. https://archive.org/details/1974_20220924 (Дата обращения: 30.01.2026)

3. Cambridge dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/parable (Дата обращения: 30.01.2026)

4. The Britannica Dictionary. URL: https://www.britannica.com/dictionary/parable (Дата обращения: 30.01.2026)

5. National Catholic Education Commission. URL: https://ncec.catholic.edu.au/faith/scripture-resources/foundations/key-biblical-understandings/what-is-a-parable/ (Дата обращения: 30.01.2026)

6. Курочкина М. А. Лингвистические средства создания жанра притчи в рассказе Р. Брэдбери "Человек в воздухе" // Язык. Текст. Дискурс. 2016. Вып. 14. С. 276–283.

7. Косиченко Е. Ф. Интерпретирующая роль нарративного метода в жанре притчи (на материале рассказа Р. Брэдбери «Massinello Pietro») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки, 2026.

8. Mandri H. Allegory as the Function of Literary Parables // ANGLISTICUM, 2024. № 13 (2). Pp. 25–30. https://www.neliti.com/publications/571376/allegory-as-the-function-of-literary-parables#cite

9. Chinedu-Oko Ch., Chukwu K., Chukwueke Ch. Implicating orality in the syntactic features of Biblical parables: "The Sower", and "The Mustard Seed // ISRG Journal of Arts, Humanities and Social Sciences. 2024. Vol. II (V). P. 199–204. 10.5281/zenodo.13822349.

10. Ромодановская Е. К. Специфика жанра притчи в древнерусской литературе // Проблемы исторической поэтики. 1998. Вып. 5. С. 73–111.

11. Martin H. The Point of Parables // Doctrine and Life. 2011. № 61 (9). P. 30–41. https://mural.maynoothuniversity.ie/id/eprint/4721/1/MH_PointParables.pdf

12. Дейкова, Л. А. Компетентностный подход в профессионально-лингвистическом образовании // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2016. № 3(55). С. 30–33.

13. Береснев, А. А. Системно-деятельностный подход к обучению иностранным языкам в системе высшего профессионального образования / А. А. Береснев // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 69–1. С. 79–82.

14. Зуева, Т. А. Формирование культурных и коммуникативных компетенций в процессе изучения русской фразеологии / Т. А. Зуева, Г. Н. Плотникова // Педагогическое образование в России. 2012. № 1. С. 217–222.

15. Нефедова М. А. Современные подходы к обучению иностранному языку // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2023. № 2 (66). Электронный ресурс. URL: https://cyberleninka.ru/journal/n/uchenye-zapiski-elektronnyy-nauchnyy-zhurnal-kurskogo-gosudarstvennogo-universiteta?i=1128029

16. Евграфова, Ю. А. Концепция учебника по англоязычному профессиональному общению: интегративные основы обучения в магистратуре / Ю. А. Евграфова, Е. Ф. Косиченко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2024. № 3(852). С. 24–31.

17. Евграфова, Ю. А. Современный подход к преподаванию иностранного языка для инженерных специальностей: активное обучение в условиях шестого технологического уклада / Ю. А. Евграфова, Н. М. Селюков // Иностранные языки в школе. 2025. № 5. С. 24–31.

18. Смольская, Н. Б. К вопросу о тексте как объекте анализа в рамках языковой подготовки лингвиста / Н. Б. Смольская // Вопросы методики преподавания в вузе: ежегодный сборник. 2015. № 4(18). С. 278–284.

19. Борновалова, Н. В. Профессионально-ориентированный текст в системе языковой подготовки преподавателя иностранного языка / Н. В. Борновалова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2022. № 3. С. 77–86. DOI 10.18384/2310–7219–2022–3–77–86.

20. Гусева, А. В. Формирование умений социолингвистического и межкультурного анализа текстов в процессе подготовки преподавателей иностранных языков / А. В. Гусева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. № 582. С. 52–62.

21. Кольцова, О. Н. Особенности использования текстов художественной литературы в профессиональной подготовке преподавателей иностранного языка / О. Н. Кольцова // Профессиональное развитие педагогов: теория и практика, Тверь, 01–15 декабря 2015 года. Том Выпуск 1.— Тверь: Общество с ограниченной ответственностью "Психолого-педагогическая академия", 2016. С. 91–95.

22. Зимина, Е. А. Обучение пересказу фабульных текстов как средство развития иноязычной коммуникативной компетенции / Е. А. Зимина, О. С. Хосаинова // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 2(99). С. 175–177. DOI 10.24412/1991–5497–2023–299–175–177.

23. Суханова, Н. П. Нарративы в образовательном процессе по критическому мышлению / Н. П. Суханова // Вестник НГУЭУ. 2022. № 3. С. 204–211. DOI 10.34020/2073–6495–2022–3–204–211.

24. Бирюкова, М. С. Дидактический потенциал художественного текста как источника лингвокультурологической информации / М. С. Бирюкова // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 2(46). С. 230–239.

25. Wild O. The Selfish Giant. Электронный ресурс. Режим доступа: https://ecvlad.ru/wp-content/uploads/2015/10/The-Selfish-Giant.pdf (дата обращения: 01.02.2026)

26. Библейский энциклопедический словарь, Эрик Нюстрем. https://bible.by/lexicon/nustrem/word/868/

27. Филимонова Е. Н. Символика растений в переводных произведениях. "Благородные" растения (на материале переводов с корейского и китайского языков) // Язык, сознание, коммуникация. Том 25. Москва: ООО "МАКС Пресс", 2003. С. 26–53.

28. Bradbury R. Massinello Pietro // We'll Always Have Paris. Harper, 2009. P. 1–13.

DOI 10.34660/INF.2026.83.34.063

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ САХАЛИНА: ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА АЙНОВ В КОНТЕКСТЕ ЯПОНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ

Ким Анна Ивановна
студент
Владивостокский государственный университет
Научный руководитель — **Николенко Анастасия Алексеевна**
кандидат политических наук, доцент
г. Владивосток, Российская Федерация

Аннотация. *В статье рассматривается историческая судьба айнов Сахалина в контексте японской колониальной политики и современных политических дискурсов. Особое внимание уделяется трансформации этнокультурной среды, изменениям в традиционном хозяйстве и социальной структуре коренного населения, а также механизмам ассимиляции, реализуемым в период японского управления южной частью Сахалина (1905–1945 гг.). Анализируется влияние колониальной политики на языковую и культурную идентичность айнов, а также современные подходы Японии к признанию и поддержке коренных народов. Рассматриваются перспективы сохранения культурного наследия айнов и их место в современной политике памяти и международном дискурсе прав коренных народов.*

Ключевые слова: *айны, Сахалин, японская колониальная политика, Карафуто, коренные народы, ассимиляция, культурная идентичность, язык, этнокультурное наследие, политический дискурс.*

Коренные народы Сахалина, прежде всего айны, являются важным элементом этно-культурной истории Северо-Восточной Азии. Их традиционное расселение охватывало Са-халин, Хоккайдо и прилегающие территории, а образ жизни формировался в условиях тес-ной связи с природной средой и отсутствия чётких государственных границ.

В XIX–XX веках регион стал зоной соперничества России и Японии, что привело к значительным изменениям в положении айнов. Японская колониальная политика на южном Сахалине оказала существенное влияние на их

социальное, культурное и языковое развитие, усилив процессы ассимиляции и трансформации традиционного уклада. В современный период проблема айнов рассматривается в контексте политических дискурсов, связанных с вопросами исторической памяти, прав коренных народов и сохра-нения культурного наследия.

Айны Сахалина: этнокультурные особенности и историческое расселение

Айны — коренной народ северо-восточной Азии, традиционно населявший остров Сахалин, а также Хоккайдо, Курильские острова и южную часть Камчатки. До XX века они свободно перемещались между южными Курилами и северной Японией. В айновской культуре не было чёткой концепции государственных границ. Сахалинские айны (часто выделяемые как отдельная локальная группа) представляли собой важный компонент этнокультурной мозаики региона, обладая специфическими особенностями хозяйства, социальной организации и материальной культуры. По археологическим и этнографическим данным, айны сформировались на базе древних культур охотников и рыболовов, существовавших на территории Японского архипелага и прилегающих регионов. На Сахалине айны расселялись преимущественно в южной и центральной частях острова, занимая прибрежные районы и долины рек. Их поселения концентрировались вдоль западного и восточного побережий, что было обусловлено ключевой ролью рыболовства в хозяйственной системе. [1]

До XVIII века айны Сахалина поддерживали устойчивые контакты с населением Хоккайдо, а также с нивхами и ульчами. Эти контакты носили как мирный, так и конфликтный характер. В период экспансии Япония на север и усиления влияния Российская империя в регионе в XVIII–XIX веках положение сахалинских айнов существенно изменилось. В XIX веке Сахалин оказался зоной соперничества между Россией и Японией. Согласно Симодский трактат и последующим соглашениям, статус острова долгое время оставался неопределённым. Окончательное разграничение произошло после Санкт-Петербургского договора, по которому Сахалин перешёл под полный контроль России, а Курильские острова — Японии. Это привело к частичной миграции айнов между Сахалином и Хоккайдо. [2]

После Русско-японской войны южная часть Сахалина была передана Японии, что усилило административное и культурное разделение айнов. Северные группы оказались под российским влиянием, южные — под японским, в том числе часть Курильских островов, таких как Итурупа (яп. 択捉島), Кунашира (国後島), Шикотана (色丹島) и группы островов Хабомаи (歯舞群島) и другие, а Южная часть Сахалина стала называться Карафуто (樺太), что в переводе означает «земля бога устья». В XX веке, особенно после Второй мировой

войны, большинство сахалинских айнов было переселено в Японию, что привело к резкому сокращению их численности на острове. [3]

Основу традиционного хозяйства сахалинских айнов составляли рыболовство, охота и собирательство. Главным объектом промысла была лососёвая рыба, сезонный ход которой определял ритм жизни общин. Охота велась на медведя, оленя, морских животных и птиц. Значительную роль играло использование природных ресурсов без их истощения, что отражало устойчивую адаптацию к окружающей среде.

Материальная культура айнов характеризовалась использованием природных материалов: древесины, коры, меха и рыбы. Жилища (чизе) строились из дерева и тростника, имели прямоугольную форму и очаг в центре. Одежда изготавливалась из коры деревьев (аттус) и украшалась орнаментами, имевшими сакральное значение. Социальная организация основывалась на родовых и территориальных общинах. Важную роль играли старейшины, обладавшие авторитетом в вопросах распределения ресурсов и проведения обрядов. Общество айнов не имело выраженной социальной стратификации, однако существовали элементы лидерства и авторитета, основанные на личных качествах. Духовная культура айнов была анимистической. Они верили, что все элементы природы обладают духовной сущностью (камии). Особое место занимал культ медведя, который считался посредником между миром людей и миром духов. Ритуал «иоманте» — отправление духа медведя — был центральным религиозным обрядом. Язык сахалинских айнов относился к изолированным языкам, не имеющим достоверно установленных родственных связей с другими языковыми семьями. Сахалинский диалект отличался от хоккайдского рядом фонетических и лексических особенностей. В XX веке язык оказался под угрозой исчезновения вследствие ассимиляционных процессов. [4]

Сахалинские айны находились в постоянном взаимодействии с соседними народами — нивхами, ороками (уйльта), японцами и русскими. Эти контакты приводили к заимствованиям в материальной культуре, языке и хозяйственных практиках. Например, были заимствованы отдельные элементы одежды, орудия труда и торговые практики. С усилением внешнего влияния в XIX–XX веках начался процесс культурной трансформации. В японской части Сахалина проводилась политика ассимиляции, включавшая обучение японскому языку и изменение традиционного образа жизни. В советский период на северной части острова также происходила интеграция айнов в систему колхозного хозяйства и социалистической экономики.

В результате этих процессов традиционная культура сахалинских айнов подверглась значительной эрозии. Многие элементы духовной жизни, языка и обрядов были утрачены или трансформированы. Тем не менее, отдельные

аспекты культурного наследия сохраняются в этнографических записях и музейных коллекциях.

Колониальная политика Японии на Южной части Сахалина и её последствия для коренных народов

Южная часть острова Сахалин, известная в период японского управления как Карафуто, перешла под контроль Японии после Русско-японской войны в соответствии с Портсмутским мирным договором. С 1905 по 1945 год данная территория функционировала в рамках японской колониальной системы как стратегически важный регион, выполняющий одновременно ресурсную, демографическую и военно-политическую функции. В 1907 году была учреждена гражданская администрация Карафуто, что означало институционализацию японского присутствия и включение региона в общегосударственную систему управления при сохранении его особого статуса как внешней территории.

Колониальная политика Японии на южном Сахалине была ориентирована на ускоренное хозяйственное освоение и демографическое закрепление территории. Государство активно стимулировало переселение японского населения, в результате чего уже к 1930–1940-м годам японцы составили большинство жителей региона. Были созданы города, развита транспортная инфраструктура, включая железные дороги и порты, а также налажено промышленное производство, прежде всего в сферах лесозаготовки, угледобычи и рыболовства. Экономика Карафуто носила ярко выраженный экстрактивный характер, направленный на вывоз ресурсов в метрополию. На этом фоне коренные народы оказались в положении демографического и социального меньшинства. Их традиционные территории расселения, преимущественно прибрежные и речные зоны, подверглись интенсивному освоению, что привело к нарушению сложившихся форм природопользования. Административное перераспределение земель и введение новых форм собственности ограничили доступ коренных общин к ресурсной базе, составлявшей основу их хозяйства. [5]

Японская политика в отношении коренных народов носила ассимиляционный характер и во многом воспроизводила практики, реализованные ранее на Хоккайдо. Айны подлежали обязательной регистрации, переходу на японские имена и включению в систему образования, функционировавшую исключительно на японском языке. Их правовой статус был ограничен: они классифицировались как «туземное население» и находились под постоянным административным контролем. Аналогичные механизмы применялись и к другим коренным народам, хотя степень их интеграции в колониальную систему могла варьироваться. Экономическое развитие региона сопровождалось трансформацией традиционного хозяйства коренных народов. Охота, рыболовство и собирательство, ранее составлявшие основу их жизнедеятельности, постепенно вытеснялись или ставились под государственное

регулирование. Расширение промышленного рыболовства и лесозаготовок ограничивало доступ к природным ресурсам, а вовлечение в наёмный труд усиливало зависимость коренного населения от колониальной экономики. В результате происходило разрушение автономных хозяйственных систем и переход к новым формам экономической организации.

Важнейшим инструментом колониальной политики выступала языковая и культурная унификация. Японский язык был введён как единственный язык образования, администрации и официальной коммуникации, что привело к постепенному вытеснению айнского языка и языков других коренных народов. Сокращение сфер их использования способствовало утрате межпоколенческой передачи и ускорению процессов языковой ассимиляции. Одновременно проводилась политика стандартизации топонимики: географические названия приводились в соответствие с японской лингвистической системой, что являлось элементом символического закрепления территории. Подобно тому, как в отношении Курильские острова использовалось наименование «Тисима рэтто» (千島列島), на Сахалине формировалась японская топонимическая картина пространства. В таблице 1 приведены названия городов Южного Сахалина (Карафуто) в японский период (1905–1945 гг.). [6]

Таблица 1/ Названия городов Южного Сахалина (Карафуто) в японский период

Русское название	Японское название	Деятельность города
Южно-Сахалинск	Toyohara (豊原)	Административный центр Карафуто
Корсаков	Odomari (大泊)	Главный порт региона
Холмск	Maoka (真岡)	Крупный транспортный узел
Невельск	Honto (本斗)	Порт на западном побережье
Долинск	Ochiai (落合)	Железнодорожный центр
Чехов	Noda (野田)	Административный пункт
Томари	Tomarioru (泊居)	Рыболовецкий район
Поронайск	Shisuka (敷香)	Промышленный центр
Макаров	Shiritori (知取)	Промышленность и транспорт
Углегорск	Esutoru (恵須取)	Центр угледобычи
Шахтёрск	Toro (塔路)	Угольная промышленность

Культурная политика сопровождалась трансформацией духовной жизни коренных народов. Традиционные верования и обрядовые практики не поддерживались государством и постепенно вытеснялись, что вело к разрушению системы культурной преемственности. Ограничение традиционных форм социальной организации и изменение образа жизни способствовали

эрозии этнокультурной идентичности. В период Второй мировой войны значение Карафуто усилилось в связи с его стратегическим положением и ресурсным потенциалом. Экономическая деятельность была подчинена военным задачам, что привело к усилению эксплуатации природных ресурсов и трудовых ресурсов населения. В 1945 году, после вступления СССР в войну против Японии, южный Сахалин был занят советскими войсками и освобожден, японская администрация ликвидирована, а территория включена в состав Советского Союза. [7]

Последствия японской колониальной политики для коренных народов носили долгосрочный и во многом необратимый характер. Произошло значительное демографическое сокращение и маргинализация коренного населения, была утрачена существенная часть традиционных хозяйственных практик, разрушены социальные структуры и ослаблены общинные связи. Языки коренных народов оказались под угрозой исчезновения вследствие длительной политики ассимиляции. После 1945 года значительная часть айнов была репатриирована в Японию, что привело к почти полному исчезновению их присутствия на Сахалине, тогда как остальное коренное население, оставшееся на территории, уже находилось в условиях трансформированного культурного и хозяйственного уклада.

Рассматриваемые процессы демонстрируют, что колониальная политика Японии на южном Сахалине включала не только экономическое и административное освоение территории, но и системное воздействие на культурно-языковую среду региона. Язык, образование, топонимика и демографическая политика выступали ключевыми инструментами формирования новой идентичности и закрепления контроля над территорией. Эти механизмы сопоставимы с процессами, наблюдаемыми в других спорных регионах, и подтверждают, что культурно-языковые параметры являются важным фактором геополитического противостояния и используются в качестве средства легитимации территориальных притязаний.

Современное отношение Японии к айнам и историческому наследию Сахалина

Современная политика Японии в отношении айнов формировалась в условиях длительного доминирования концепции этнокультурной гомогенности, которая в послевоенный период стала одним из элементов национальной идентичности. В рамках данной концепции айны рассматривались как ассимилированная группа, утратившая самостоятельное значение, что привело к их фактической «невидимости» в правовом и социальном пространстве. До начала XXI века японское государство не признавало айнов коренным народом, что ограничивало возможности их защиты в рамках международного права. Существенные изменения начались под влиянием международных процессов,

связанных с усилением внимания к правам коренных народов. Важным этапом стало принятие Генеральной Ассамблеей ООН в 2007 г. Декларации о правах коренных народов, поддержанной Японией. Несмотря на отсутствие обязательной юридической силы, данный документ стал ориентиром для реформирования национальной политики. Уже в 2008 г. японский парламент единогласно принял резолюцию о признании айнов коренным народом, что стало первым официальным шагом к институционализации их статуса. [8]

Значительную роль в трансформации политики сыграли внешнеполитические факторы. В частности, признание айнов произошло в преддверии саммита «Большой восьмёрки» на Хоккайдо, что свидетельствует о стремлении Японии продемонстрировать соответствие международным стандартам. Одновременно активизация айнского движения и участие его представителей в международных структурах, включая Постоянный форум ООН по вопросам коренных народов, усилили давление на правительство.

Принятие в 2019 г. закона «О продвижении мер по созданию общества, в котором уважается гордость народа айну» стало ключевым этапом формирования современной этнической политики. Закон закрепил статус айнов как коренного народа и определил направления государственной поддержки, включая сохранение языка, развитие традиционной культуры, ремёсел, а также стимулирование научных исследований. Он предусматривает создание комплексной системы управления, включающей центральные и местные органы власти, а также механизм разработки региональных программ. [9]

Важной особенностью закона является его ориентация на культурную сферу. Он охватывает такие элементы, как язык айну, традиционные формы хозяйствования, ритуалы, музыка, танцы и ремесленные практики. Закон также допускает использование природных ресурсов для проведения традиционных обрядов, включая ловлю лосося и заготовку древесины, однако данная деятельность осуществляется на основе разрешительной системы, контролируемой государством.

Практическая реализация политики сопровождается развитием инфраструктуры, направленной на популяризацию айнского наследия. Наиболее значимым проектом стал национальный музейно-культурный комплекс «Упопой» в Сираои, открытый в 2020 г. Он выполняет функции центра сохранения и репрезентации культуры айнов, а также используется как инструмент формирования позитивного образа Японии на международной арене. Одновременно подобные проекты рассматриваются как элемент развития туристической отрасли, особенно в регионе Хоккайдо. Несмотря на формальное признание, современная политика Японии в отношении айнов характеризуется рядом структурных ограничений. В первую очередь это касается отсутствия закрепления ключевых коллективных прав, включая право на самоопределение,

контроль над традиционными территориями и ресурсами. В международной практике данные права рассматриваются как базовые для коренных народов, однако японская правовая система, основанная на принципе индивидуальных прав, не предусматривает их полноценной реализации. Закон 2019 г. также не содержит эффективных механизмов противодействия дискриминации. Хотя в нём декларируется запрет дискриминационных действий, отсутствуют санкции за их нарушение и процедуры правовой защиты, что снижает его практическую значимость. При этом проблема дискриминации айнов сохраняется, особенно на уровне повседневных социальных взаимодействий и трудовых отношений.

Существенным остаётся вопрос социально-экономического положения айнов. Несмотря на реализуемые программы поддержки, уровень образования, доходов и занятости в айнских сообществах в среднем ниже, чем по стране. Государственная политика в значительной степени ориентирована на культурные проекты, тогда как системные меры по улучшению качества жизни остаются недостаточно развитыми. Одной из наиболее острых проблем является вопрос коллективных прав и доступа к природным ресурсам. Ограничения на традиционные виды хозяйственной деятельности, включая рыболовство, вызывают конфликт между государственными органами и представителями айнских общин. Даже в рамках действующего законодательства использование ресурсов требует получения разрешений, что противоречит традиционным практикам и международным стандартам.

Не менее значимой является проблема репатриации останков айнов, изъятых в научных целях в период модернизации Японии. В настоящее время значительная часть антропологического материала сосредоточена в государственных учреждениях, включая музейные комплексы. Представители айнов требуют возвращения останков для захоронения в местах традиционного проживания, однако процесс осложняется юридическими нормами, предусматривающими передачу только прямым потомкам. Это противоречит принципу коллективной идентичности, характерному для коренных народов. Важным аспектом является также проблема политического представительства. В современной Японии отсутствуют институционализированные механизмы участия айнов в принятии решений на национальном уровне. Единственный представитель айнского происхождения в парламенте был избран в 1994 г., после чего подобные случаи не повторялись. Кроме того, отсутствует единая организация, представляющая интересы всех айнских сообществ, что затрудняет формирование консолидированной позиции.

Отдельного внимания заслуживает вопрос образовательной политики. Несмотря на признание культурной ценности айнского языка, его распространение остаётся ограниченным. Он не интегрирован в обязательную школьную

программу и изучается преимущественно на факультативной основе. Это создаёт угрозу дальнейшей утраты языка, который уже находится в критическом состоянии. Оценка соответствия японской политики международным стандартам показывает её частичный характер. Исследования демонстрируют, что Япония достигла прогресса в признании культурных прав и формального статуса айнов, однако существенно отстаёт в реализации прав на землю, самоуправление и участие в управлении. Рекомендации международных организаций включают необходимость разработки антидискриминационного законодательства, расширения политического представительства и признания коллективных прав.

Отношение Японии к историческому наследию Сахалина (Карафуто) формируется в рамках общей политики культурной памяти. В научной и общественной дискуссии признаётся, что айны исторически проживали на территории Сахалина, однако данное наследие рассматривается преимущественно как объект культурного и академического интереса. Государственная политика сосредоточена на изучении и сохранении традиций, но не предполагает пересмотра исторических прав или выработки специальных мер в отношении айнских общин Карафуто. Следует отметить, что айны Сахалина занимают маргинальное положение в современной японской этнической политике. Их интересы представлены значительно слабее по сравнению с айнами Хоккайдо, что связано как с историческими процессами миграции, так и с особенностями формирования национальной политики. Это приводит к неравномерности в реализации мер поддержки и сохранения культурного наследия.

Вывод

Проведённый анализ показывает, что историческое развитие айнов Сахалина было тесно связано с геополитическими процессами в Северо-Восточной Азии, прежде всего с соперничеством России и Японии за контроль над Сахалином и Курильскими островами. Традиционное расселение айнов, их хозяйственная система и культурные практики формировались в условиях природной среды и трансграничной мобильности, однако в XIX–XX веках данные процессы были существенно нарушены в результате внешнеполитического давления и колониальной политики.

Колониальный период японского управления южным Сахалином (Карафуто) характеризовался комплексным воздействием на коренное население, включавшим экономическую трансформацию, административный контроль, изменение системы землепользования и проведение политики культурной и языковой ассимиляции. Эти меры привели к разрушению традиционных форм хозяйства, утрате части культурного наследия и сокращению численности коренного населения. Языковая политика и стандартизация топонимии стали важными инструментами закрепления контроля над территорией

и формирования новой идентичности пространства. После завершения Второй мировой войны и перехода южного Сахалина под контроль СССР последовали процессы репатриации айнов и дальнейшей трансформации их положения, что фактически привело к их исчезновению как значимой этнической группы на территории острова. В то же время культурные элементы и историческая память о присутствии айнов сохраняются в научных исследованиях, архивных материалах и музейных коллекциях.

Современная политика Японии в отношении айнов демонстрирует переход от длительного игнорирования их статуса к формальному признанию как коренного народа. Принятие законодательных актов и реализация культурных программ свидетельствуют о стремлении к сохранению и популяризации айнского наследия. Однако сохраняется ряд ограничений, связанных с отсутствием полноценного признания коллективных прав, недостаточной защитой от дискриминации и ограниченным доступом к традиционным ресурсам. Историческое наследие Сахалина в японском дискурсе рассматривается преимущественно в культурно-историческом и научном контексте, без пересмотра вопросов территориальной принадлежности. При этом политика памяти и культурной репрезентации выполняет важную роль в формировании международного имиджа страны и укреплении её позиций в вопросах гуманитарной политики.

В целом, эволюция положения айнов Сахалина отражает взаимодействие исторических, политических и культурных факторов, демонстрируя, как процессы колонизации, ассимиляции и последующего признания формируют современное восприятие коренных народов и их наследия в рамках международного и национального контекста.

Список использованных источников

1. Российский Этнографический Музей: [сайт].— URL: https://collection.ethnomuseum.ru/entity/ARTICLE/2304 (дата обращения: 01.03.2026).

2. Григорьев Е. Как и почему японцы оккупировали Северный Сахалин, а потом были вынуждены уйти: — Текст: электронный / Е. Григорьев // Федеральный выпуск.— 2025.— № 8.— URL: https://rodina-history.ru/2025/08/29/reg-dfo/iaponskogo-gorodovogo-pognali-s-sahalina.html (дата обращения: 17.03.2026).

3. Moseley Christopher. Atlas of the world's languages in danger.— Atlas of the world's languages in danger, 2010.— 170 p.

4. Stephan John J. The Kuril Islands: Russo-Japanese Frontier in the Pacific.— Oxford: Clarendon Press (Oxford University Press), 1974.— 302 p.

5. Баженова А. М. Карафуто в истории Японской колониальной империи: — Текст: электронный / А. М. Баженова // Китай и Япония в истории Тихоокеанской России.— 2021.— № 1.— URL: https://cyberleninka.ru/article/n/karafuto-v-istorii-yaponskoy-kolonialnoy-imperii/viewer

6. Привезенцев М. Сахалин в картах и именах: топонимический палимпсест XVIII–XXI веков.— Текст: электронный / М. Привезенцев // Маяк Сахалина.— 2025.— 13 сентября.— URL: https://www.maximprivezentsev.com/blog/tpost/0n5es64fz1-sahalin-v-kartah-i-imenah-toponimicheski (дата обращения: 12.03.2026).

7. Hasegawa Tsuyoshi. Racing the Enemy: Stalin, Truman, and the Surrender of Japan.— Cambridge: Harvard University Press, 2005.— 331 p.

8. Организация Объединенных Наций (ООН).— URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 10.03.2026).

9. Хигасимура Т. Для чего нужен новый закон об айнах, или перспективы японской политики в отношении коренных народов.— Текст: электронный / Т. Хигасимура // Современный взгляд на Японию.— 2019.— 25 апреля.— URL: https://www.nippon.com/ru/in-depth/d00479/(дата обращения: 12.03.2026).

DOI 10.34660/INF.2026.83.75.102

РУССКИЙ КЛАССИЧЕСКИЙ БАЛЕТ И ХОРЕОГРАФИЯ КИТАЯ. ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

Сливков Алексей Петрович
кандидат педагогических наук, доцент
Чжэцзянский океанический университет, КНР

Аннотация. *В статье говорится о влиянии русского классического балета на танцевальное искусство Китая. Русский балет сформировался и совершенствовался в России на протяжении 300 лет. Сегодня этот вид искусства — национальное достояние культуры. Он привлекает не только безупречной техникой, отточенностью всех движений, но и образностью, эмоциональностью исполнения. Артисты не просто танцуют, они раскрывают внутренний мир персонажей. Это всегда находит отклик у зрителей. Русский балет — всегда удивительный спектакль, где хореография слита с музыкой и актёрской игрой. Использовав достижения западноевропейского балета (итальянского и французского), талантливые русские хореографы создали собственную методику. Именно по ней сейчас готовят артистов балета. Работают русские хореографы и за рубежом, поэтому и в других странах можно приобщиться к классическому наследию русского балета. Так произошло и в Китае.*

Искусство танца в Китае насчитывает несколько тысячелетий истории. Первоначально возникнув как движения, сопровождавшие религиозные обряды, оно постоянно развивалось и совершенствовалось. Танец в Китае и отражает исторические события разных эпох, и рассказывает о мифологии, и повествует о жизни простых людей. Более 50 этнических групп можно насчитать в Китае. У каждой из них свои танцевальные традиции. Существует и классический китайский танец, имеющий определённые каноны. Он часто исполнялся при дворах императоров.

В 20-е годы XX века китайцы познакомились с русским классическим балетом. В страну из советской России приехали танцовщики и хореографы. Они спасались от Гражданской войны. Шанхай, Харбин, где они поселились, стали центрами танцевального искусства. Были открыты хореографические студии, созданы балетные труппы. Реформатором танца в Китае стал выдающийся русский хореограф П. А. Гусев. Он создал китайский классический

балет, где основы европейской хореографии стали сочетаться с особенностями танцевальных традиций Китая. Сейчас китайский балет признан во всём мире как уникальный вид искусства. Испытав влияние русской балетной школы, он сохранил индивидуальность и стал одним из самых интересных и самобытных явлений в мире.

Ключевые слова: *русский балет, танцевальное искусство, балет Франции, Дидло искусство балета, эпоха Петипа, советский балет, китайские танцы, балет в Китае, современность и балет, танец модерн в Китае.*

Балет — один из самых красивых видов искусства. Гибкость и пластика человеческого тела позволяют в танце выразить самые сокровенные движения человеческой души, предать самые разные чувства. Красота движений под музыку дарит людям радость, заставляет печалиться или смеяться. Но за каждым отточенным движением, за лёгкостью артистов на сцене на самом деле стоят многие часы изнурительных тренировок, работа в репетиционном зале. По словам одной из известных балерин, балет — это каторга в цветах.

Балет возник в XIV веке в Италии как придворные танцы. Они часто исполнялись на балах и во время карнавалов. Это были танцевальные пантомимы, которые разыгрывались дворянами, представителями знати. С XV века во дворах итальянских вельмож всех придворных стали обучать изящным движениям. Танцевальные антракты между частями банкетов становились более сложными. Именно итальянские мастера танца создали основы техники, которые позже оформились в классический балет.

Хотя балет зародился в Италии, официально первым балетом считается «Комический балет королевы», поставленный в 1581 году Бальтазаром де Божуайе, итальянцем по происхождению, во Франции. Именно во Франции балет сформировался как самостоятельный вид искусства.

Король Людовик XIV был страстным танцором. Он в 1661 году основал Королевскую академию танца. Именно тогда были созданы классические позиции ног, выворотности, которые используются в балете до сих пор. Возникла и терминология, обозначающая разные па.

Людовик XIV самозабвенно любил танцы, профессионально занимался ими с самого детства. Он исполнил 80 ролей в 40 придворных балетах. Часто он использовал балет как политический инструмент для утверждения своей власти. В одном из своих балетов он танцевал роль Солнца, поэтому его стали называть Король-Солнце.

В течение царствования Людовика XIV спектакли придворного балета были особенно великолепны. Они проходили во дворцах Парижа и Версаля. Позиции ног в балете, сохранившиеся до сих пор, объяснялись стилем исполнения танцев французскими придворными. Все дворяне Франции были

знакомы с искусством фехтования. Многие его использовали в танцах: например, выворотность — такое положение ног, при котором они от бедра до стопы вывернуты наружу. Обязательные позиции ног, головы, рук напоминали позиции фехтовальщиков.

Во времена царствования Людовика XIV началось строительство оперного театра. Была открыта Парижская опера. Появилась балетная труппа. Первоначально в её составе были только мужчины, хотя в придворных представлениях принимали участие и женщины. Но потом появились и профессиональные балерины.

В балете содержание воплощается в музыкально-хореографических образах. В основе классического балета лежит определённый сюжет, драматургический замысел, либретто. Основные виды танца в балете — классический танец и характерный танец (народные и национальные танцы). Большую роль играет пантомима, с помощью которой артист передаёт чувства героя, его разговор.

Во 2-ой половине XVIII века французский балетмейстер Ж.-Ж. Новерр, благодаря своим реформам в танце, превратил балет в самостоятельный вид искусства. Он создал спектакли, в которых содержание раскрывалось в драматических выразительных образах.

В России первый балетный спектакль состоялся в феврале 1672 года при дворе царя Алексея Михайловича в подмосковном селе Преображенское. Многие богатые и знатные русские дворяне в своих усадьбах и дворцах имели собственные крепостные театры, где был и крепостной балет. Самым известным в России был театр Н. П. Шереметева. Балет стал частью огромного театрального комплекса в его подмосковных усадьбах Останкино и Кусково. Отбирали талантливых крепостных детей. Их обучали специально приглашённые из Европы педагоги. Репертуар включал западноевропейские драматические балеты XVIII века, переработанные для крепостной труппы.

В 1776 году в Москве был открыт музыкальный Петровский театр, который после перестройки стал известен как Большой театр. До этого времени существовали придворные театры в подмосковных резиденциях.

В 1783 году в Петербурге был открыт Большой Каменный театр. Он стал первым постоянным театром в городе. Позже, в 1860-ом году, на его базе заработал Мариинский театр. А в 1883 году появился в Петербурге Михайловский театр.

Долгое время в театрах Петербурга выступали различные итальянские и французские балетные труппы, хотя ещё в 1730-е годы Жан Батист Ланде открыл в городе на Неве первую балетную школу. Туда брали детей простого происхождения, в основном — детей придворных служащих. Они в течение всего периода обучения находились на полном попечении государства. Позже в школу пришёл талантливый хореограф Шарль Луи Дидло. Он преподавал там

почти 20 лет и смог вывести русский балет на европейский уровень. Сейчас это Академия русского балета им. А. Я. Вагановой.

Дидло усилил роль кордебалета, связь танца и пантомимы. Он упразднил тяжёлую «униформу» танцовщиков — обязательные для того времени парики, шиньоны, кафтаны, башмаки с пряжками. Ввёл обтягивающие трико и газовые туники. Стал использовать в своих постановках полёт на сцене. В дальнейшем его «систему полётов» усовершенствовали театральные машинисты.

Переворот в музыке балета произвёл выдающийся русский композитор Пётр Ильич Чайковский. Он внёс в неё глубокое образное содержание, драматическую значимость. Его балеты «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Щелкунчик» превратили балет в симфоническую драму. Её особенностями стали эмоциональность, развитие характеров через танец. Музыка стала не просто сопровождать танец. Она стала раскрывать внутренний мир героев.

В музыке Чайковского появились лейтмотивы (например, тема Лебедя). Лейтмотивы — это сквозные музыкальные темы, которые характеризуют чувства персонажей, меняясь в зависимости от развития сюжета.

Музыку Чайковского отличают напевность и искренность. Чайковский в своих балетах удивительно сочетает классический балетный танец с характерными танцами (национальными, сказочными) и пантомимой. Композитор ввёл в балеты вальсы, марши. Балеты Чайковского построены по принципу симфонических сюит, где отдельные номера объединены общим художественным замыслом. Для Чайковского балет был областью идеально прекрасной романтической фантазии, противостоящей серым будням и трудностям реальной жизни. В сказочных образах своих произведений композитор воплотил мечту о вечном добре, любви и счастье. Все балеты Чайковского объединены темой любви и верности.

Развитие балета в России многим обязано выдающемуся французскому балетмейстеру Мариусу Петипа. Он приехал в страну в 1847 году в возрасте 29 лет. Более 60 лет оставался на службе Императорских театров, создав множество шедевров. Один из его знаменитых балетов — «Дочь фараона». Вместе с драматургом и либреттистом Анри Сен-Жоржем Петипа превратил новеллу Готье «Роман мумии» в роскошно оформленный балет с костюмами в восточном стиле, изображением египетских пирамид в виде декораций, спецэффектами, которые имитировали песчаные бури пустыни.

Петипа поставил знаменитый балет «Дон Кихот», частью которого стали многочисленные испанские танцы. Создал балет «Баядерка», в основе сюжета которого лежит древнеиндийская драма Калидасы «Сакунтала». Огромную славу принесли Петипа балеты «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Раймонда», «Щелкунчик». Любимыми балеринами хореографа были Анна Павлова, Матильда Кшесинская, Тамара Карсавина. Петипа с его тонким

художественным вкусом каждый раз придумывал танец, который подчёркивал индивидуальность каждой танцовщицы, достоинства её исполнения.

Создание балета — сложный процесс. В нём принимают участие драматург, балетмейстер, композитор и художник. Либретто — литературная основа балета. Петипа обращается к литературным новеллам Готье, сказкам Перро, к древнеиндийскому эпосу. После либретто нужно создать партитуру — нотную запись всех партий музыки к произведению. Традиционно в Императорских театрах России работали признанные композиторы Л. Минкус, Ц. Пуни, Р. Драго. Они легко подстраивали свои музыкальные произведения под замысел балетмейстера. Но только с появлением Чайковского Петипа поставил самые выдающиеся балеты.

Балетмейстер должен придумать хореографию, создать рисунок постановки. Он создаёт схему, на которой изображает перестановку танцоров, порядок танцев. Петипа многие из своих ансамблевых построений разрабатывал дома. Сын хореографа вспоминал, что его отец расставлял на столе маленькие фигурки, изображающие танцовщиков. Постоянно их двигал, перемещал, изучал. Наиболее удачные варианты перемещения заносил в записную книжку. Так рождался хореографический замысел каждого балета Петипа. Сложные вариации и отдельные номера балетмейстер создавал на репетициях.

Художественное оформление балета (сценографию) создавали художники К. Вальц, М. Шишков, М. Бочаров. В начале XX века к оформлению балетов подключились мастера кисти из художественного объединения «Мир искусства»: А. Бенуа, А. Головин, Л. Бакст. Они создавали объёмные, красочные декорации.

Петипа прославил русский балет, придал ему неповторимый облик. Его постановки всегда отличали грация и красота. Петипа обрёл всемирную славу как крупнейший балетмейстер конца XIX века, создавший свод правил балетного мастерства. Этот период в истории балета называют «эпохой Петипа». Он создал стиль академического балета, воспитал несколько поколений выдающихся танцовщиков. Благодаря хореографическому таланту Петипа были осуществлены постановки, которые возвели русский балет на вершину мирового искусства. Публика признала русский балет лучшим в Европе.

В 2018 году исполнилось 200 лет со дня рождения Мариуса Петипа. В Москве и Петербурге состоялись различные мероприятия, посвящённые этой дате: лекции, выставки, концерты, презентации книг. В Академии русского балета им. А. Я. Вагановой в марте 2018 года прошла Международная историко-теоретическая конференция «Hommage a Petipa» с участием известных исследователей из Европы и США. В театрах весь сезон шли балеты, поставленные Петипа.

Возросшая в начале XX века популярность русского балета за рубежом многим обязана Сергею Павловичу Дягилеву — русскому театральному и художественному деятелю. Он имел тонкий вкус, большие организаторские

способности, создал общество «Мир искусства» в Петербурге, где объединил талантливых представителей интеллигенции: артистов балета, художников, композиторов. Организованная им труппа «Русский балет» с триумфом выступала за рубежом. Сначала балетные спектакли «Русских сезонов» Дягилева покорили Париж. Затем гастроли труппы стали ежегодными. Артистам балета труппы Дягилева рукоплескали не только зрители многих европейских городов, но и жители США и Южной Америки.

В советское время дальнейшему развитию искусства классического балета способствовала выдающийся педагог и хореограф Агриппина Яковлевна Ваганова. Она написала книгу «Основы классического танца», в которой изложила свои взгляды на подготовку артистов балета. Методика Вагановой стала основой «ленинградской школы» в классическом балете.

Развитие хореографии в Китае связано с несколькими тысячелетиями истории этого древнего восточного государства. В стране более 50 различных этнических групп со своим наречием, своими танцами. Хореография Китая — это соединение традиционного классического китайского танца и национальных танцев разных народностей, проживающих на его территории. Загадочность и неповторимость Китая нашли отражение в его древней культуре. Она подчинена стремлению ко всему прекрасному, гармоничному, совершенному.

История китайского танца началась в IV тысячелетии до нашей эры. Сначала это были просто групповые движения по кругу во время различных религиозных действий. Постепенно танец стал совершенствоваться, изменяться, появились определённые каноны исполнения, гражданские (ритуальные) танцы и военные танцы. Военные танцы стали напоминать сражение, использовали приёмы восточных единоборств.

Классический китайский танец имеет особенности. Его основой является «юнь» — намерение. Движение рождается не из физического усилия, а из намерения. Движение начинается от центра тела и распространяется к конечностям. Очень важна внешняя эстетика. Сочетание смены быстрого ритма и плавных движений. Танец отличает отточенное техническое мастерство. Огромное внимание уделяется сложным переворотам, прыжкам, вращениям. Они требуют особой гибкости и контроля. Акцент делается на верхнюю половину тела. Руки словно служат продолжением взгляда, создавая определённый рисунок танца. Корпус танцора может быть неподвижен. Часто используются разные реквизиты (веер, длинные рукава, шёлковые ленты, зонтики, мечи). Они являются не просто атрибутами, а продолжением рук.

Классический китайский танец имеет сюжет: рассказывает истории, изображает исторических персонажей или мифические образы, отражает китайскую мораль и духовные ценности. Классический китайский танец отличается от боевых искусств (ушу). В ушу важны скорость и взрывные эффекты,

в танце — плавность. Китайские классические танцы исполняли при дворах императоров, во время театральных представлений.

Китайский классический танец имеет собственную методику обучения базовым навыкам и строгий набор упражнений. Он требует очень хорошей физической подготовки, силы, лёгкости, гибкости тела, так как включает сложные комбинации из прыжков, сальто и вращений. Постепенно возникли танцы-пантомимы, основанные на рассказе об исторических событиях. Их главные герои — воплощение благородных черт, защитники справедливости. Появились танцы и на сюжеты китайской мифологии.

Космологические представления древних китайцев были связаны с культом неба и земли. Схема танца вписывалась в квадрат — символ земли, и была ориентирована по сторонам света. В композиции танца часто преобладала не поза, как в индивидуальном танце, а сливались движущиеся фигуры. Танцы часто напоминали начертание иероглифов с различными пожеланиями, например, «Благополучия и умиротворения Поднебесной».

Время расцвета классического танца — период Тан (618–907). Танцы стали разделяться по группам: цзянь у (твёрдые, энергичные), жуинь у (мягкие, нежные), хуа у (цветы), ма у (танцы с конями). Первые 2 группы основывались на древнекитайской дуалистической картине мира, утверждавшей, что мир состоит из 2 частей. Это инь (тёмное женское слабое начало) и ян (светлое мужское сильное начало).

С течением времени произошло соединение танца, песни, и слова. Возникла традиционная музыкальная драма. Дацюй — одна из форм соединения пения и танца посредством сюжета. Возникли сюжетные пантомимы. Одна из первых таких пьес «Маска» (о воинских доблестях ляньлинского воина князя Чан Туна). В пьесе танец был подчинён драматическому действию.

В VIII веке было несколько придворных учебных заведений под общим названием «Грушевый сад». В одном из них («Чудесный сад») обучали танцам и песням способных детей. Они выступали при дворе.

В 1920-е годы китайские зрители в первый раз увидели европейский классический балет. В Китай приехали русские артисты балета и педагоги. Они спасались от революции и Гражданской войны и поселились в Харбине и Шанхае. Эти города стали центрами русской эмиграции. Выпускники хореографических училищ, солисты балета театров Москвы и Петербурга открыли балетные студии, создали балетные труппы. Ими руководили Н. Соколовский, Е. Квятковская, З. Ларина. Хореографические коллективы активно гастролировали по Китаю и Японии, были и в других регионах.

После образования КНР в 1949 году танцевальное искусство стало развиваться. Была создана первая танцевальная труппа при Центральной театральной академии.

В 1950-е годы в Китай приехал талантливый хореограф П. Гусев. При его участии в Пекине в 1954 году было создано хореографическое училище, а при нём — курсы балетмейстеров. Гусев поставил балеты «Лебединое озеро», «Корсар», «Жизель», китайский балет «Красавица-рыбка». При его содействии танцовщица Дай Айлянь на основе соединения элементов европейского балета и классического китайского танца создала балет «Голубь мира». Затем появились «Танец лотоса», «Дружба», «Сбор чая и ловец бабочек».

Своих учеников Гусев призывал изучать все танцы: старинные и современные, танцы народов мира и национальных групп Китая. Особенностью его методики подготовки артистов было использование хореографических этюдов-импровизаций на разные темы. Это развивало творческие способности студентов.

П. Гусев создал в Китае Экспериментальную балетную труппу (сейчас Центральная балетная труппа Китая). Он полагал, что в современных балетных постановках нужно использовать элементы акробатики и боевых искусств Китая. И оказался дальновиден в своих творческих замыслах. Именно соединение классических традиций европейского балета и особенностей китайского танца отличает балет Китая.

Сейчас существует Национальный балет Китая, Шанхайский балет, балет Ляонина, Гуанчжоуский балет. Многие постановки отличает соединение классического западного наследия с китайской национальной культурой. В балете Китая сегодня помимо поз и вариаций классического европейского балета много элементов циркового искусства; трюков, акробатики, прыжков, вращений. Поражает техническое совершенство исполняемых номеров, особая гибкость артистов. Балеты очень зрелищны, используются яркие костюмы, множество световых эффектов, прекрасно оформленные декорации. И, конечно, впечатляет замечательная хореографическая подготовка артистов.

Один из самых известных солистов балета в современном Китае — Чжан Хайдун. Он ведущий артист Ляонинского балета, исполнитель многих партий классического репертуара. Он удостоен серебряной награды в младшей группе на Токийском международном конкурсе артистов балета в Японии (2008), специальной награды на VII Венском международном конкурсе артистов балета и премии в области культуры и искусств в Ляонине. Чжан Хайдун исполнил главную роль в китайском балете «Восемь героинь» и стал лауреатом премии «Вэньхуа» (2016) — высшей правительственной награды в области культуры и искусства.

Развивается в Китае и современный танец. Танец модерн часто не имеет сюжета, он представляет собой выражение эмоций человека, чувственно-образное восприятие им окружающего мира. Известная далеко за пределами Китая танцовщица и хореограф Си Син, имеющая собственную труппу современного танца, считает, что он связан с китайской философией. В одном

интервью она сказала, что танец рождается не из движения, а из разума. Начинается движение, за ним следует сердце.

Балет очень популярен в Китае. Существует множество студий, где люди разных возрастов, от детей до пожилых, учатся посредством танца выражать свои чувства.

Впитав лучшие традиции русского классического балета XVIII–XX веков, китайский классический балет представляет собой сейчас уникальное культурное явление. Он имеет исключительную технику, виртуозность исполнения. Необычные сюжеты, часто построенные на национальных мотивах, но выраженные средствами западной хореографии, яркость, зрелищность завоевали любовь зрителей многих стран. Именно соединение русской школы классического балета с историей и культурой Китая сделали его неповторимым явлением в искусстве.

Список литературы

1.Блок Л. Д. Классический танец. История и современность.—М.: Изд-во «Искусство»,1987.— 556 с.

2. Поэль Карп Балет и драма.— М.: Изд-во «Планета музыки», 2023.— 376 с.

3. Вашкевич Н. Н. История хореографии всех времён и народов. Учебное пособие.— М.: Изд-во «Планета музыки», 2017.— 192 с.

4. Балет. Иллюстрированная история.— М.: Изд-во «Бомбора», 2021.— 360 с.

5. Кузнецова Т. А. Хроники Большого балета.— М.: Изд-во «Рипол-Классик», 2011.— 336 с.

6. Карсавина Т. Театральная улица. Воспоминания.— М.: Изд-во «Искусство», 1987.— 556 с.

7. Лопухов Ф. В. В глубь хореографии.— М.: Изд-во «Композитор», 2017.— 276 с.

8. Саймон Моррис. Большой театр. Секреты колыбели русского балета от Екатерины Второй до наших дней.— М.: Изд-во «Эксмо», 2023.— 520 с.

9. Слонимский Ю. И. Советский балет. Материалы к истории советского балетного театра.— М.: Изд-во «Планета музыки», 2024.— 340 с.

10. Хисамутдинов А. А. Русский балет в Китае.— Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета,— 2015.

11. Чжан Хуйюй. Становление балетного искусства в Китае в контексте развития мирового балета// журнал Научные междисциплинарные исследования,— 2021.

12. Сяочжэнь Лю, Шуанбай Фэн. Иллюстрированная история китайского танца.— СПб.: Изд-во «Шанс», 2022.— 471 с.

DOI 10.34660/INF.2026.85.13.234

ХАРАКТЕРИСТИКИ КОСМИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ В РОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ 1960-Х — 1980-Х ГОДОВ

Ван Вэй
аспирант
Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск, Беларусь
Научный руководитель — **Пагоцкая Елена Викторовна**
кандидат искусствоведения, доцент
Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск, Беларусь

Аннотация. *Благодаря успешному полету героя советского космоса Юрия Гагарина в 1961 году Советский Союз вступил в «космическую эпоху». А после полета Гагарина космическая тематика стала одной из центральных в популярной культуре. Период с 1960-х по 1980-е годы стал золотым веком расцвета космического искусства. С ростом популярности научной фантастики художники создавали иллюстрации для научно-фантастических книг и журналов. Особенно, журнал «Техника — молодёжи» публиковал литературные произведения писателей-фантастов со всего мира, тогда как работы художников-фантастов массово печатались в виде иллюстраций и обложек. Данная статья анализируются индивидуальные художественные стили художников-фантастов. В статье изучаются особенности иллюстраций в жанре научной фантастики.*

Ключевые слова: *научно-фантастической жанр, иллюстрации, космическая тематика, научная фантастика.*

Художник А. К. Соколов с детства любил научно-фантастические романы К. Циолковского и других писателей, его первая научно-фантастическая картина была написана по роману Брэдбери «451 градус по Фаренгейту». А. К. Соколов также считается одним из основоположников школы космической научно-фантастической живописи. А. Леонов, будучи космонавтом, обеспечил для их сотрудничества достоверные научные данные и подробные сведения о космосе. Соколов смотрел на космос как художник, он был силен

в том, чтобы ухватить и изобразить крайне важные для художника детали и мельчайшие отличия, более образно представляя космонавтику и картины Вселенной. Он даже просил космонавтов брать его работы с собой в полет, чтобы сравнить с реальным космосом, а затем вносил правки согласно фотоматериалам и сведениям от космонавтов, пытаясь в завершенном виде восстановить красоту Вселенной. Все эти работы наполнены космическим реализмом. «Голубой пояс Земли», «Заход солнца на орбите», «Космическая заря» и другие работы изображают явления Вселенной, которые можно увидеть только в космосе, например, момент восхода Солнца на Марсе, Солнечный протуберанец, тянущуюся вдоль контура Земли голубую полосу света и прочие наполненные особым очарованием виды.

Научно-фантастические картины А. К. Соколова и А. А. Леонова практически охватили все основные этапы космических исследований, которые только можно вообразить, от запуска с Земли до прибытия на Луну и далее к раскрытию тайн других планет Солнечной системы и изучению внеземных цивилизаций, обсуждению сложных вопросов, с которыми сталкивается человек на пути космических исследований, от вызовов астронавтики, которые в целом уже разрешены на сегодняшний день, до вызовов выживания в космосе в далеком будущем. Их работы — это завершенное сочетание науки и воображения, они базируются на научных данных и современных теориях и гипотезах об устройстве Вселенной и ее развитии, но также при помощи силы воображения живо представляют космические пейзажи и процессы эволюции планет. Это признание мудрости и креативности человечества и мечты о великих будущих свершениях советской науки. В период с 1965 года по 1980 год в СССР был выпущен ряд открыток под названиями «Космическая фантазия», «В глубинах Вселенной», «На звёздных трассах», «Звёздные пути», а также серия марок, посвященных космической фантастике, где преимущественно печатались копии их работ. Помимо этого, научно-фантастические картины Соколова также массово появлялись в виде иллюстраций к научно-фантастическим романам в журнале «Техника — молодёжи».

«Техника — молодёжи» публиковал литературные произведения писателей-фантастов со всего мира, тогда как работы художников-фантастов массово печатались в виде иллюстраций или обложек. Редакция журнала сыграла важную роль для объединения художников в сфере космической и научно-фантастической живописи, помимо проведения конкурса научно-фантастического рисунка редакция также организовала постоянную научно-фантастическую выставку «Время — Пространство — Человек», которая просуществовала вплоть до окончания советской эпохи. По просьбе Академии наук СССР журнал «Техника — молодёжи» также организовал тематическую выставку «Космос завтрашнего дня», на церемонии открытия которой первый

секретарь Союза художников СССР Т. Салахов торжественно провозгласил рождение нового жанра: «Выставка художников-фантастов стран социалистического содружества стала своеобразным открытием нового жанра в нашем изобразительном искусстве — жанра научно-фантастической живописи» [2]. Несмотря на то что научно-фантастическая живопись как вид искусства родилась из научно-фантастической литературы, но очень скоро она стала развиваться самостоятельно. Функционально научно-фантастическая живопись стала методом ухода от реальности и использовались для преодоления цензурных запретов, идеологических барьеров, постановки и решения сложных морально-этических вопросов. [4]

Роберт Авотин, Константин Арцеулов, эстонский художник Юло Соостер, Георгий Курнин, Николай Колчицкий, Геннадий Голобоков, Виктор Шихов и многие другие художники создавали научно-фантастические иллюстрации для журнала «Техника — молодёжи». Несмотря на то что в советскую эпоху научно-фантастическая иллюстрация существовала как вид прикладного искусства и появлялась лишь в научно-фантастических романах и некоторых журналах и брошюрах, однако она была не просто придатком для текста, а художественным произведением, которое можно рассматривать как самостоятельное.

Среди художников, работавших с научно-фантастическими космическими темами, нельзя не вспомнить Юрия Павловича Швеца (1902–1972 гг.). Будучи одним из пионеров советского научно-фантастического кинематографа и живописи, Юрий Швец еще в 1935 году выступил художником-постановщиком снятого в СССР научно-фантастического фильма «Космический рейс», который повествовал о советских планах высадки на Луну. К. Э. Циолковский был старшим консультантом на съемках, он предоставил Ю. П. Швецу множество научных сведений и чертежей. Под руководством Циолковского Швец нарисовал космическую ракету, скафандр и прочее оборудование, что придало работам художника крайнюю реалистичность. Швец проработал в таком реалистическом ключе всю свою жизнь. Впоследствии он принял участие в создании некоторых научно-фантастических фильмов на космическую тему: «Небо зовет», «Вселенная», «Луна», «Марс» и др. Однако в то время основной тенденцией в искусстве было авангардное искусство, научно-фантастическая живопись не привлекала серьезного внимания вплоть до тех пор, пока действительно не началось изучение космоса — только тогда научно-фантастическая живопись установилась как независимый художественный жанр. С началом 60-х годов Ю. П. Швец написал несколько самостоятельных научно-фантастических картин, посвященных космосу: «Космодром на Луне», «На Марсе. Встреча двух миров» (1961 г.), «Стартовая площадка орбитальной космической станции» и «Луна. Океан Бурь. Проспект им. Гагарина. 1996». В этих работах

Ю. П. Швец продолжил реалистический стиль и тему покорения космоса, представляя успех человечества в космических исследованиях, когда Вселенная перестанет быть такой далекой и космос станет частью обычной жизни людей. Его произведения выставлялись в рамках экспозиций Международной художественной выставки Союза художников СССР, ЦК ВЛКСМ, журнала «Техника — молодежи» — «Время — Пространство — Человек».

В 70-х — 80-х годах вслед за неудачей СССР в «космической гонке» в общем направлении развития жанра научно-фантастического романа происходят изменения, заметно увеличивается число уникальных стилей и разнообразие советских научно-фантастических романов. «С этим связан и расцвет советской фантастической иллюстрации, что отразило изменения в общем культурном настроении и социальном воображении, которое переместилось с романтизированных образов будущего в постапокалиптический и мрачный мир. Эти изменения возникли в период экономического застоя и ужесточения цензуры брежневской эпохи».[7] Внимание людей больше не было сосредоточено на успехах космонавтики, они начали проявлять любопытство в отношении более глубоких уголков космоса, следить за темой инопланетян. Деятели космического искусства не просто находили удовлетворение в реалистической живописи и объективном изображении достижений космонавтики, а надеялись за счет своей собственной творческой силы и воображения исследовать отношения между человеком и Вселенной, задумывались над будущим человечества. Жанровое разнообразие их картин вовсе не было нацелено на передачу образов объектов, описываемых в научно-фантастических литературных произведениях, они старались изобразить глубины Вселенной, до которых не могла дотянуться человеческая наука и техника, а также давали определенное вдохновение для развития научно-технических исследований. По словам советского писателя-фантаста Георгия Иосифовича, задачу художника-фантаста он видит в том, чтобы «передать» пока еще смутно предчувствуемые победы будущего языком искусства, языком, для которого не столько важны детали, сколько общее синтетическое содержание и целеустремленность. [6]

В середине 1950-х годов Роберт Авотин переключился в основном на иллюстрации научно-фантастической и космической тематики. В эти годы он начал сотрудничество с журналом «Техника — молодёжи», продлившееся 40 лет. Впоследствии Авотин также иллюстрировал многие научно-фантастические книги издательства «Молодая гвардия». Научно-фантастические иллюстрации Авотина стали знаменитыми благодаря их точности, близкой к документальным снимкам, и утонченному стилю. Он черпал вдохновение из научно-фантастической литературы, выстраивал наполненное воображением пространство, воссоздавал удивительные виды Вселенной и порождения иных планет из фантастических романов, наполняя все достоверностью

и строгостью. Это позволяло читателям окунуться в фантастические миры, созданные художником и писателем. «Общность научной фантастики во всех видах искусства — явление крайне интересное. Её основу составляет литература — научная и научно-популярная. Именно из неё черпают теперь мысли, преобразуемые в изображения. Современная научная литература способна оказать эстетическое воздействие, вызвать многочисленные ассоциации даже у неспециалистов». [8]

Многие деятели искусства самых разных квалификаций и профессий также сотрудничали с редакциями таких журналов, как «Молодая гвардия», «Техника — молодёжи», «Знание — сила», «Юный техник» в качестве иллюстраторов. Их художественный стиль был тесно связан с их профессией.

Константин Арцеулов был летчиком по профессии, это привело к тому, что его научно-фантастические картины были преимущественно посвящены теме «воздухоплавания». В своих работах он изображал летящие образы самых различных летательных аппаратов. У Арцеулова было особое восприятие пространства и движения в нем, в его живописи можно увидеть обостренное ощущение цвета и наблюдательность художника. Арцеулов считал, что «в сфере аэронавтики человек неизбежно становится художником, так как это своего рода предназначение, разновидность творческого способа выражения, а также процесс постоянного исследования мира».[1] Художник Николай Колчицкий был инженером по профессии, и его иллюстрации считаются мостом между современной наукой и научно-фантастическим искусством, сочетающим в себе человеческую инженерию и передовые технологии. В сериях «Путешествие к далёким мирам», «Путешествия в космос», в картине «К Солнцу» появляются новые типы ракет, звездных станций и планетоходов. При помощи различных стилей живописи он изображает сложные космические пейзажи. Работы Колчицкого наполнены ярко выраженным промышленно-техническим колоритом, но также и изумительными художественные чертами.

Научно-фантастические иллюстрации доктора технических наук, профессора Георгия Иосифовича Покровского отражают его техническое мышление и научные взгляды, можно сказать, что художественная композиция его работ представляет собой проектные чертежи в области авиации, космонавтики, геоинженерии и прочих сфер науки и техники. Покровский видел свою задачу не в «иллюзионистском» творчестве, а в творчестве, реально преобразующем физическую, социальную и духовную природу человеческого общества.[5] Вместе с тем, Г. И. Покровский всячески поддерживал развитие и творчество научно-фантастической живописи, в своих «предложениях по развитию научно-фантастической живописи» он планировал создать в Москве Дворец мирового научно-фантастического искусства и на его основе организовать передвижную всемирную выставку».

Ранние работы Геннадия Голобокова (1935–1978 гг.) выполнены в стиле соцреализма, который сменился научно-фантастическим космическим стилем только на протяжении последних 6 лет его жизни. Его первая научно-фантастическая картина «Великое кольцо Вселенной. Контакт» основана на научно-фантастическом романе И. А. Ефремова «Туманность Андромеды». За нею последовали такие научно-фантастические работы, как «Черная звезда», «Космическая мазурка», «Знаки мёртвой планеты», «Парадокс времени» и др. Его картины отличаются от работ других художников-фантастов, он изображает не человеческие технологии или космические пейзажи, а сильный дух смелого и бесстрашного человека с ясными целями, который он проявляет, сталкиваясь с трудностями во время космического путешествия. Эти символизирует духовный мир художника, горячо любящего жизнь (в результате несчастного случая 16-летний Геннадий остался парализованными до конца жизни). В этих работах не реализованное при жизни и подсознательно воплощенное преодоление ограничения в пространстве личности художника Голобокова. О нем говорят, как о первооткрывателе направления «психологической фантастики» в живописи, главная тема творчества которого — психология людей будущего. [3] В журнале «Техника — молодежи», где были напечатаны его картины, дали следующую оценку: «В живописной манере его привлекает лиричность, одухотворенность людей недалекого будущего, их нравственная чистота, способность к самопожертвованию, духовное подвижничество». [9]

Стремление к космическим путешествиям и безграничность космического пространства вдохновляли художников на создание научно-фантастических картин, они не просто рисовали прекрасные космические пейзажи и удивительный мир иных планет, но и выходили за рамки современной науки, создавая в космосе цивилизации, превосходящие современные технологии, строили в космическом пространстве и на планетах космические города, удивительные летательные аппараты и прочие технические сооружения, которые стали вдохновением для научно-технического прогресса и космонавтики. Российская научно-фантастическая живопись, часто рассматриваемая как пропаганда и дополнение к литературе и кино, существующая преимущественно в виде иллюстраций в научно-фантастических романах и журналах, на самом деле представляет собой обширное и уникальное художественное явление, отражающее стремление художников к освоению космоса и технологическому прогрессу с 1960-х по 1980-е годы. Эта научно-фантастическая тема проникла во все области современного искусства.

Список литературы

1. В. В. Комиссаров / Развитие кинофантастики и фантастической живописи в контексте истории советской интеллигенции//Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки» 3 (1) 5–10. С. 8

2. В. Козьмин / на границах грядущего и беспредельного // Техника-молодежи.— 1973.- 10.- С. 10–11. Пер. в эл. вид Ю. Зубакин, 2001

3. Валерий Алябьев/ Мечтой окрыляя науку// «Техника-молодежи» 1979 № 10, с. 12–13

4. Даниленко Л./ Внуки Айвазовского: к 120-летию со дня рождения К. К. Арцеулова (1891–1980) / Л. Даниленко // Победа.— 2011.— 5 июля.— С. 4

5. Иван Папанов. /Во имя человека: [Статья о мечтах, воплощенных в картинах художника-фантаста Г. Голобокова] // Техника — молодежи, 1976, № 11 — с. 8-

6. Салахов Т. / Открытие нового жанра // Техника — молодежи. 1974. № 4.

7. Соколов А. / Сквозь время и пространство / Беседу провёл Р. Тумановский // В мире книг (М.).— 1982.— № 7.— С. 50).

8. У Цзыцзин, Блинова Е. К. / Знаменитые советские иллюстраторы 1949–1999 гг. и их работы в научно-фантастических книгах // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. № 5А. С. 90

9. Через тернии — к звездам!: [О поэте и художнике Геннадии Голобокове] // Техника — молодежи, 1973, № 5 — с. 6–7

ЗАМЕТКИ

Научное издание

Научный диалог: теория и практика

Материалы международного научного форума
(г. Москва, Форум 26 марта 2026 г.)

Научный редактор Д.Р. Хисматуллин
Корректор А.И. Николаева

Подписано в печать 26.03.2026 г. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 12,75. Тираж 500 экз.

Отпечатано в редакционно-издательском центре
издательства Инфинити